

НА СТЫКЕ МИР-СИСТЕМ
ИЗ ИСТОРИИ
КОНТАКТНЫХ ЗОН
ДРЕВНОСТИ
И СОВРЕМЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

|

ՀԱՅ-ՈՒՒՄԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ
ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

**ԱՇԽԱՐՀ-ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐԻ ՀԱՆԳՈՒՑԱԿԵՏՈՒՄ.
ՀՆԱԴԱՐՅԱՆ ԵՎ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ
ԿՈՆՏԱԿՏԱՅԻՆ ԳՈՏԻՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ**

ՄԵՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՊՐԱԿ Ա

ԵՐԵՎԱՆ
ՀՈՀ ՀՐԱՏԱՐԱՎՉՈՒԹՅՈՒՆ
2016

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**НА СТЫКЕ МИР-СИСТЕМ:
ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТНЫХ ЗОН ДРЕВНОСТИ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

МОНОГРАФИЯ

ТОМ I

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО РАУ
2016

УДК 93/94
ББК 63.3
Н 320

Печатается по решению Научно-Технического и Редакционно-издательского советов РАУ
и ученого совета Института археологии и этнографии НАН РА

Сборник подготовлен при финансовой поддержке РАУ в рамках проекта
«Развития Российско-Армянского университета 2014–2016 гг.»

Ответственный редактор: **Е. Г. Маргарян**

Авторы: **Аветисян Л. Г., Аветисян П. С., Косян А. В., Маилян Б. В.,
Маргарян Е. Г., Ерицян А. Дж., Гозалян В. Б.**

Н 320 **На стыке мир-систем: Из истории контактных зон древности и современности.** – Ер.: Изд. РАУ,
2016. – 144 с.

Данная монография – междисциплинарное исследование коллектива авторов разных возрастов, работающих в разных областях общественности (археология, востоковедение, историография, регионоведение, политтеория и международные отношения) и занимающихся разными историческими периодами, но сосредоточившими свое внимание на одной проблематике – мир системном и гецивилизационном анализе.

Монография адресует научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся теоретическими и макросоциологическими вопросами древней и современной истории.

УДК 93/94
ББК 63.3

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Маргарян Е. Г.</i> От редактора.	7
<i>Маргарян Е. Г.</i> Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории. «Переориентация» или «ориентализация» современного исторического сознания.	9
<i>Маргарян Е. Г.</i> На стыке древних мир-систем: пролегомены.	26
<i>Аветисян П. В.</i> Мир-Системы, границы и контактные зоны в истории Древней Передней Азии	48
<i>Косян А. В.</i> Евфратско-Тигрская контактная зона в III – первой половине I тыс. до н.э.	66
<i>Маилян Б. В.</i> Понтийская (Колхидская) контактная зона с древнейших времен до конца античности.	96
<i>Маргарян Е. Г., Аветисян Л. Г.</i> Теория мир-системного анализа в XXI веке: смена мир-системы?	108
<i>Аветисян Л. Г.</i> Поднебесная: причины отставания и перспективы развития.	117
<i>Ерицян А. Дж.</i> Этноконфессиональный конфликт на цивилизационных рубежах Индии и Пакистана.	124
<i>Гозалян В. М.</i> Тибет – зона конфронтации.	134
Сведения об авторах	141

ОТ РЕДАКТОРА

Одной из особенностей постсоветской трансформации стал повсеместный отказ от формационного подхода в общественных науках. Историография бывших союзных республик пошла по пути изоляционизма и отъединенности от единого взгляда на историю и исторические процессы¹. Идиографический (от др.-греч. ἰδιος – своеобразный + γράφω – пишу) взгляд на историю повсеместно стал доминирующим. Этот метод нацелен на выявление индивидуальных особенностей объекта (например: человека, социума, этноса, нации, цивилизации), наличие которых отличает его от других объектов. Во главу угла была поставлена задача по выявлению древних корней той или иной нации (даже когда это касалось таких молодых наций как казахи, украинцы или азербайджанцы), их исключительности и высокой исторической миссии. Номотетические подходы (от др.-греч. νομοθετική – законодательное искусство) в историографии, направленные на выявление закономерностей функционирования и эволюции социальных систем² были отложены на неопределенный срок.

Армянской исторической науке также не удалось избежать (хотя возможно не в столь выраженной форме) родовых пятен переходного периода. В современной армянской историографии, помимо сугубо арменоведческих исследований, занимающих в ней преобладающее место, некоторое время новаторским считался цивилизационный подход. Однако вскоре стало очевидно, что при всей своей продуктивности, цивилизационный подход может дать ответы далеко не на все злободневные вопросы современности. Историкам было важно понять, как вписывается и какое место занимает история Армении в той или иной макро-исторической схеме. За последние годы ряду авторов удалось нащупать новые методы и взгляды, сочетающие в себе цивилизационную парадигму и мир-системный анализ. Эта идея была положена в основу большинства работ данного сборника.

Представленная на суд читателя монография – результат работы коллектива авторов разных возрастов, работающих в разных областях обществознания (археология, востоковедение, историография, регионоведение, политтеория и международные отношения) и занимающихся разными историческими периодами, но сосредоточившими свое внимание на одной проблематике – мир системном и гецивилизационном анализе. Подготовка монографии в составе авторского коллектива позволила его участникам осуществить междисциплинар-

1 Из целого ряда причин следует выделить две основные – это взлет национального самосознания, порожденный объективными потребностями государственного строительства и неизбежная реакция на засилье марксистской доктрины в историографии и политической экономике. Когда же давление ангажированной марксистской идеологии на историографию исчезло, идеографические тенденции стали ответной реакцией на глобалистские тенденции охватившие общество в постсоветский период.

2 А также природных, семиотических и многих других.

ное исследование с целью конвергенции знаний в изучаемой области. Монография носит поисковый характер, основной целью которой является решение крупной проблемы – исследование мироцелостных практик, ориентированных на проблематику становления современного социального мира как системы.

Терминологически работы данного монографического сборника как будто бы наследуют традицию мир-системного анализа, по сути же некоторые из представленных статей нарушают сложившиеся в последней четверти прошлого столетия стереотипы, чтобы сформировать более актуальные, стереопарные системно-структурные и структурно-функциональные концепции.

Ե. Գ. ՄԱՐԳԱՐՅԱՆ

(Российско-Армянский университет)

СОВРЕМЕННЫЕ НОМОТЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДИНАМИКИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. «ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ» ИЛИ «ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ» СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции развития одного из перспективных направлений современной историографии – мир-системного анализа, разбираются современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, стремящейся описать весь мир в целом.

Ключевые слова: *постколониальная критика, макросоциология, окцидентоцентризм, ориентоцентризм, переориентация, мир-система, мир-экономика, Передняя Азия.*

Abstract

**Modernnomothetic approaches in the analysis of the dynamics of world history.
"ReORIENTalization" or "orientalization«»" of modernhistorical consciousness.**

The article examines the main trends in the development of one of the promising areas of modern historiography – the world-system analysis; examines modern nomothetic approaches to the analysis of historical trends, approaches that seek to describe the world as a whole.

Keywords: *postcolonial criticism, macrosociology, occidentocentrism, orientocentrism, reorientation, world-system, world-economy, Southwest Asia.*

Անփոփում

Հոդվածում դիտարկվում են ժամանակակից պատմագիտության մեջ թերևս ամենահեռանկարային մեթոդի՝ աշխարհ-համակարգային վերլուծության զարգացման հիմնական միտումները, քննության են առնված արդի նմոթետիկ մոտեցումները, որոնց նպատակն է նորովի վերլուծել պատմական դինամիկան, աշխարհը նկարագրել իր ամբողջության մեջ:

Հիմնաբառեր. *Հետգաղութարիբական քննադատություն, մակրոսոցիոլոգիա, արևմտյան կենտրոնություն, արևելյան կենտրոնություն, վերակողմնորոշում, աշխարհ-համակարգ, աշխարհ-տնտեսություն, Առաջավոր Ասիա*

Официальная история, изложенная на страницах школьных учебников, энциклопедий, университетских и академических изданий, отображает преимущественно события древней истории Греции, Рима, Средневековой, Новой и Новейшей Европы. Чуть больше повезло Древнему Египту, Месопотамии, Византии и Арабскому халифату. Остальные народы Азии, Африки и Америки, как правило, выпадали и выпадают из поля зрения историков (за исключением узкой группы специа-

листов), как будто этих стран и регионов не существовало, до тех пор пока они не вошли в соприкосновение с Западной цивилизацией и не испытали на себе ее благотворного влияния. Американский историк Эрик Вульф охарактеризовал эту ситуацию так: «Европа и народы без истории»¹. В большинстве учебников и научных исследований восточные народы и страны, несмотря на свою древнюю

¹ Wolf 1982.

историю, представляются отсталыми и косными, отвергающими несомые европейцами блага цивилизации и прогресса, а эпохи, предшествующие появлению европейцев, оказываются сплошным белым пятном.

Тот же подход доминировал и в официальной советской историографии. В большинстве учебников история древних народов СССР представлялась как пребывание в некоем летаргическом состоянии, в ожидании, когда придут русские и, пробудив их от многовековой спячки, включат в свою империю, приобщив к высокой русской культуре и опосредованно к западной культуре и западным ценностям. Главное же событие, согласно советской историографии, для народов империи было впереди: после большевистской революции 1917-го был установлен советский строй, что позволило народам империи, вслед за русскими, дружно двинуться на штурм «зияющих высот» коммунизма. Что касается предшествующей упомянутым эпохальным событиям истории некоторых народов, со временем она стала представляться хотя и очень древней, но не продуктивной и, по сути, тупиковой. Таким образом, продвижение России за свои естественные пределы в официальной историографии представлялось не колонизацией или империалистической экспансией, а своего рода высокой миссией, в духе провиденциалистской теории Третьего Рима.

И все же это не означает, что на Западе или в России совсем не было интереса к Востоку. Отнюдь, интерес был, причем двусложный – онтологический и практический, на основе этого двуединого интереса со временем сформировалось два типа ориентализма – академический и политический². Безусловно, говорить о том или ином виде ориентализма в чистом виде не приходится, границы между ними размыты. Академические изыскания о Востоке имеют безусловное приклад-

2 Это ориентализм политиков, аналитиков, разведчиков и пр.

ное значение, и наоборот, добытая для практических целей информация со временем пополняет базу фундаментальных знаний. Многие известные ориенталисты, проводившие полевые исследования в различных регионах Азии и Южной Америки, на поверку оказались тайными агентами держав, имевших интерес в данном регионе. Для многих из этих откомандированных на государственную службу интеллектуалов Восток почти сразу стал предметом страсти. В романе «Танкред» Бенджамен Дизраэли писал: «Восток – это профессия». Как справедливо подметил Эдвард Саид: «...он имеет в виду, что интерес к Востоку станет для блестящих молодых представителей Запада всепоглощающей страстью»³, а не простой рутинной работой на благо своей державы.

Стоит отметить также и другие формы ориентализма, временами неожиданные и занятные: например, мода *ala Orient*. Речь не только о вплетении восточных мотивов в одежду и интерьер жилищ западных людей и имитации предметов восточного искусства (так называемый стиль *шинуазри*)⁴, но и о моде на китайские и японские сады, персидские фонтаны и греческие бани, а также о стремлении европейцев окружать себя восточными предметами быта – армянскими коврами, китайскими вазами и фонарями, японскими гравюрами, ширмами и мелкой пластикой, среднеазиатскими шелками и атласом. После походов Наполеона и расшифровки Шампольоном Розеттского камня в Европе надолго доминирующей стала египетская тематика. В литературе и искусстве (особенно в эпоху Романтизма) на Западе появились бесчисленные произведения, в которых Восток предстал в самых разных об-

3 Саид 1995: 13.

4 От фр. *chinoiserie* – дословно китайщина – использование мотивов и стилистических приёмов средневекового китайского искусства в европейской живописи, декоративно-прикладном искусстве, костюме, в разбивке и оформлении садово-парковых ансамблей XVIII века (см.: Сокольникова, Крейн 2006: 111-113).

личьях – идеализированных или демонизированных, но мало общего имеющих с реальным, сложным и многообразным миром⁵.

Ориентализм, во всех своих проявлениях, необходим Западу, необходим, прежде всего, для самоидентификации, ведь осознание себя возможно только через оппозицию. Однако именно поэтому любой ориентализм оксидентоцентричен⁶, так как в основе его всегда лежит европейский взгляд на неевропейские предметы и явления. Такой ориентализм Э.Саид охарактеризовал как: «...западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»⁷. Для европейцев и американцев Запад – всегда субъект, Восток же был и остается объектом, миром, обладающим безусловным очарова-

нием⁸, но вместе с тем на протяжении веков остающимся косной, застылой, застрявшей в прошлом средой. В противоположность ему, Запад, представляется носителем истинного знания и агентом прогресса – технологичным, динамичным, открытым, нацеленным на перманентную модернизацию мира. Особая роль в укоренении подобных взглядов и представлений, безусловно, принадлежит историографии и политэкономии.

Однако именно историография первой попыталась обойти эти мировоззренческие парадигмы, расширив тем самым горизонты своего исследования. Разработанная О. Шпенглером и А. Тойнби парадигма локальных цивилизаций, значительно потеснившая концепцию глобальной истории, а также исторические труды М. Ростовцева, Л. Гумилева, политэкономические и географические разработки А. Петерса, историко-философские труды Н.И. Конрада, В.П. Чалояна, и др. пробили брешь в евроцентристской картине мира и, по образному выражению Мартина Бернала, «ослабили культурное высокомерие европейцев», однако не смогли поколебать его основ. Интенсивное развитие индустрии в Западной Европе и Северной Америке, с одной стороны, и промышленное отставание остальных частей земного шара – с другой, продолжало подпитывать оксидентализм, в явной или неявной форме провозглашающий превосходство западноевропейской цивилизации и европейского образа жизни, особую, мессианскую роль некоторых европейских народов в мировой истории⁹.

Веру в превосходство европейской цивилизации поколебали изменения, происшедшие вскоре после Второй мировой войны в Восточной Азии, особенно экономическое чудо, сотворенное вначале Японией, затем «четырьмя азиатскими тиграми» и вслед за ними «четырьмя азиатскими драконами».

5 Julian1977; Nochlin 1983: 118-131, 187-191.

6 Оксидентоцентризм или оксидентализм (от лат. *occidens* – запад) – доктрина, основанная на выделении Запада как особого культурного, идеологического, исторического и социополитического феномена и ориентира в реализации культурной или политической деятельности. В широком смысле оксидентализм представляет собой изучение западной цивилизации как наиболее эффективной и успешной в истории человечества, через призму ее ценностей, принципов и ориентиров. В то же время, в узком смысле, термин оксидентализм может иметь негативную коннотацию. Подобный подход характерен для ориентоцентричных авторов и идеологов, рассматривающих Запад как антигуманную, деструктивную силу, тлетворно влияющую на устоявшиеся ценности и традиционные культуры. Дискурсу оксидентализма посвящены книги Яна Бурумы и Авишья Маргалита «Оксидентализм: Запад глазами его врагов» и «Оксидентализм: краткая история антизападничества» (Buruma, Margalit 2004; Buruma, Margalit 2005). Авторы деконструируют традиционно распространенные негативные стереотипы о Западе. При этом Запад представлен как этакий Город-блудница, Новый Вавилон, носитель многочисленных архетипических пороков и отклонений от божественных норм и установлений, в то же время Восток рассматривается антизападниками как Деревня, окраина, обреченная всегда быть второй. Характерным примером такого идеологического «оксидентализма» можно считать отношение старозаветных израильтян к ханаанеянам и филистимлянам, в России – славянофильство, в странах мусульманского Востока – современный политический ислам.

7 Саид 1995: 10.

8 Однако на бытовом уровне ксенофилия европейцев вызывает на Востоке столь же сильное раздражение, что и ксенофобия.

9 Ферро 1993: 10-16.

Окончательный же удар по европоцентризму нанес постмаоистский Китай, стремительно ворвавшийся в современную интерэкономку и уверенно занявший в ней доминирующие позиции. По сути, на глазах одного поколения в мировой экономике произошло четыре «высадки десанта» из восточноазиатских стран: первая волна пришла из Страны восходящего солнца, вторую «высадку» осуществили «тигры» (Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань), третью – «драконы» (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия), и наконец, четвертую, самую массивную – «Поднебесная». При этом, каждая из четырех волн не перекрывала предыдущие, а наслаивалась на них, создавая стойкое ощущение того, что все это происходит не случайно и подчиняется некоей телеологической целесообразности, странной и непонятной для западного человека. Все четыре волны исходили из разных ареалов единой мир-системы, которую некоторые исследователи уже давно окрестили конфуцианской цивилизацией. Пожалуй, не случайно завершающий аккорд в этом восточноазиатском оркестре сыграла именно Срединная империя, во все времена занимавшая центральное место в этом Номосе и исполнявшая роль дирижера, законодателя мод. В завершение добавим, что в спину восточноазиатским драконам дышит набирающая обороты индийская экономика.

Вслед за экономической перестройкой и перемещением «центра тяжести» стали происходить изменения и в мировоззренческих парадигмах нашего времени. Вместе с японскими, корейскими, малазийскими и китайскими товарами в мир пришло осознание того, что прежние политэкономические модели и политологические парадигмы в новых условиях не работают, евроцентристская картина мира перестала быть убедительной и потеряла актуальность. И все же, в отличие от мировой экономики, сразу отозвавшейся на происшедшие в мире изменения, западная социологическая мысль, на наш взгляд, отреагировала на них с опозданием. Основной

причиной такой неповоротливости в сознании современных историков и политологов был и остается своего рода веберовский оксидентный нарциссизм – самодостаточность западных мировоззренческих парадигм, существенно не менявшихся со времен Просвещения и ранних гегелианцев. Существующую картину мира необходимо если не поменять, то хотя бы откорректировать в соответствии с реалиями нового времени. Но для этого необходимо было расчистить культурное пространство. Эту задачу на себя взяла постколониальная критика, которая возникла под влиянием постмодернистского дискурса Мишеля Фуко, построенного на анализе культурного наследия эпохи колониализма. Свое дальнейшее развитие эти идеи получили в работах Эдварда Вади Саида¹⁰, Гаятри Чакраворти Спивак¹¹, Хоми К. Бхабхи¹². Характерно, что последние три американских исследователя имеют азиатское происхождение, и их опыт челночного (посути, маргинального) проживания на границе между метрополией и колонией¹³ дал им возможность выступать от имени различных культур. С аналогичных позиций выступает и профессор Чикагского университета Дипеш Чакрабартти, автор нашумевшей книги с провокационным названием «Провинциализируя Европу»¹⁴. Чакрабартти называет современный мир постзападным и постамериканским и находится на пороге появления незападных систем оцен-

10 Саид: 1995; Саид: 2003.

11 Spivak 1987; Spivak 1988.

12 Bhabha 1990; Bhabha 1994.

13 Э. Саид, по происхождению, иерусалимский араб, а Х. Бхабха – индийский парс, рожденный в зажиточной зороастрийской семье. По сути, все трое упомянутых ориенталистов родились и как личности сформировались на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывали влияние их противоречащих друг другу ценностей. Это позволило им создать свою собственную систему норм и ценностей, отличную одновременно, как от туземных, так и от колониальных ценностных систем.

14 Chakrabarty: 2007.

ки, например, качественно иного понимания идеи демократии.

Будучи, по сути, западными интеллектуалами, они путем деконструкции, разрушения/ниспровержения западных стереотипов и культурных образцов, попытались создать новую картину мира, построенную по принципу «гибридности»¹⁵. Постколониальная критика имеет различное происхождение, отсюда два противоположных, иногда расходящихся, иногда же пересекающихся антиимперских вектора – националистический и космополитический (глобалистский). В результате гибридизации этих двух антиимпериалистических движений появился такой феномен как глокализация¹⁶ – термин, введенный в оборот британским социологом и теоретиком процессов глобализации Роландом Робертсоном¹⁷. Представители этого движения главной задачей считали саморепрезентацию и формирование мультикультурной личности, что в значительной степени отражало процессы формирования государственности и национальной идентичности на постимперском пространстве, с одной стороны, и становление мультикультурного общества в странах Западной Европы во второй половине XX в., с другой.

Вместе с тем, практически все постмодернистские политические философы оспаривают стержневую для марксизма идею об изначально экономической природе империализма, и, как отмечалось выше, делают

акцент на дискурсе культурной и социальной эксплуатации. В противоположность им, неомарксистские историки строят постколониальную критику, прежде всего, с позиций политэкономических и макросоциальных. Одним из первых неоклониальных макро социологов стал немецкий историк и социолог Андре Гундер Франк, более четверти века исследовавший мировые экономические процессы, один из соавторов мир-системного подхода к мировой истории. Уже в своих первых работах он довольно жестко раскритиковал доминировавшие тогда либеральные экономические, особенно кейнсианские теории¹⁸. По его мнению, все эти теории отличает некий догматизм, и они опираются не на репрезентативный по масштабу исторический опыт. Гундер Франк одним из первых отказался от взглядов на Европу, как на место рождения современной мир-системы. Он первым заговорил о «переОРИЕНТации»¹⁹, предлагая заменить «оксидентоцентризм» на «гуманоцентризм». Однако самому Франку это, пожалуй, не удалось. Трудно не согласиться с замечанием киевского социолога Павла Кутуева о том, что: «...Франкова «переОРИЕНТация» предлагает новый региональный уклон вместо прежней «зачарованности» Оксидентом»²⁰.

Безусловно, можно не соглашаться с некоторыми леворадикальными выпадами Франка против западных ценностей и с определенными оговорками относиться к его утверждениям о том, что главная причина отставания стран Третьего мира кроется преимущественно в колониальной политике западных стран, но нельзя не признать, что предложенный им дискурс как нельзя более подходит для обобщающего анализа конфуцианской цивилизации и политэкономической ситуации в современном Китае.

15 Сходные явления происходили в эпоху эллинизма? Что позволяет также назвать эту эпоху неоэллинистической.

16 В широком смысле глокализация – явление мировоззренческого уровня. Оно отражает такой слой мирового сознания, для которого характерно одновременно и отстаивание обществами своей самобытности (локальность) и стремление к стиранию прежних пространственных границ, к укреплению внешних связей. В этом смысле глокализация отражает сопряженность между гомогенизацией, которую несет глобализация и гетерогенизацией как проявлением локального, специфического, традиционного.

17 **Robertson** 1992.

18 Frank 1980: 13.

19 См.: Frank 1998.

20 Кутуев 2007: 27.

В основе азицентристской (позднее и вовсе китаецентристской) концепции мирового развития Гундера Франка лежит мир-системный исследовательский метод Фернана Броделя, который разработал теорию о целом ряде смежных мир-систем, взаимосвязанных в единую «мир-экономику»²¹. Каждая мир-система, по Броделю, имеет свой центр (со своим «сверхгородом»), второстепенные, но развитые общества и окраинную периферию. Внутри такой мир-системы существуют прочные связи: торговые коммуникации связывают разные вовлеченные в нее цивилизации и разные регионы в единое макроэкономическое пространство. При этом Бродель имел в виду не мировую экономику в целом. Такая глобальная экономика («рынок всего мира») сформировалась, по мнению Броделя, относительно недавно. Слово «мир» в понимании Броделя означает самодостаточность, независимость от других подобных образований. «Мир-экономика, — пишет он, — ... затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмена придают определенное органическое единство»²². Мирами-экономиками были, например, Индия, Китай, Финикия, Карфаген, Рим, мир ислама. Каждая такая система пространственно ограничена и довольно стабильна. Она непременно имеет свой стержень, который Бродель называет центром, а Валлерстайн — ядром. Таким центром/ядром всегда является мировой город, «сверхгород», которому подчинены и который обслуживают другие города. Ядро и периферия мир-системы могут трансформироваться и меняться местами, что отражается на системе в целом.

В мир-системе возможно единоборство двух доминирующих центров. Победа одного из них неизбежно приводит к деградации другого. Мир-экономика может делиться на

несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-экономика, — пишет Ф. Бродель, — есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако на разных уровнях. В пространстве обрисовывается, по меньшей мере, три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона «блистательных вторых». Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других»²³.

В отличие от Фернана Броделя и вторящего ему Иммануила Валлерстайна²⁴, Франк не признает возможности одновременного существования в мире нескольких, а то и десятков «мир-систем», что, по его мнению, во многом обесмысливает само понятие мир-системы²⁵. Согласно Франку, речь может идти лишь об одной мир-системе, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации вобрала в себя весь мир²⁶. При этом Франк отмечает также термин цивилизация и цивилизационный подход к истории.

Согласно Франку, центр мир-системы сформировался в Китае, а затем, в ходе эволюции, постепенно стал смещаться на запад — в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Северную Европу, Новый свет. Теперь, завершив цикл, он возвращается к своей исходной точке — в Китай. Наблюдающийся в настоящее время подъём Китая исследователь считает вполне естественным и закономер-

23 Бродель 1992: 170.

24 Валлерстайн 1998: 216, 231.

25 Frank 2000.

26 Frank, Gills 1996: 3. 23; Frank, Gill 1998: 1, 81; Gills, Frank 2002: 151, 178.

21 Wallerstein 1974; Валлерстайн, 1998: 105-123, 3.

22 Бродель 1992: 14.

ным. Экономическое восхождение Срединной страны он интерпретирует как репатриацию центра мир-системы, после ее кратковременной европейско-североамериканской «интерлюдии», в исходную точку – «естественное» место пребывания. Суть иконоборческой теории Франка заключается в том, что он размещает центр мир-системы в Восточной Азии и доказывает, что именно этот регион сохранял свою экономическую гегемонию вплоть до конца XVIII столетия. В «ПереОРИЕНТации»²⁷, которую Франк считал своей лучшей книгой, прослеживается тенденция отказа от привычного оксидентного взгляда на историю мира. Гундер Франк ограничивает хронологическую перспективу своего анализа периодом с 1400 по 1800 гг. и стремится разработать глобальный подход к экономической истории данного периода. Согласно Гундер Франку, все явления мировой истории должно рассматривать в контексте единой мировой экономической системы. Ни одно из важнейших исторических событий, по его убеждению, было не столько порождением внутренних структур, сколько порождением закономерностей развития глобальной мир-экономики.

Франк утверждает, что Европа не обладала ни одним из приписываемых ей конкурентных преимуществ (рациональность ее институтов, предприимчивость, гонка высоких технологий и пр.)²⁸. Такой подход он объявляет расистским. Даже хищническая эксплуатация богатств Нового света Европой в XVI–XVII вв. не подстегнула структурных изменений в европейской экономике. В реальности «Европа использовала деньги из своих американских колоний, с целью насильственного приобщения к азиатскому производству, рынкам, торговле, то есть для получения прибыли от взаимодействия с Азией, которая доминировала в мировой эко-

номике»²⁹. По мнению Франка, гегемония Запада стала ощутимой и бесспорной лишь в XIX столетии, а потому практика ее проекции в отдаленное прошлое, как это делают многие западные исследователи, является ошибочной. Гундер Франк убежден, что Китай эпохи династии Сун (XI–XII столетия) с экономической точки зрения, несомненно, был наиболее развитым регионом мира. Посему не удивительно, что Синский номос смог сохранить свою ведущую роль в мировой системе и в дальнейшем, в течение всего периода с XV по XVIII вв. С учетом того, что Китай был главным мировым производителем и экспортером мирового шелка и фарфора, нет ничего удивительного в том, что Европа и Япония находились в положении реципиентов по отношению к Срединной империи: они импортировали китайские товары, расплачиваясь за них серебром (Япония – из собственных приисков, Европа же использовала ресурсы, выкачиваемые из Нового света).

В этом же контексте должны восприниматься ускоренные темпы экономического развития Восточной Азии последних нескольких десятилетий. Хотя они и не вписываются в общепринятые тренды западнцентристского обществознания, однако должны восприниматься не как спонтанное изолированное развитие отдельного региона, а в контексте постоянных перемещений центров гегемонии и периферии в мировой системе. По мнению Франка, гегемония Китая в мир-экономике прервалась лишь на двести лет, чтобы возродиться в наши дни. Таким образом, современный сдвиг гегемонии с Запада на Восток он рассматривает как возврат мир-системы к своим истокам.

Исследовательские концепции Франка имеют много общего с идеями американского антрополога Эрика Вульфа, который сосредоточил свое внимание на вопросах власти, политики и колониализма. Самая известная книга Эрика Вульфа «Европа и народы

27 Frank 1998.

28 Weber 1993.

29 Frank 1998: 4-5.

без истории»³⁰, написанная в русле мир-системного анализа Валлерстайна и Франка, объясняет отставание Азии и Южной Америки ограблением европейскими завоевателями. Развенчивая стереотипы о застойности неевропейских культур, Вульф отмечает, что они не были «изолированными» или «застывшими во времени» и никогда не выпадали из контекста мирового исторического процесса³¹. С неомарксистских позиций Вульф объясняет механизмы, позволившие Западной Европе периода Великих географических открытий обогнать в экономическом развитии другие регионы мира и подчинить их своему влиянию. Особое внимание уделено тому, как автохтоны угнетались западным капитализмом через глобальные процессы, подобные работорговле или торговле пушниной.

Идеи Франка и Вульфа оказались созвучны взглядам женевого историка экономики Поля Бэйроха. В своем фундаментальном исследовании «Мифы и парадоксы экономической истории»³² Бэйрох доказывает, что успех западной экономики в Новое время объясняется не либерализацией экономики и политической жизни большинства европейских стран, а политикой протекционизма и выкачивания ресурсов из Азии, Африки и Южной Америки. Либерализацию торговли европейцы навязывали другим странам для того, чтобы получить беспрепятственный доступ к рынкам третьего мира и паразитировать за их счет³³.

Франку и Бэйроху вторит другой современный теоретик мир-системного анализа Джованни Арриги, который еще не так давно пребывал на позициях евроцентризма. В своей работе «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени», опираясь на исследования процессов на рынке труда, в

образовании и экономическом развитии, Арриги рассуждает о причинах и последствиях неравенства в богатстве, о власти и о статусе наций. В своей последней книге «Адам Смит в Пекине»³⁴ автор рассматривает два главных фактора, предопределивших расстановку политических и экономических сил в начале нового тысячелетия. Один из них – появление и провал неоконсервативного проекта «За новый американский век», другой – выдвигание Китая в качестве лидера восточно-азиатского экономического возрождения. В свете теории экономического развития Адама Смита Арриги показывает, почему эпицентр мировой политической экономики перемещается из Северной Америки в Восточную Азию, и какова роль двух государств – США и Китая – как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.

Природе колониализма и ассиметричному развитию различных регионов мира было посвящено немало работ и в нашем столетии; в английский текст я поставил «совсем недавние», хотя это не лучший вариант. Так, в капитальном исследовании «Рождение современного мира, 1780–1914»³⁵ (540 страниц), опубликованном в 2004 году британским историком С. А. Бейли, выявляются и соотносятся связи между отдаленными частями земного шара. В работе подчеркивается рост сетей связи и трансформаций, в заключение автор описывает «великое ускорение» 1890–1914 годов, когда весь мир с головокружительной скоростью катился к катастрофе, на фоне крушения либеральных надежд и веры в гуманистические идеалы. По мнению Бейли, империалистический контроль над менее развитыми регионами укреплялся посредством аннексий и экономического доминирования; последствием этих процессов стало разделение мира на Север и Юг, сохраняющееся по сей день. Признавая это безусловное экономическое превосходство Севера, Бейли,

30 Wolf 1982.

31 Wolf 1999.

32 Bairoch 1995.

33 Bairoch 1965: 304–335; Bairoch 1973; Bairoch 1974; Bairoch 1989.

34 Арриги 2009.

35 Bayly 2004.

тем не менее, утверждает, что преимущества западных держав были «случайными, интерактивными и сравнительно недолговечными». «В истории этого периода, — пишет он, — наблюдается немало разнообразных и, по видимости, взаимно противоречащих явлений. Смирняясь с жестоким фактом западного доминирования, мы должны проследить взаимозависимость мировых событий. В то же время следует показать, что во многих частях мира это европейское доминирование носило лишь частичный и временный характер». Британский историк согласен с признанным в традиционной историографии постулатом о том, что главным фактором опережения Запада стали внутренние экономические преобразования, прежде всего в Британии. Однако источником британского могущества Бейли считает вовсе не промышленную революцию, поскольку, по его мнению, показатели реального индустриального роста в XVIII веке были еще весьма сомнительны. Уровень экономического роста был намного ниже, а технологические прорывы имели куда более ограниченный масштаб, чем считалось прежде. Если можно говорить о настоящем промышленном рывке, то он произошел позже, во второй или третьей четверти XIX века. Для объяснения того, почему одним странам в XVIII веке повезло, а другим — нет, нужен другой механизм, включает Бейли.

Вплоть до появления цивилизационного подхода, история рассматривалась как единый глобальный процесс. Однако, практически всегда, глобальная история рассматривалась как движение в один конец — Запад выступал субъектом, Восток объектом. Наблюдаемый в современной историографии «глобальный поворот» основывается на иных концептуальных началах. Предполагается, что недостаточно продемонстрировать влияние западных держав на остальной мир. Необходимо рассматривать историю с точки зрения взаимодействия и взаимовлияния, показывать, как, в свою очередь, остальной

мир воздействовал на Запад: какие идеи и практики заимствовались и передавались дальше по цепочке, в нескончаемом потоке присвоения, трансформации и сопротивления; как гнет сильных столкнулся с «орудием слабых». Иначе говоря, задача историка состоит не просто в развенчивании мифов об особой «цивилизаторской миссии» европейцев, от которых многие на Западе, по крайней мере, формально отказались. Современному исследователю необходимо услышать голос безмолвствующего большинства, голос «подчиненного», показать, как даже в относительно далеком прошлом, глобальные системы движения, обмена, эксплуатации и агрессии сформировали феномен, который однажды был воспринят историками как исключительно локальный. Характерно, что исследователи здесь применили образ «сети», интерполировав к достаточно отдаленным историческим эпохам метафору управления, относящуюся преимущественно к цифровой эре.

Подобный подход, вполне выдержанный в русле постколониального дискурса, и в наши дни вызывает неприятие и критику со стороны ведущих европейских историков³⁶. Однако, несмотря на это, уже через несколько лет вышла в свет еще одна работа по всемирной истории XIX столетия, посвященная так называемому «переломному времени» (*Sattelzeit*). Этот термин был введен в научный оборот Райнхардом Козеллеком и применен

36 Так британский историк Вивек Чиббер с раздражением пишет о том, что Бейли основой подъема Британии считает не зарождение капитализма, «туманное понятие «революции трудолюбия» не представляется подходящим для объяснения тех эпохальных сдвигов, которые происходили в то время» (Чиббер 2014: 249-250). При этом Чиббер забывает, что формирование капиталистических отношений в Европе началось на рубеже XIII–XIV вв. в североитальянских городах-государствах, Швейцарии и Нидерландах, однако, именно Британия, по образному выражению Чиббера, превратилась в «геополитический колосс, в течение всего XVIII–XIX вв. неустанно оказывавший мощное давление на соперников» (Чиббер 2014: 250).

им к переходу европейского мира в Новое время (эпоха между 1750 и 1850 годами). Эта объемная работа (1568 страниц) озаглавлена «Метаморфоза мира. История XIX века», Мюнхен, 2009³⁷ была написана немецким исследователем Юргеном Остерхаммелем. Ей предшествовала другая работа Остерхаммеля «Колониализм: теоретический обзор»³⁸, в которой он рассматривает природу колониализма. Германский историк определяет колониализм как отношения между местным большинством и меньшинством иностранных захватчиков. Недавно, совместно с Акирой Ириёе, Остерхаммель завершил издание шеститомной всемирной истории, которая вышла в свет одновременно на немецком и английском языках.

Юрген Остерхаммель представляет панорамный обзор периода с 1760-х годов до Первой мировой войны, анализирует эпоху с точки зрения всемирной истории. Наряду с Европой, здесь симметрично представлены остальные регионы мира. Автор показывает неравномерное развитие экономики, военного дела и государственности, которое объясняет подъем Европы, США и Японии. Его интересуют глобальное развитие мобильности, односторонний процесс культурного трансфера из Европы на весь мир, напряжение между правовым равенством и иерархией. Но главное внимание уделено освободительной роли, которую сыграл XIX век в мировой истории.

В 2009 году Остерхаммель удостоился престижной в Германии премии имени Готфрида Вильгельма Лейбница. В ФРГ его книга уже признана самым значительным исследованием на немецком языке по современной истории за последнее десятилетие. Но в то же время, как и книга Бейли, эта колоссальная по объему работа вызвала шквал критики со стороны собратьев по гильдии³⁹, что является

дополнительным свидетельством того, что оксидентоцентристское мировидение за последние десятилетия, хотя и дало брешь, все еще не потеряло своей актуальности и сохраняет привлекательность и для многих интеллектуалов, как на Западе, так и на Востоке.

Как ни странно, евроскептицизм и ориентоцентристские идеи Г. Франка, Э. Вульфа, Дж. Арриги и др., пока не нашли широкого круга сторонников среди азиатских исследователей. Единственным крупным историком и макросоциологом данного направления считается известный китаевед, профессор Токийского университета Такеши Хамашита⁴⁰. По его определению, Восточная Азия – самостоятельная мир-экономика, правда скорее в броделевском, нежели в франкианском формате. Центром этой мир-экономики, согласно Хамашите, был и остается Китай. Исследователь весьма оригинально описывает функционирование синской мир-системы в терминах даннической или данническо-торговой традиции⁴¹.

Среди китайских исследователей на сегодняшний день, пожалуй, нет крупных фигур, специализирующихся на изучении сравнительной исторической социологии и анализе мировых систем. Исключение составляют так называемые китайские новые левые – политическое и экономическое движение, появившееся в Поднебесной в середине 1990-х годов. Свои теоретические выкладки лидеры этого движения строят на основе

рики злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания» профессор кафедры истории Принстонского университета, автор «Первой Тотальной войны» (Houghton Mifflin) Дэвид А. Белл подвергает резкой критике представителей макросоциологического подхода за то что они, вслед за Бейли злоупотребляют синтетическим методом и рассматривают историю стран и регионов в неразрывном единстве. Таким образом, история еще в недавнем прошлом «первостепенных» и «второстепенных» стран оказывается на одной плоскости и обретают одинаковую значимость (Bell 2013).

37 Остерхаммель 2009.

38 Osterhammel 2005.

39 В своей рецензии «Что происходит, когда исто-

40 Gills, Frank 2002.

41 См.: Frank 1998: 113.

неоколониального макроэкономического подхода, который являет собой, прежде всего леворадикальный ответ на неолиберальные реформы в КНР. Своё название это мировоззренческое направление получило по аналогии с новыми левыми движениями в остальном мире – из-за критики слева официальных структур (в данном случае КПК). При этом китайские новые левые во многом находятся под влиянием маоизма и даже троцкизма, ориентируясь на протестное рабочее движение.

Ключевыми фигурами этого движения стали китайские экономисты, получившие, что характерно, образование в США. Сказанное относится к Ли Миньци, одному из первых разработчиков мир-системного анализа в Китае⁴². Профессор Университета Юты, а также Массачусетского и Йоркского университетов, Ли перевел на китайский ряд книг западных левых авторов (включая революционера троцкиста Эрнеста Манделя). Другой китайский экономист Цуй Чжиюань, в 1985 г. окончив инженерное отделение Национального университета оборонных технологий, был командирован на обучение в США. В 1995 г. окончил Чикагский университет. В 2004 вернулся в Китай, где стал профессором Университета Цинхуа и одной из ключевых фигур китайских новых левых. Однако исследования китайских экономистов носят в большей степени политологический, нежели историософский или политэкономический характер, потому не отличаются глубиной анализа и мало похожи на академические штудии западных историков и макроэкономистов.

Крупных успехов в анализе мировых систем за последние два десятилетия достигла российская историография. В монографии «Востоки и Запад во втором тысячелетии»⁴³ В. А. Мельянцев провел сравнительное исследование уровней, траекторий и факторов

экономического развития Востока и Запада за последнее тысячелетие. Данная монография, представляющая собой сравнительно-ретроспективный анализ, опирается на широкий круг источников и исследований по вопросам методологии и практики социально-экономических измерений, сопоставлений, факторному анализу экономической динамики, современным проблемам экономического развития стран Востока и Запада, а также всемирной экономической истории. В своих работах Мельянцев старается разобраться в генезисе еще недавнего экономического преуспевания западных стран и догоняющих их развивающихся восточноазиатских стран, в первую очередь Китая.

Современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, призванные описать весь мир в целом, характерны и для московского историка-востоковеда и экономиста А. В. Коротаева. В своих работах он анализирует различные аспекты истории и эволюции Мир-Системы за последние десять тысяч лет. В исследованиях Коротаева удачно сочетаются два таких базовых понятия как «макроэволюция» и Мир-Система» (большинство российских авторов пишет этот термин с заглавных букв). Согласно Коротаеву, основные тенденции макроэволюции, такие как необратимость, ее особая направленность, вариативность и прочее, находят свое отражение как в чертах системности, так и в трансформациях Мир-Системы. В свою очередь, свойства Мир-Системы, такие как сверхсложность, многоуровневость или предельность, существенно модифицируют сам ход социальной эволюции. Коротаев пытается осмыслить ход социальной эволюции, исторического процесса и их важнейших аспектов, не просто используя основные современные теоретические подходы. Он применяет их комплексно, так как лишь комплексный подход может быть продуктивным для решения подобных крупномасштабных научных задач. Для этого в своих работах исследователь старается в разумной мере ин-

42 См.: Li 2009.

43 Мельянцев 1996.

тегрировать разные социальные теории и подходы, включая и опыт математического моделирования в социальных науках (особенно в экономике и демографии), а также привлечь достижения других наук, в частности биологии. Его интересы распространяются от сравнения социальной и биологической макроэволюции – через проблемы технологического, производственного, демографического, культурного и других аспектов развития Мир-Системы, до генезиса и эволюции государства – к конкретным проблемам современной глобализации и Тропической Африки.

Определенный интерес представляют замечания Коротаева о функционировании социальных систем определенного типа, которые можно понимать так, что система репродуцирует, пока осуществляются действия, обусловленные, с одной стороны, самим существованием системы, с другой же, необходимые для поддержания этого существования. В качестве примера Коротаев приводит милитаристскую Османскую империю, главным условием существования которой были война и аннексия территорий высоко-развитых и богатых стран. Как только завоевания прекратились, империя, не имеющая внутреннего ресурса для своего развития, вступила в полосу упадка. Те же отличительные закономерности, очевидно были характерны для Ассирийской державы, Древнего Рима, Монгольской империи и др.

Будучи сторонником мир-системного подхода к мировой истории, в отличие от Франка и многих других макросоциологов, центром зарождения первой Мир-Системы Коротаев считает не Китай, а Переднюю Азию⁴⁴. Кроме того, в отличие от А. Г. Франка, А. В. Коротаев и Е. С. Бондаренко⁴⁵, время возникновения Мир-Системы датируют де-

вятым тысячелетием до Р.Х.⁴⁶, связывая ее с неолитической революцией.

Продолжая тему культурного измерения в макросоциологии, Бондаренко Е. С. акцентирует идею эволюционного поля, которая в ее работах пересекается с идеей информационного поля. Понятия «поле», «среда» или «сеть», в ее интерпретации обозначают состояние, а не процесс, эволюционное же поле, в отличие от процесса эволюции, представляет собой нелинейное образование, а не путь развития от простого к сложному с точки зрения вертикальной иерархии. Мощность информационного поля определяется не степенью интеллектуальной и технической развитости того или иного общества (носителя информации), вовлеченного в некий хронологический процесс эволюции, накопления и реализации знаний, а уровнем концентрации еще не полностью реализованной информации, проявляющейся, однако, через психический опыт, в первую очередь, через искусство и религиозность.

Типичным представителем неозволюционистского подхода к истории является Л. Е. Гринин⁴⁷. Эволюционизм имплицитно встроен в его теоретико-методологическую концепцию об историческом процессе. Гринин и Коротаев придерживаются так называемой четырехчленной схемы этого процесса, популярной среди сторонников теории модернизации. В России активным приверженцем теории четырехчленного макроэволюционного процесса считается Ю. М. Кобищанов. В своих исследованиях Гринин и Коротаев используют солидную систему аргументации для обоснования авторской концепции социокультурной эволюции и выявлению крупномасштабных трендов динамики Мир-Системы с древнейших времен до на-

44 Коротаев 2005: 90-92; Коротаев 2007: 117-121.

45 Бондаренко 2006: 2, 47-66.

46 Для сравнения А. Г. Франк начало мир-системы относит к 3000 году до Р.Х., Дж. Абу-Луход ведет отсчет мир-системы со времени создания державы Чингис-хана, а Валлерстайн с XV–XVI вв. (**Abu-Lughod 1990**: 273-286).

47 Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011.

ших дней. Работы Гринина и Коротаева представляют большой интерес, как новизной вводимого материала, так и важными выводами, а также с точки зрения корреляции между эволюцией политических систем и динамикой роста городов. Вместе с тем российские мир-системники по своему интерпретируют закономерности взаимовлияния ядра и периферии, раскрывая их на примере взаимодействия китайской цивилизации и степных кочевников Монголии.

Американский исследователь советского происхождения П. В. Турчин⁴⁸ в своих работах размышляет о задачах методологии теоретической истории, в том числе методологии математического моделирования исторической динамики, необходимости разрабатывать исследовательские логики и подходы, которые учитывали бы эту сложность, оставаясь при этом объективными, воспроизводимыми, надежными и эффективными. Его исследования посвящены новому и перспективному междисциплинарному подходу – теоретической, или математической истории. В рамках этого подхода им строятся математические модели исторических процессов, и результаты моделирования сравниваются с доступными исследователям данными. Это дает новое, более глубокое понимание ряда закономерностей исторического развития. В основе этого подхода лежат представления и модели теории самоорганизации – синергетики. Строя соответствующие математические модели, Турчин рассматривает территориальную динамику аграрных государств. По его мнению, рост или уменьшение территорий государств коренным образом зависят всего от нескольких ключевых факторов. С позиций предложенной теории рассмотрено историческое развитие России и Франции.

Новосибирский философ Н. С. Розов⁴⁹ также обращается к некоторым философским и методологическим аспектам применения

математических методов в истории и обосновывает тезис о том, что математическое моделирование и математические методы наряду с логическими, графическими, компьютерными и разнообразными концептуальными средствами, являются не самоцелью, а лишь вспомогательным инструментом для главной познавательной стратегии – построения объяснительных (а в идеале также предсказательных) теорий относительно причинных закономерностей исторической динамики. По мнению Розова, если закономерность можно раскрыть и представить на обычном языке и на структурном, качественном уровне, то математизация излишня⁵⁰. При всем этом, в теоретическом анализе в некоторых ситуациях никак не обойтись без математики и чисел.

Анализ содержательной аргументации работ всех перечисленных историков, особенно их евроскептицизм и способность взглянуть на вещи в ином ракурсе, оказался продуктивным и своевременным. Все означенные выше подходы и взгляды нуждаются в осмыслении и самом серьезном отношении к ним. «Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта актуализирует сравнительно-исторические исследования и формирует новую стратегию компаративной истории, которая связана не с деконтекстуализацией сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (европоцентристской, по своей сути) парадигмы, а с преодолением европоцентризма, с пересмотром роли и наследия империй...»⁵¹.

Задача, которую стараются решить критики евроцентризма, на наш взгляд, плодотворна, и способствует дальнейшим размышлениям. Кроме онтологического значения, упомянутые подходы имеют также важное прикладное значение, и показывает, как результаты теоретико-методологического мо-

48 Turchin 2005; Турчин 2008.

49 Розов и др. 2001.

50 Розов 2009.

51 Репина 2011: 232.

делирования могут использоваться при разработке рекомендаций, при разрешении конкретных практических вопросов. Изучение макроэволюционных процессов и новые методики, основанные на математическом моделировании и математическом прогнозировании, открывают новые перспективы для историков, пытающихся постичь непостижимое – а именно законы истории.

Однако нельзя не учитывать мнения критиков постколониальной историографии и макросоциологии, игнорирующих некоторые механизмы, позволившие Западу аккумулировать важные преимущества, определившие

его гегемонию на протяжении последних трех столетий. Действительно существует опасность незаметного скатывания от евро-скептицизма к востокоцентризму, что может привести к другим крайностям. Но как бы то ни было, макро-социологические концепции современных мир-системщиков способствуют формированию более взвешенного и сбалансированного подхода к преодолению дебатов между сторонниками двух противоположных позиций – оксидентоцентризм versus ориентоцентризм. Истина как всегда посередине.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Abu-Lughod J. L. (1990). «Restructuring the Premodern World-System». *Rewiev* 13/2.
2. Arrighi G. (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso. – 418 p.
3. Bairoch P. (1973). «European Foreign Trade in the XIX Century: The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results)». *Journal of European Economic History*. Vol. 2, no. 1.
4. Bairoch P. (1974). «Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970». *Journal of European Economic History*, Vol. 3, no. 3.
5. Bairoch P. (1989). «European Trade Policy 1815-1914». Peter Mathias and Sidney Pollard (eds.), *Cambridge Economic History of Europe*. Vol. XIII. New York: Cambridge University Press, -1230 p.
6. Bairoch P. «Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970». *Revue d'histoire économique et sociale*, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
7. Bairoch P. *Mythes et paradoxes de l'Histoire économique*. Paris: La Decouverte, 1995.
8. Bayly Ch. A. (2004). *The Birth of the Modern World, 1780 – 1914*. Basil Blackwell Publishers: Oxford 2004, - 540 pp.
9. Bell A. D. (2013). «This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network». *New Republic*. October 25 / <http://www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor>
10. Bernal M. (1987). *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick.
11. Bhabha K. H. (1990). *Nation and Narration*. Routledge. New York: Routledge, -333p.
12. Bhabha, K. H. (1994). *The Location of Culture*. New York: Routledge, - 257 p.
13. Buruma I.; Margali A. (2004). *Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies*. Penguin Books Ltd, -176 p.
14. Chakrabarty D. (2007). *Provincializing Europe*. Princeton University Press, - 25p.
15. Frank G. A. (1980). *Crisis in the World Economy*. New York: Holmes & Meier Publishers.
16. Frank G. A. (1983). 'World System in Crisis'. 'Contending Approaches to World System Analysis' (Thompson W.R. (Ed.)), pp. 27 - 42, Beverly Hills: Sage.
17. Frank G. A. (1984). *Critique and Anti-Critique*. New York: Praeger.
18. Frank G. A. (1998). *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, 1998.
19. Frank G. A. (2000). «Immanuel and Me With-Out Hyphen». *Journal of World-Systems Research*. Vol. 6... 2.

20. Frank G. A.; Gills K. B. (1992). *The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction*. Humboldt Journal of Social Relations. Vol. 18.
21. Frank G. A.; Gills K. B. (1996). *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* Routledge.
22. Frank G. A.; Gills K. B. (2000). *The Five Thousand Year World System in Theory and Practice. World System History: The Social Science of Long-term Change* / Ed. by R.A.Denemark, J.Friedman, B.K.Gills, G.Model-ski. L.; N.Y.
23. Gills K. B.; Frank G. A. (2002). *A Structural Theory of the Five Thousand Year World System. Structure, Cul-ture and History: Recent Issues in Social Theory* / Ed. by S.C. Chew, J.D. Knottnerus. Lanham.
24. Julian Philippe (1977). *The Orientalists: European Painters of Eastern Scenes*. Oxford: Phaidon, 1977.
25. Li M. (2009). *The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy*. Monthly Review Press.
26. Nochlin L. (May 1983). *The Imaginary Orient*. Art in America, pp.118-131, pp.187-191.
27. Osterhammel J. (2005). *Colonialism: A Theoretical Overview*. Princeton.
28. Osterhammel J. (2009). *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19 Jahrhunderts*. München: C.H. Beck Verlag, -1568 S. (Engl.transl.: *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton University Press, 2014).
29. Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications.
30. Said W. E. (1978) *Orientalism: Western Representations of the Orient*. London: Routledge and Kegan Paul, - 377 p.
31. Spivak G. Ch. (1987). *Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. Foreword by Colin MacCabe. London: Methuen. Pp. 271-313.
32. Spivak G. Ch. (1988). ««Can the subaltern speak?» Marxism and the Interpretation of Culture». Eds. Cary Nelson and Lawrence Grossberg. *Urbana, IL: University of Illinois Press*, 271-313.
33. Takeshi H. (1995). «The Future of Northeast Asia: Southeast Asia?» *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Ed. by St.Kotkin and D.Wolff. N.Y. Armonk, N.Y and London: M.E. Sharpe, p. 312-322.
34. Turchin P. (2005). *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. New York, NY: Pi Press.
35. Wallerstein I. (1974). *The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the Euro-pean World-Economy in the Sixteenth Century*. San Diego.
36. Wallerstein I. (1975). «The Present State of the Debate on World Inequality». *World Inequality. Origins and Perspective of World Systems*. - Montreal.
37. Wallerstein I. (1979). «World-System Perspective on the Social Sciences». In: *The Capitalist World-System. Essays*. Cambridge etc., Paris.
38. Wallerstein I. (1991). *Rethinking social sciences: Nineteenth century paradigm limits*. Cambridge: Polity Press.
39. Wallerstein I. (1994). *The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the Euro-pean World-Economy in the Sixteenth Century*. San Diego.
40. Weber M. (1993). *Protestant Ethic: Origin, Evidence, Context*. Ed. by H. Lehmann, G. Roth. Cambridge.
41. Wolf R. E. (1982). *Europe and the People Without History*. University of California Press, - 536 p.
42. Wolf R. E. (1999). *Envisioning Power: Ideologies of Dominance and Crisis*. University of California Press, -339.
43. Арриги Дж. (2009). Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. Пер. с англ. Т. Б. Менская. М.: Институт общественного проектирования, - 456 с.
44. Бондаренко Д. М. (2002). Бенин (I тыс. до н.э. – XIX в. н.э.). *Цивилизационные модели политогенеза*. Ред.: Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. М.: РАН, с. 101-148.
45. Бондаренко Д. М. (2005). Доколониальный Бенин при династии Оба: траектория сакрализации

- верховой власти. *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. I. Ред.: Д. М. Бондаренко. М.: ЦЦРИ РАН, 2005, с. 171-190.
46. Бондаренко Д. М. (2006). Информационное поле неолита Ближнего Востока. *История и современность*. 2, М.: Учитель, с. 47–66.
47. Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3. М.: Время мира.
48. Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. СПб.: Университетская книга.
49. Валлерстайн И. (1998). Миров-системный анализ // *Время мира*. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Выпуск 1. Новосибирск.
50. Гринин Л. Е. (2011). Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации*. Выпуск № 1 (7) М.: Учитель.
51. Гринин Л. Е.; Коротаев А. В. (2005). Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Институт востоковедения РАН. ЛИБРОКОМ/URSS, - 568 с.
52. Коротаев А. В. (2003). Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература, - 283 с.
53. Коротаев А. В. (2005). Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X—I тыс. до н. э.). *Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций*. М.: Институт востоковедения РАН, с. 90-92.
54. Коротаев А. В. (2007). Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. *Демография, экономика, культура*. 2-е изд. М.: КомКнига/ URSS.
55. Коротаев А. В. (2008). Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ/URSS (в соавторстве с А. В. Марковым и Л. Е. Грининым).
56. Кутуев П. (2007). Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундер Франка. *Социология: теория, методы, маркетинг*. Киев: Пресса, № 2.
57. Маргарян Е. Г. (2012). Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем. *Историческое пространство*. Вып. 16. М.: Наука, с. 5-30.
58. Маргарян Е. Г. (2016). «Деколониальный поворот» в современном историческом сознании. «Что там за поворотом?» // *Сборник научных статей. По материалам 2-й японоведческой международной научно-практической конференции: «Ex Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму»*. / РАУ. Ер.: Изд-во РАУ, с. 5-13.
59. Мельянцева В. А. (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, -306 с.
60. Репина Л. П. (2011). Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историческая практика. М.: Кругъ, -560 с.
61. Розов Н. С. (2009). Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей. *Общественные науки и современность*. № 2, с. 151-161.
62. Розов Н. С. (2010). Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог? *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 13. № 4, с. 86-91.
63. Розов Н. С. и др. (2011). Разработка и апробация метода теоретической истории. *Теоретическая история и макросоциология*, 1. Новосибирск: Наука.
64. Саид В. Эдвард (1995). Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский Миръ.
65. Саид В. Эдвард (2003). Восток путешественников и ученых: между словарной дефиницией и живой мыслью. // *Отечественные записки*. № 5 (14).
66. Сокольников Н. М., Крейн В. Н. (2006). История стилей в искусстве. М.: Гардарики, - 295 с.

67. Турчин П. В. (2007). Перспективы математической истории. Существует ли качественное различие между исторической и естественными науками? *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска*. Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ, URSS, с. 8-18.
68. Турчин П. В. (2008). Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: УРСС. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»).
69. Ферро М. (1993). Европоцентризм в истории: расцвет и упадок. *Метаморфозы Европы*. М.: Наука.
70. Чиббер В. (2014). Запад не причем? (Рецензия). Перевод с английского Николая Эдельмана. // *The New Republic*, № 371.

Е. Г. МАРГАРЯН
(Российско-Армянский университет)

НА СТЫКЕ ДРЕВНИХ МИР-СИСТЕМ: ПРОЛЕГОМЕНЫ

Аннотация

В статье рассматривается соотношение таких понятий как мир-система и цивилизация, каждая из которых живет самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве. Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой. Существование мир-системы обусловлено преимущественно социально-экономическими факторами. Между мир-системами существуют линии разлома, на которых происходят конфликты и столкновения. В то же время, на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали группы людей, а то и целые этносы, обеспечивающие посредническую, медиационную роль между мир-экономиками и мир-империями. Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гиперсистемы – мир-империи, среди которых выделяются – самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный типы. Милитаристско-паразитирующие империи могут быть стационарными и кочевыми. Кочевые или бивуачные империи – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще несколько стационарных империй, как правило, тоже милитаристско-паразитирующих.

Ключевые слова: Мир-система, цивилизация, стереопарная конструкция, разлом, фронтир, контактная зона, трансляционный узел, мир-империя, империя-армия.

Abstract

The article deals with the relation of such concepts as the world-system and civilization, each of whom lives an independent life and co-existed in time and space. Civilization is the matrix field and has a spiritual subbase. As a phenomenon of root, civilization is a kind of constant existence of the world-system is mainly due to socio-economic factors. Between the world-system, there is a fault line, where there are conflicts and clashes. At the same time, on the border-world systems are components of transmitters, or contact zones, along which traditionally settled or lived a group of people or entire ethnic groups that provide mediation, mediation role between the economies of the world-and the world-empires. World-systems and civilizations are forced to unite in hyper – a world-empire, among which are – self-sufficient, militarist-parasitic, and mixed types. Militarist empire-parasites can be fixed and nomadic. Nomadic or bivouac empire – an empire-the army, which exist only in movement. Stopping leads either to the death of the empire-the army, or in the transformation of one or several stationary most empires usually too militarist-parasitic

Keywords: world-system, civilization, stereo pair design fault, frontier, contact area, translational entity, world-empire, empire-army.

Ամփոփում

Աշխարհ-համակարգ ու քաղաքակրթություն հասկացությունները ինքնաբերական են և ապրում ինքնուրույն կյանքով, համագոյակցելով տեղի և ժամանակի մեջ: Քաղաքակրթությունը՝ մատրիցային դաշտ է և ունի հոգևոր սկիզբ: Լինելով արմատային երևույթ, քաղաքակրթությունը հաստատուն մեծություն է: Դրան հակառակ աշխարհ-համակարգը շարժական է, նրա գոյությունը պայմանավորված է գերազանցապես հասարակական-տնտեսական գործոններով: Աշխարհ-համակարգերի միջև գոյություն ունեն բեկվածքներ, որոնց շուրջը տեղի են ունենում ընդհարումներ և բախումներ: Միևնույն ժամանակ աշխարհ-համակարգերի

սահմանագծի վրա մշտապես գոյություն ունեն փոխհաղորդման հանգույցներ կամ շփման գոտիներ, որոնց երկայնքով ավանդաբար բնակվել են մարդկանց հոծ խմբեր և ամբողջ ազգեր: Վերջիններս ապահովում էին միջնորդական դեր աշխարհ-տնտեսությունների միջև: Աշխարհ-համակարգերն ու քաղաքակրթությունները կարող են բռնի ուժով միավորվել գերհամակարգերի՝ աշխարհ-կայսրությունների մեջ: Սրանց մեջ առանձնանում են ինքնաբավ, մակարոյծ-միլիտարիստական և խառնակազմ տեսակներ: Մակարոյծ-միլիտարիստական կայսրությունները կարող են լինել ստացիոնար և վաչկատուն, թափառական: Քոչվորական կամ ռազմ կայսրությունները մի տեսակ բանակ-կայսրությունն են, որոնք կարող են գոատնել միայն շարժման մեջ: Շարժման դադարը հանգեցնում է բանակ-կայսրության կործանմանը կամ փոխակերպմանը մեկ կամ մի քանի ստացիոնար կայսրությունների, որպես օրենք նույնպես մակարոյծ-միլիտարիստական:

Հիմնարաներ. աշխարհ-համակարգ, քաղաքակրթություն, զուգարիս կառուցվածք, բեկվածք, ճակարագիծ, շփման գոյրի, փոխհաղորդման հանգույց, աշխարհ-կայսրություն, բանակ-կայսրություն

Соотношение мир-системы и цивилизации: Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной темы, хотелось бы в общих чертах оговорить несколько исходных концептов нашего исследования. За последние два столетия историческая наука развивалась преимущественно в двух плоскостях – эволюционной и цивилизационной. В основе эволюционного восприятия исторического процесса лежит прогрессистская идея линейного поступательного исторического времени. Цивилизационная картина мира зиждется на циклическом восприятии исторического времени. Эволюционисты рассматривают мировую историю как континуальное, унитарно-стадиальное, поэтапное продвижение стран и народов в строго определенном направлении, по единому сценарию и практически всегда в фарватере Западной Европы. В отличие от них, сторонники цивилизационного подхода рассматривают цивилизации как основные единицы бытия, замкнутые на себе хронотопные монады, имеющие уникальный облик и неповторимую судьбу. Единственное, что объединяет все эти монады – дискретность, ограниченность во времени и пространстве, и строго чередующиеся ментальные циклы. За последние пол столетия цивилизационная теория не претерпела существенных изменений, все попытки современных политологов ее модернизировать создавали лишь дополнительные «шумы» и «имитационные искажения», из чего можно

сделать вывод о том, что теория Тойнби и в наши дни не потеряла своей феноменологической значимости, универсальности и методологической продуктивности.

По Тойнби, основополагающим в цивилизациях является культурно-религиозное и ментальное начало¹ и удаленность от того места, где данное общество первоначально возникло². Это то, что определяет лицо цивилизации и обуславливает его суть. Британский историк выделяет двадцать одну локальные цивилизации, которые считает основными. К ним он добавляет четыре «задержанные» цивилизации, которые «... в отличие от примитивных обществ, дают истинные примеры «народов, у которых нет истории». Они оказались в этом состоянии, желая продолжить движение, но вынужденные пребывать в своем незавидном положении из-за того, что всякая попытка изменить ситуацию означает гибель. В конце концов, они гибнут либо потому, что отважились все-таки двинуться, либо потому, что «окоченели, застыв в неудобной позе».

1 Тойнби 2001: 156. «Разбивая историю на отдельные, локальные цивилизации, Тойнби вместе с тем пытается восстановить идею единства мировой истории, придавая этому единству религиозный смысл. Через отдельные цивилизации история ведет от примитивных обществ к цивилизациям, порождающим высшие религии и приобщенного к ним человека, способного остро ощущать существование иного, небесного мира» (Ивин 2000: 20).

2 Тойнби 2001: 156.

Однако, пожалуй, есть еще один тип цивилизаций, которые Тойнби обходит своим вниманием – это так называемые субстантивные цивилизации. Некоторые исследователи их также называют субцивилизациями³. Как правило, эти общества проходят долгий исторический путь и достигают высокого уровня развития, оставляя после себя яркий след, однако им редко удается выйти за региональные или даже национальные рамки. Как и основные цивилизации, они относятся к так называемому третьему поколению цивилизаций, рождаются на основе церквей из вторичных цивилизаций. Типичным примером локальной цивилизации являются сирийская⁴, иудейская, армянская, эфиопская и др⁵.

Основные же цивилизации имеют универсальное значение и косвенно влияют (особенно религиозно и ментально) на другие цивилизации. Характерными, но не единственными примерами основных цивилизаций, согласно нашему обозначению, являются эллинская олимпийская, византийская ортодоксальная, арабская мусульманская, индуистская, конфуцианская, средиземноморско-католическая, протестантская североевропейская и североамериканская цивилизации, русская православная и пр. В то же время, цивилизационный подход подразумевает отсутствие единого исторического процесса.

Что касается эволюционного подхода к истории, то благодаря Броделю и его последователям из «новых левых» (Франк, Валлерстайн, Амин, Вульф и др.), за последние 75 лет он претерпел значительные изменения. Мы думаем, что все эти изменения и дополнения произошли благодаря влиянию идей Тойнби. Наиболее продуктивным номотети-

ческим подходом к анализу исторической динамики в современной историографии, на наш взгляд, является макросоциологический мир-системный анализ, получивший широкое распространение на Западе и в России⁶. Характерной чертой мир-системного подхода является стадийное макроэволюционное⁷ восприятие исторического времени и

6 Маргарян 2016: 173-194.

7 Валлерстайн называл такой подход *девелопменталистской перспективой*, объединяя под этим термином как его марксистскую, так и либеральную версии. Подобно Ф. Броделю и А. Г. Франку, И. Валлерстайн рьяно открешился от понятия развития, идеи прогресса в частности [Wallerstine1991]. Но на наш взгляд, линейно-стадийный эволюционизм имплицитно присутствует во многих работах Броделя и Валлерстайна. Так, в «Материальной цивилизации, экономике и капитализме» Бродель пишет: «Каждый мир-экономика существовал очень долгое время, он эволюционировал, он трансформировался (подчеркнуто нами, Е. М.) на той же территории по отношению к самому себе, – пишет Бродель, – и разные его «возрасты», его сменявшие друг друга состояния тоже предполагают возможность сопоставления» [Бродель 2006, 26.4]. То же можно сказать о Валлерстайне, который делит мировую историю на этапы, каждый из которых на порядок выше и сложнее предыдущего. Такой подход к мировой истории Бродель называет *мир-системной перспективой*, считая ее более осмысленной и реалистичной [Wallerstine 1979: 153-155; Wallerstein 1975: 15-16]. Наивысшей стадией развития Валлерстайн считал мир-систему. «Я, как и Шумпетер, – признается Валлерстайн, – верю, что мы живем на ранних стадиях перехода от капитализма к социализму, который происходит «у нас на глазах». Одна из причин, почему нам интересно анализировать «переход от феодализма к капитализму», — это помогает нам понять, как реализуются такие сравнительно редкие преобразования. Имея это в виду, важно подчеркнуть, что подобные переходы переживают не «общества в национальных границах» и тому подобные конструкции. Их переживают миросистемы» [Валлерстайн 2001: 77]. И еще, характерная деталь – критика марксову теорию об определяющей роли тех или иных производственных отношений в историческом процессе, Валлерстайн, тем не менее, связывает возникновение мировой системы как наивысшей стадии исторического развития с зарождением капитализма в «долгом XVI веке». Современные российские макросоциологи не отрицают своих эволюционистских взглядов и подходов, но подобно своим западным коллегам, связывают их со становлением глобальных связей.

3 Флиер 1993: <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protssesse-legitimatsii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSfD>

4 Муравьев (<http://archive.is/UqRBs>); Он же 2016 (<http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>).

5 Тойнби 2001: 188-216.

экономический детерминизм.

Любопытно, что в сознании большинства историков понятие мир-система напрямую увязывается с макросоциологией и политэкономией, цивилизации же приписывается идеологическая подоснова. Оба эти подхода – цивилизационный, циклический и эволюционный, макросоциологический, традиционно считаются гетерогенными и взаимоисключающими. И все же, в последнее время (правда, не в очень выраженной форме) наблюдается тенденция сближения этих двух подходов. Дальнейшее их сближение может оказаться весьма продуктивным. Каждый из упомянутых подходов, взятый по отдельности, на наш взгляд, недостаточен, но если попытаться объединить их по принципу взаимодополняемости⁸, можно сложить объемную и цельную картину исторического процесса, дать более убедительные ответы на вопросы, стоящие перед современными общественными науками. Поэтому мы постарались построить наше исследование на основе синергетического подхода, который объединяет как цивилизационные, так и макросоциологические номотетические методы исследования.

Для этого нами была предложена схема *стереопарного пространства*, сочетающего в себе одновременно цивилизационное и мир-системное измерения. Эта бинарная структура образует своего рода сингонию, сочетающую два, скрещивающихся по вертикали и горизонтали, разнохарактерных поля. При этом, цивилизационное поле является

матричным, корневым, а мир-системное – изменчивым, подвижным, эволюционирующим. Протекающие над поверхностью матричной цивилизации эволюционные волны изменений не затрагивают ее сути.

Мир-система может включать в себя две или несколько цивилизаций, объединенных в рамках общей мир-экономики⁹, т.е. в едином экономическом пространстве, со своим центром, сверхгородом, полупериферией и периферией. При этом, локальные, а в некоторых

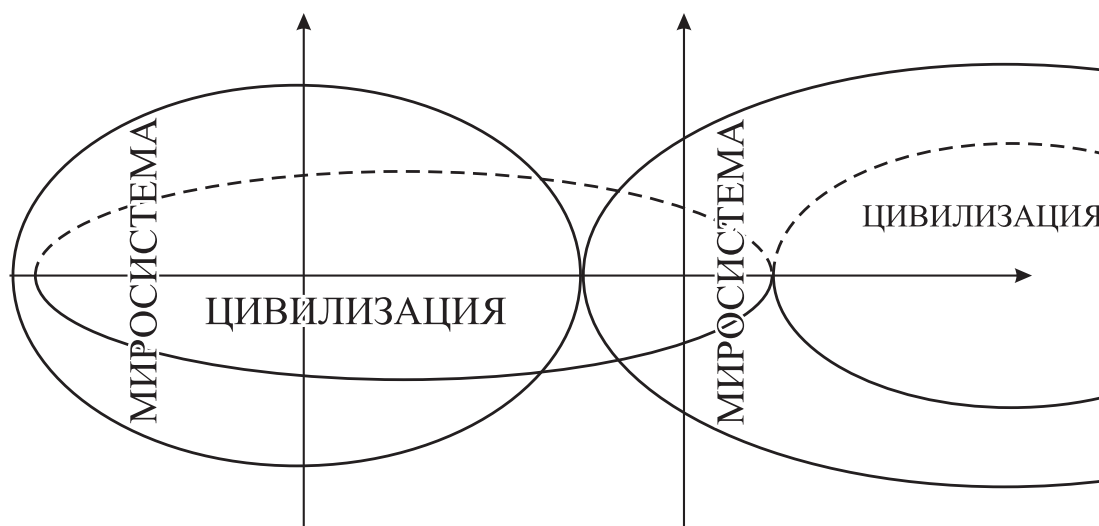
9 Используя терминологию Валлерстайна и других мир-системников, мы, тем не менее, вкладываем в нее несколько иной смысл, подобно тому, как сам Валлерстайн, Франк и др. вкладывали в терминологию Броделя свой смысл, отличный от броделевского. Так, по Валлерстайну, **мир-экономика (world-economy)** – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др. Однако, в отличие от мир-системников первого поколения (Валлерстайн, Арриги, Франк), мы не считаем, что мир-экономика появилась лишь в эпоху капитализма. Некоторые из современных макросоциологов время возникновения Мир-Системы датируют девятым тысячелетием до Р.Х., связывая его с неолитической революцией [Коротаяев 2003; Коротаяев 2005; Бондаренко 2006, 2: 47–66].

Более того, сам термин «эпоха капитализма» нам кажется искусственным и некорректным. Так называемое капиталистическое производство существовало и в древности, причем, не только в Азии, но и в Европе. Об этом писал еще М. И. Ростовцев, который в своих обобщающих трудах по социально-экономической истории эллинизма и Рима, вслед за Эдуардом Майером, справедливо признавал существование в древности капитализма, предприимчивой греческой и римской буржуазии, и даже пролетарских революций [См.: Ростовцев 1899; Ростовцев 1908; Ростовцев 1918; Rostovtseff 1910; Rostovtseff 1926; Rostovtseff 1927; Rostovtseff 1938; Rostovtseff, 1926–27; Rostovtseff, 1941]. И хотя изложенная Ростовцевым общая концепция развития древних обществ, долгое время считалась модернизаторской, поскольку противоречила не только марксистско-ленинской теории, но и устоявшимся представлениям западных антиковедов о природе эллинистического и древнеримского экономических укладов, на самом деле его подходы сегодня нам кажутся гораздо убедительней, нежели критика его оппонентов.

Это нашло свое отражение в периодизации мирового исторического процесса А. Н. Чумакова, отражающей общую тенденцию в современной российской макросоциологии в целом. Согласно Чумакову, мир развивается поступательно, по следующей трехчленной схеме: 1) эпоха фрагментарных событий (завершается 5 тыс. лет назад); 2) эпоха региональных событий (завершается в XV в.); 3) эпоха глобальных событий (завершается в середине XX в.) [Чумаков 2011: 166–167]. Чумакову вторят Гринин и Коротаяев [Гринин, Коротаяев 2009; Гринин 2011: 80–94].

8 Wilkinson 1995: 46–74.

случаях и основные цивилизации, могут быть расколоты, так что одна их часть окажется в одной мир-системе, а вторая – в другой.

В то же время, цивилизации и спаявшая их мир-экономика диспаратны (т.е. имеют сдвинутые контуры), инерферентны и хронологически могут не совпадать. Это объясняется тем, что субстанционально они отличаются – в основе мир-экономики лежат материальные, базисные явления, в то время как цивилизации определяются миром идей. История полна примеров, когда после крушения мир-экономики, некогда входившие в ее орбиту цивилизации, продолжали автономно существовать, порождая новую или втягиваясь в орбиту другой мир-экономики. Еще больше примеров того, как после гибели той или иной цивилизации мир-экономика продолжала функционировать, правда, теперь на основе новой цивилизации или цивилизаций, возникших на обломках прежней, погибшей.

Остается добавить, что зарождение новой цивилизации происходит по-разному. Одни, такие как египетская, китайская, месопотамская, крито-микенская, индская, месоамериканская и ряд других цивилизаций, не имеющих предшественников, возникают в результате внутренних флуктуаций. Другие цивилизации – фрактальные и возникают в

результате бифуркации, разветвления матричной цивилизации и обретения дочерними цивилизациями новых качеств, в сочетании с фрактальными, образующими новую синкре-

тическую цивилизацию или цивилизации. Ярким примером цивилизационной бифуркации является российская цивилизация, образовавшаяся на базе ортодоксальной византийской матричной цивилизации и перенявшая целый ряд фрактальных родовых качеств своей предшественницы¹⁰.

Мир-системы и межсистемные линии разлома. Между мир-экономиками издревле существовали линии разлома¹¹, имевшие, однако, трансляционные узлы или так называемые зоны контакта. Мы считаем неправо-

10 Так, согласно традиции, игумен одного из монастырей под Псковом – Филофей, разработал теорию Третьего Рима, согласно которой Москва провозглашалась преемницей второго Рима – Константинополя. Подобным образом Цинская (маньчжурская) империя объявила себя правопреемницей своей предшественницы Минской империи, сделав Пекин своей столицей.

11 Согласно Броделю, мирэкономка ограничена пределами, за которыми начинается другая мирэкономка, «вдоль некой линии или, вернее, некой зоны, пересекая которую как с той, так и с другой ее стороны бывало выгодно с экономической точки зрения лишь в исключительных случаях, для основной части торговли, и в обоих направлениях, «потеря на обмене превысила бы прибыль» [Бродель 2006: 24, 26. 4].

мерным проводить линии разлома между цивилизациями, как это делает С. Ф. Хантингтон¹², точнее было бы их охарактеризовать как разломы между мир-экономиками и соответственно между мир-системами, включающими в себя несколько цивилизаций. История полна примеров, когда части одного этноса, исповедующие одну или разные религии, оказавшись в разных мир-экономиках, по разные стороны линии разлома, превращались в непримиримых врагов, и истребляли друг друга с невероятной жестокостью. Достаточно вспомнить войны Джучидов и Хулагуидов (ильханов). На первый взгляд, они могут показаться обычным междоусобным конфликтом внутри монгольской империи в XIII–XIV веках за контроль над кавказскими и прикаспийскими территориями и особенно над проходящими по ним торговыми путями, однако, на самом деле – это типичный пример межсистемного столкновения на линии разлома между различными мир-экономиками.

Другим характерным примером являются войны между туркменскими племенами ак-коюнлу и кара-коюнлу. Оба племенных объединения произошли от единого корня (огузы), говорили на одном языке и исповедовали одну религию. Единственное их отличие заключалось в цвете папах и баранов, изображенных на знаменах¹³. В XIV веке, оказавшись по разные стороны Евфратского фронта, они начали борьбу за доминирование в регионе и истребляли друг друга, пока окончательно не обескровили себя и не сошли с исторической арены. Туркмены уступили место происшедшим от тех же огузов кызылбашам и османам, которые, подобно своим предшественникам, оказавшись по разные стороны Евфратского мир-системного разлома, также вели истребительные войны друг против друга, но теперь уже на протяжении

нескольких столетий¹⁴. В то же время, как некогда туркоманы, кызыл-башы и османы, давали значительные предпочтения христианам-армянам, проживавшим на подконтрольных им территориях, ведь именно на армянах держалась экономика обеих империй.

Еще один, не менее характерный пример являет русско-украинский разлом. Русские, украинцы и белорусы – родственные народы, говорящие на близкородственных языках, принадлежащие к единой конфессии, и, по сути, являющиеся составными частями единой цивилизации. Однако, оказавшись по разные стороны разлома, не цивилизационного, а именно мир-системного, две части одной цивилизации вступили в противоборство, которое в наши дни перешло, пожалуй, в самую горячую фазу за всю свою историю. Этот разлом проходит приблизительно от северо-востока Приднепровья до Немана.

И наконец, последний пример – западная часть Армении. Искони населенная армянами, она включала в себя такие области как Малая Армения, в римскую эпоху известные как Первая и Вторая Армения, а также Высокую Армению, Тайк, Алдзник и Софену (Цопк). Эта территория, по сути, оказалась на периферии одной мир-системы, в то время как большая часть Великой Армении оказалась в другой мир-системе. Это привело к частичному конфессиональному обособлению двух частей армянской нации. В некоторых областях Западной Армении преобладающим стал ортодоксальный халкидонизм (коренное армянское население этих областей со временем грецизировалось или огрузинилось), в то время как в Восточной Армении укреплялись позиции Армянской Апостольской церкви, противопоставившей себя халкидонской церкви и влиянию ромеев в целом. В 615 г. на Ктесифонском соборе Армянская Апостольская церковь, при поддержке Сасанидов, была объявлена главной среди восточ-

12 Huntington 1993: 22-49.

13 На знаменах кара-коюнлу был изображен черный баран на белом поле, на знаменах же ак-коюнлу все было с точностью наоборот (Рыжов 2004).

14 Самые ожесточенные войны между Сефевидской державой и Османской империей происходили в XV – первой четверти XVI вв.

ных церквей, и все остальные церкви, в том числе некогда могущественная сирийская церковь, должны были признавать ее верховенство.

Так, оказавшаяся на линии разлома двух мир-экономик, Армения и армянская нация оказались размежеваны, что предопределило судьбу страны и нации. Армяне были обречены играть медиационную роль между мир-системами. Когда же трансляционные узлы переставали функционировать (как это было, например, в период и после сельджукского нашествия) или перемещались в другие регионы (как это произошло в период Великих географических открытий), привыкшая играть роль контакторов, гибкая и подвижная часть армянства вынужденно покидала историческую родину и селилась в других мировых трансляционных узлах – Киликии, Венеции, Константинополе, Амстердаме, Калькутте, Мадраसे, Львове, Трапезунде, Ливорно, Крыму, Исфахане, Астрахани, Дербенте и др.). Возможно, одна из причин, почему такая высокоразвитая, деятельная и, в конечном счете, внутренне монолитная нация, как армяне, столь часто теряла свою государственность, заключается в том, что Армения с древнейших времен находилась на линии разлома двух мир-систем. Это практически не оставляло шансов армянам. Подобных примеров в истории можно привести бесконечное множество.

Остается добавить, что линия разлома между мир-системами может быть достаточно обширной и занимать значительное пространство, поэтому в некоторых случаях их целесообразнее дефинировать не столько линиями, сколько зонами разлома. Такой зоной разлома может быть, например, территория между Евфратом и Тигром, а также территория многих известных в истории фронтиров.

В данной работе мы поставили перед собой задачу обозначить несколько базовых мир-систем и очертить линии разлома между ними, а также показать, какие цивилизации вовлечены в эти мир-системы и мир-империи,

и в какой мере границы матричных цивилизаций совпадают с границами мир-экономик, которые вкуче и составляют мир-систему.

Начнем с характеристики *евфратско-гиндукушской мир-системы*. В древности, по крайней мере начиная с мидийско-ахеменидского, а возможно, с урартийского периодов, эта мир-система включала в себя, по меньшей мере, три цивилизации – месопотамскую (восточносемитскую), армянскую и иранскую, которые почти всегда были составными единой мир-экономики. Границы мир-экономик подчас имеют размытую конфигурацию, но евфратско-гиндукушская мир-система отличалась весьма четкими границами. Южной границей этой мир-системы неизменно был Персидский залив, северная граница проходила по Кавказскому хребту, западной границей был Евфрат, а восточной – Памир и Гиндукуш. Единая евфратско-гиндукушская мир-экономика сформировалась почти одновременно с левантйской и балканско-малоазийской мир-экономиками – в III тыс. до Р.Х.

Расположенная к западу от евфратско-гиндукушской *балканско-малоазийская мир-система* также пережила взлеты и падения разных цивилизаций и нескольких мир-экономик. С двух сторон, с севера и с юга, эта мир-система была ограничена Черным и Средиземным морями, на западе омывалась Адриатическим морем, на северо-западе граница мир-системы проходила по Дунаю, Саве и Купе, а с четвертой, восточной стороны ее порубежьем является Евфрат, Восточно-Понтийские горы и Сурамский хребет, то есть по территории, в древности называвшейся Колхидой. Вплоть до конца XVIII века частью этой мир-экономики и соответственно мир-системы был также Крым.

Балканско-малоазийская мир-система также имеет тысячелетнюю историю. Малоазийская мир-система скорее всего зародилась в III тыс. до Р.Х., а возможно, и раньше. Ядро этой мир-системы находилось в центре Малой Азии, в Хаттушасе, а затем мировой город из центра Малой Азии переместился в

периферию, на Запад, в Трою, ближе к Балканам. Бедная ресурсами, но имевшая сильный флот, Балканская Греция, еще с микенской эпохи, стремилась колонизовать Малую Азию и Причерноморье, создав тем самым единую мир-экономику, и по сути, единую мир-систему, которая включала бы в себя территорию от Адриатики до Евфрата, от Антитавра до Крыма. Именно в результате взаимодействия малоазийской и греческой цивилизаций образовалась единая мир-система, которую мы называли балканско-малоазийской. По своей сути эта мир-система, особенно после слияний двух мир-экономик, стала талассоцентрической.

Левантийская или восточно-средиземноморская мир-система охватывала территории южнее Антитавра (линия разлома проходила по Коммагене и Киликии) и распространялась вплоть до Набатей на юге и Месопотамии – на востоке.

Конфликт между этими мир-системами имеет столь же древнюю историю, сколь и сами эти мир-системы. Самые первые примеры этого конфликта относятся к середине II тыс. до Р.Х. Речь о хеттско-ассирийских войнах. Характерно, что уже тогда линия разлома находилась на стыке трех мир-систем и проходила по Евфрату и горам Тавра, где тогда существовало передовое и довольно сильное государство Митанни. На этой же территории происходили столкновения между ассирийцами и Северо-сирийским союзом городов-государств. Во второй половине VIII в. до Р.Х. в этот конфликт вмешалось объединившее в своем составе все Армянское нагорье государство Урарту. Позднее этот конфликт принял еще больший размах. Достаточно вспомнить мидийско-лидийские войны, закончившиеся битвой на реке Галис, после чего территория Каппадокии и Западной Армении отошли к Мидии¹⁵. После за-

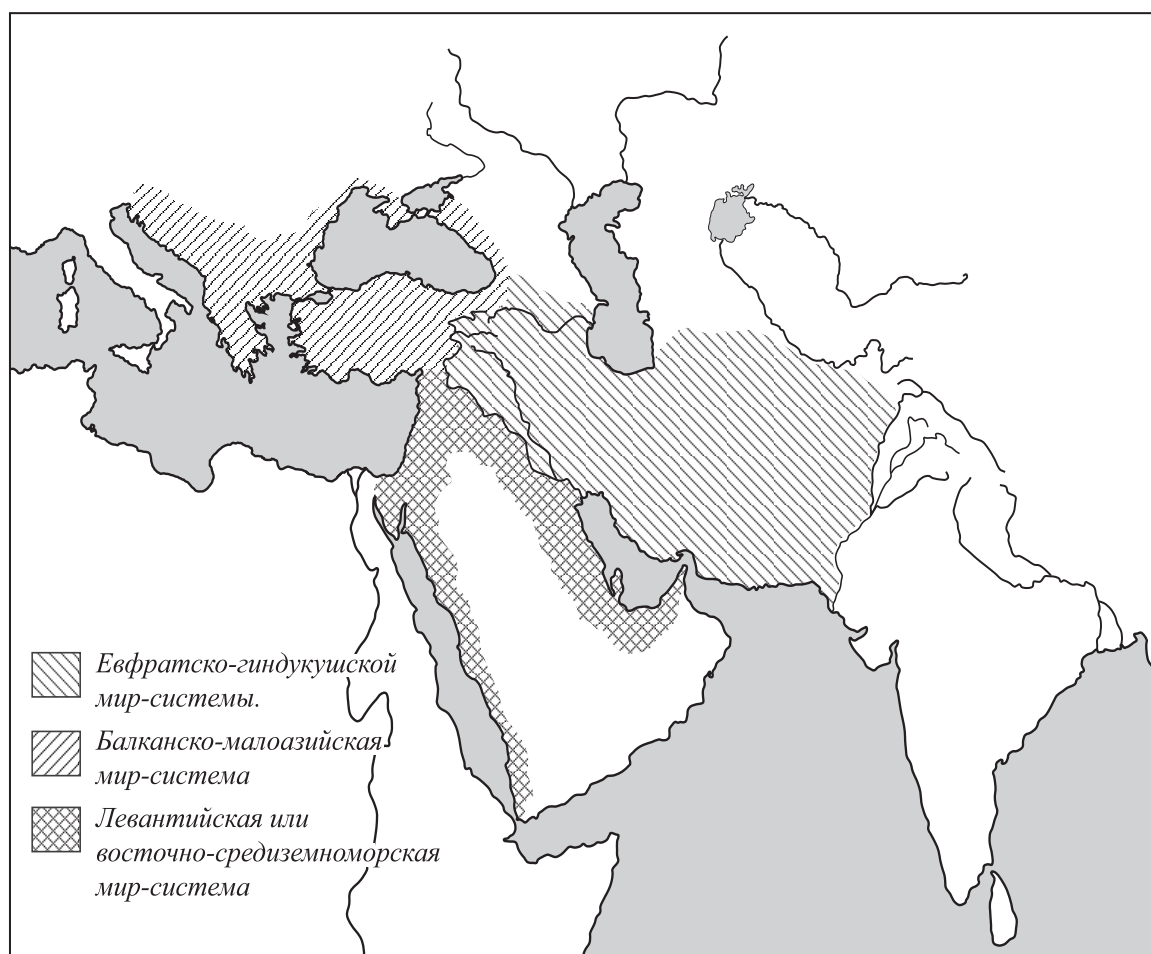
воеваний Кира Великого Малая Азия полностью вошла в состав державы Ахеменидов, более того, персы чуть не захватили и Балканский полуостров. Однако в греко-персидских войнах эллины не только выстояли, но и задались целью вернуть под свой контроль Малую Азию и восстановить разломанную по Гелеспонту мир-систему. Это задача была осуществлена Александром Великим.

В основе всех этих войн и конфликтов лежат не столько цивилизационные факторы, сколько экономические. Любопытно, что согласно античной традиции, перед битвой при Гавгамелах, Дарий III Кодоман прислал к Александру послов с предложением поделить свою державу: Александру предлагалось довольствоваться западной частью Ахеменидской державы, а граница между двумя империями должна была пройти по Евфрату [Plut. Alex.: 29, 4]¹⁶. Александр отказался от предложения, так как мечтал о большем, но позднее, именно по обозначенному Дарием рубежу протянутся границы между Римом и Парфией, а еще позднее между Восточной Римской империей и державой Сасанидов, а затем между Халифатом и империей ромеев. Еще позднее по Евфрату проходила линия разлома между Османской империей и Сефевидским Ираном (Месопотамия, особенно Багдад, переходили из рук в руки до тех пор, пока этот цветущий край не превратился в

шую за всю предшествующую историю мира), с хорошо организованным государственным аппаратом, включая корпорацию государственных жрецов-магов. Большая часть присоединенных территорий перешла под прямую власть мидийского престола, ее разделили на наместничества-сатрапии; лишь немногие области – Армина, Персия и Элам – были оставлены на вассальном положении. Еще важнее было то, что в 613 г. до н. э. Киаксар изменил титул «царя Мидии» на «царя народов», выдвинув совершенно новую концепцию государства как мировой деспотии, где царская власть была принципиально неограниченна, универсальна, стояла над любыми национально-государственными традициями (в том числе собственного народа) и претендовала на весь мир. Эту концепцию позднее унаследовали Ахемениды.

15 Своего апогея Мидийская империя достигла при Астиаге (585-550 гг. до н. э.), который унаследовал от своих предшественников огромную, относительно централизованную державу (самую боль-

16 Приводится по изданию: Плутарх 1994.

пустыню). Любопытно, что после падения Византии, Османская империя совпала по территории с балканско-малоазийской мир-экономикой. Такие совпадения не могут быть случайными, ведь османы ничего общего не имеют ни с Византией, ни с предшествующими ей цивилизациями. Таким образом они унаследовали не цивилизационные (говорить об османской цивилизации не приходится¹⁷, Тойнби уверен, что подобно Спартанской, Османская империя оказалась «задержанным» социумом и как самостоятельная цивилизация и не состоялась¹⁸), а мир-системные наработки империи ромеев.

Точно так же, мы считаем, что Пунические войны – это не столько столкновение цивилизаций, сколько борьба за доминирование двух средиземноморских мир-экономик.

Появление нового мирового города – Рима – стало импульсом для появления новой мир-системы – *западно-средиземноморской*, которая, почти сразу, вступила в борьбу за преобладание во всем Средиземноморском бассейне вначале с Карфагеном, а затем на время подмяла под себя балканско-малоазийскую мир-экономику.

Хотелось бы особо оговориться по поводу Рима, создавшего гигантскую империю, сочленившую в едином политическом и экономическом пространстве несколько основных и локальных цивилизаций. Вслед за большинством мир-системников, мы считаем, что Рим уместнее называть не столько мир-системой, сколько *мир-империей*, известной так же под названием Римский мир (*мир*, как отсутствие войны). В составе этой мир-империи продолжали существовать не только несколько локальных и основных

17 См. например: Исханоглу 2006.

18 Тойнби 1947: 171 seqq.

цивилизаций, переживших империю, но и ряд мир-экономик. Не случайно, кроме самого Рима, в империи продолжали процветать и другие сверхгорода, такие как Александрия, Антиохия, Пергам, место которого, спустя некоторое время, займет Константинополь.

Мир-системы и мир-империи. Для осмысления такого феномена как *мир-империя* (*world-empire*), в качестве отправной точки нами были использованы некоторые из концептов И. Валлерстайна, который еще в начале 70-х гг. прошлого века ввел в оборот это понятие, как и понятие мир-экономика (*world-economy*). В своем определении понятия мир-система, задолго до него разработанного Фернаном Броделем, Валлерстайн пишет о нем как об общности «... с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой миросистемы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и как мир-экономику»¹⁹.

Мир-империи, по мнению Валлерстайна, состоят из нескольких локальных культур, присоединенных путем завоевания (например, Древний Египет, Древний Китай, Древний Рим, Россия эпохи крепостного права или Османская империя). Мир-империи характеризуются преобладанием сельскохозяйственного производства, наличием развитого военно-бюрократического правящего класса, перераспределительным способом производства. **Мир-экономики** – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др.

Мир-экономика имеет трехуровневую структуру. В ее *центре или ядре (core)*, нахо-

дятся высокоразвитые государства, доминирующие в экономических отношениях, привлекающие дополнительные прибыли из всемирного разделения труда, определяющие мировую политику (в современном мире – это высокоразвитые страны). Ядро мир-системы состоит из нескольких государств, т.е. фактически социоисторических организмов. Но они не равноправны. Одно из них является гегемоном. История ядра – история борьбы за гегемонию между несколькими претендентами, победы одного из них, его господства над мир-экономикой и последующего его упадка. Но главное – отношения ядра и периферии. Суть их заключается в том, что государства ядра безвозмездно присваивают излишек, созданный в странах периферии. *Периферию (periphery)* мир-экономики составляют страны, поставляющие сырье странам ядра и поэтому экономически и политически зависимые от последних. *Полупериферийные (semiperiphery)* страны единой мир-экономики занимают промежуточное положение между государствами ядра и периферии.

Разделяя в целом подходы Валлерстайна, мы, тем не менее, считаем, что мир-империи – это не какие-то архаические образования, способные объединить внутри себя несколько локальных культур, они могут быть гораздо сложнее и объединять также разные цивилизации, а в отдельных случаях и целые мир-экономики. При этом мир-империи имеют ряд общих и отличительных черт. Общим для всех мир-империй является стремление к экуменизму и мессианству. Мы выделяем три типа мир-империй – *самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный*.

Самодостаточные мир-империи имеют стабильную и самодостаточную экономику, процветающую преимущественно за счет эксплуатации местных ресурсов и местных производительных сил. Типичными примерами являются экономики Древнего Египта, Китая, Индии, Парфянской и Сасанидской

19 Валлерстайн 2001.

держав, Византии, Империи Ацтеков и Инков. Для этих мир-империй характерно отсутствие заморских колоний, незначительная роль внешнеэксплуататорских форм, несистемное применение нерентабельного рабского труда. Основными производителями материальных благ в такого рода мир-экономиках практически всегда были свободные земледельцы и торгово-ремесленное население крупных городов (хотя в отдельные эпохи удельный вес рабского труда мог возрасти, как и завоз из сопредельных территорий драгметаллов и стратегического сырья, необходимых для эффективного функционирования имперской экономики).

Для успешного функционирования самодостаточные империи типа Египетской или Китайской стремились не столько обогатиться за счет соседних недоразвитых народов, сколько вовлечь их в структуру своей иерархии. Согласно исследованиям А. М. Решетова²⁰, так называемая дань состояла из продуктов местного производства и особой ценности в экономическом плане для Китая не представляла; она имела авантажное значение и преимущественно использовалась в ритуальных целях. К тому же ответные подарки со стороны китайских правителей в несколько раз превышали ценность поднесенной дани. Все это делалось для того, чтобы показать величие Китая и с помощью аванжных пожалований и всякого рода подарков обезопасить ядро империи и создать буферную зону вокруг своих границ. Такая форма взаимопользования, когда присутствие партнера становится обязательным условием существования каждого из них, обычно называется мутуализмом. В отличие от симбиоза, который часто бывает паразитическим и выгодным лишь одной из сторон, мутуализм строится на партнерских отношениях, хотя и не всегда паритетных.

Яркий образец мутуалистических отношений являет собой египтоцентричный мир

эпохи Среднего и Нового царств, в который издревле были вовлечены нубийцы, создавшие на окраине Верхнего Египта свое царство по типу Египетского. Чтобы усмирить непокорные нубийские и кушитские племена и обезопасить караванные пути, египетские фараоны совершали частые походы в земли страны Куш. Известно, что Аменхотеп I и его сын Сенусерт I (основатель новой XII династии) организовали карательные походы против Нубии и развернули строительство фортов и крепостей, своего рода фронта вдоль долины Нила. На время египтяне даже установили свою власть над самой Нубией для того, чтобы выкачивать из ее рудников золото. Вместе с тем, для защиты границ своего царства фараоны стали привлекать кушитских вождей на юге и нумидийских на западе, посылая им щедрые подарки и выдавая за них замуж принцесс и дочерей своих вельмож. Так, фараоны постепенно раздвигали границы этой древнейшей мир-системы, превращая южную и западную периферию в полупериферию.

После падения Среднего царства и в мрачные времена переходного периода к Новому царству Нубия вновь обрела независимость. Подражая египтянам, нубийские (иногда называемые эфиопскими) вожди основали так называемую XXV династию или династию «черных фараонов». Цари Куша принесли свою резиденцию в город Напат, очень напоминавший египетский Мемфис, и установили культ Амона в святилище Джебель-Баркала, важнейшем религиозном центре страны, а также в храмах Седеинги и Солеба. Во времена господства фараонов проникшиеся египетским духом кушитские принцы, теперь, осознав свою силу, двинулись завоевывать растерзанный Египет, который к тому времени уже был почти захвачен ассирийцами. Первым «черным фараоном» Египта стал Пианхи (751 – 716 гг. до н. э.). Он покорил ливийские княжества на севере Египта и объединил всю страну под своей властью. С него началась нубийская (эфиоп-

20 Решетов 1982.

ская) династия²¹. Шаг за шагом завоевывая Египет, кушиты вскоре закрепились в Элефантине, Фивах, Файуме, Среднем Египте, Мемфисе и Дельте Нила. После чего чернокожие цари вступили в борьбу с Ассирией, которая продолжалась вплоть до падения самой Нубии.

Характерно, что после завоевания Египта нубийцами и смены династий в стране ничего не изменилось. Жизненный алгоритм страны остался прежним. Ассимиляционные способности Египта были столь велики, что все завоеватели Египетского царства, будь то гиксосы или нубийцы, в течение одного-двух поколений египтизировались. Более того, именно при черных фараонах Египет вновь (правда, в последний раз и лишь на несколько десятилетий) пережил расцвет. Чернокожие завоеватели оказались ревностными блюстителями веры Амона, восстановили в стране «исконные» порядки. Насаждая старое благочестие, они реставрировали праздники, бытовавшие в старину, отстраивали по всей стране заброшенные и пришедшие в упадок храмы. Вновь попытались ввести в обиход давно забытое иероглифическое письмо времен Древнего царства. Укрепили управление страной, с опорой в основном на египетских чиновников и жрецов. Приверженность к египетской старине выдают так же их тронные имена и титулы, давно позабытые в самом Египте.

Аналогичным образом стратегию своих взаимоотношений с соседними северными племенами строили китайские императоры²². «Стратегия в китайском понимании – это не противоборство двух систем. По сути дела, это способ взаимодействия более совершенной общности с менее совершенными со-

ставляющими, лишь «среда» стратегического действия. Между системой и средой существует глубинная преемственность, и знание этой преемственности, предстающей на поверхности явлений как различие, прерывность, противостояние, есть стратегическое знание... Внешние проявления стратегии есть перевернутый образ ее действительного содержания. Здесь всякое действие свидетельствует о недействовании, образы не выявляют, а скрывают реальность. Старинная китайская поговорка гласит: «Уход – лучшая стратегия». Уйти – не значит проиграть. Соображения же репутации и престижа несущественны там, где речь идет о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить»²³. Мир, как считают китайцы, насколько он длится, состоит в первую очередь из этого постоянного «приходит– уходит»²⁴. Эти принципы «стратегии непрямых действий» были разработаны в Китае еще в V в. до н.э. Создателем этой модели геополитического противоборства считается китайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы. Свое учение о стратегии достижения победы в войне он изложил в трактате «Сунь-Цзы бин фа» или «Правила ведения войны мудреца Суня»²⁵.

Следуя этим принципам, китайские правители, даже когда у них было достаточно сил, избегали лобовых, фронтальных столкновений с кочевниками, всегда предпочитая обходной маневр, косвенное воздействие²⁶, тем самым обеспечивая возможность взаимоперехода стратегического потенциала²⁷. Так, с целью обезопасить Срединное государство, они посылали вождям номадов щедрые дары, выдавали замуж за их вождей принцесс

21 После смерти Пианхи почти полвека в Египте царил нубийская династия. Правда, следующему царю – Ша-баке (716–701 гг. до н. э.) – вновь пришлось покорять Египет. Зато отныне Шабака, как и его преемники – Ша-батака (701–689 гг. до н. э.), Тахарка (689–663 гг. до н. э.), Танутамон (663–656 гг. до н. э.) – правили из Мемфиса.

22 Маргарян 2016b: 15-27

23 Китайская военная стратегия: 101.

24 Жюльен 2005: 69.

25 Сунь-цзы 2003.

26 Китайская военная доктрина основана на постулатах: «Искусный полководец побеждает без боя»; «Величайший воин не воюет» (Китайская военная стратегия 2002).

27 Лапина 1985: 112-114.

императорского дома (хотя чаще это были дочери императорских наложниц или другие девушки, с раннего детства воспитанные при дворе). Китайские правители вовлекали часть «варваров» в сферу своего влияния, включали в синоцентристскую модель «мира»²⁸, причем путем не завоевания их (для этого у Китая просто не было сил), а задабривая их, в расчете на позднейшее их подчинение, «перекраивание» и «переваривание» более высокой ханьской культурой. Такую тактику по отношению к кочевым соседям В. Н. Никифоров назвал «линией Ши Цзинтана»²⁹, не без оснований считая, что несколько веков спустя она станет путеводной для господствующих классов Китая. Любые отклонения от традиционной стратегии обходного маневра и попытки перехода к лобовой атаке приносили китайцам одни потери и разочарования³⁰.

Используя различные стратегические технологии, Китай вовлекал в свою систему

иерархии одних варваров, чтобы с их помощью защищать империю от других варваров³¹. По этому принципу строились взаимоотношения между Срединной империей и сяньбинцами³².

31 Lattimore 1940; Barfield 1992.

32 Barfield 1981: 45-61.

Так, в 49 г. во главе со старейшиной Бяньхэ в Китай прибыли первые послы от сяньби. Бяньхэ обязался защищать границы Китая от Хунну. Китай пообещал выплачивать сяньбийцам награду за каждую голову северного хунна. Верные взятым обязательствам, сяньби напали на хунну и убили 2000 человек. В 54 г. старейшины Юйчопэнь и Маньту явились к императору с просьбой принять их в подданство. Император дал им титулы ван и гоу. В 58 г. Цзи Юн заплатил Бяньхэ за нападение на ухуаня Иньчжибэня, который донимал границу набегами. Иньчжибэня убили, после чего множество сяньбийцев стало съезжаться в Ляодун за наградой. В Цинчжоу и Сюйчжоу им платили 270 000 000 чохов. До 93 года сяньбийцы спокойно охраняли границу. В 93 году сяньби стали занимать земли хуннов. 100 000 семейств хунну сменили название на сяньби. В 97 г. Фэйжусянь в Ляодуне был атакован сяньбийцами, правитель Цзи Сэнь был смещён за бездействие. В 110 г. старейшина Яньчжиян явился к императорскому двору и получил княжескую печать, колесницу с тремя лошадьми. Ему приказали жить подле приставы ухуаней в Нинчэне, ведать торговлю с сяньбийцами и содержать заложников от 120 знатных сяньбийских родов. В 115 г. сяньби напали на Улюйсянь в Ляодуне, но не добились успеха, поскольку китайская армия действовала довольно эффективно. В 117 г. старейшина Ляньсю разграбил Ляоси, ухуани разбили его, убив 1 300 человек. В 118 г. 10 000 сяньбийцев напали на Дайцзюнь и другие города. Ущерб был огромен и ханьское правительство перебросило войска на север в Шаньгу. Зимой сяньби напали на Цзюйюньгуань, но быстро отступили. Китайцы перебросили на границу ещё 20 000 воинов. В 119 г. при набеге на Ма-чэн-сай сяньби были разгромлены хуннским приставом Дэн Цзунем с 3 000 стрелков и союзными хуннами. В 120 г. старейшины Улунь и Цичжицзянь покорились Дэн Цзуню. В 121 г. Цичжицзянь, несмотря на полученные титулы и дары, восстал и напал на Цзюйюнь. Чэнь Янь, правитель Юньчжуна, был разбит, ухуаньский пристав Сюй Чан был окружён. Хуннуский пристав Гэн Куй и Пан Сэнь (правитель области Ючжеу) для освобождения Чана вышли с войском из Гуаньян, Лиань и Чжоцзюнь, и разделяясь на две колонны, ночью прогнали сяньбийцев. Это не слишком помогло в войне: несколько десятков тысяч сяньбийцев нападали на границе то в одном, то в другом месте. В 122 г. сяньби напали на Яньмэнь и Динся, Тайюань. В 123 г.

28 О синоцентризме древнего и современного Китая см.: Кроль 1973: 13-29; Карапетянц 2000; Watt 2004.

29 Никифоров 1977.

30 Так, за свою 400-летнюю историю империи Хань приходилось постоянно сражаться на три фронта: на севере с хунну, на западе с тибетскими племенами и на юге с маньями (собирательное название для южан не-ханьцев). Как только империя добилась победы над хунну, сяньбийцы прорвали северную границу. Тянь Янь, пристав тангутов, был лишён чинов, решив загладить вину, он обратился к придворному Ван Фу, который попросил Хань Лин-ди назначить его приставом сяньбийцев. Был создан военный совет, на котором решалось, какую проводить политику на севере. Советник Цянь Юн подал доклад, в котором говорилось о нецелесообразности степной войны с сяньбийцами, предпочтительнее было создать систему активной обороны (с сигнальными огнями и лёгкой конницей) по всей северной границе. Император отверг предложение, и в сентябре 177 г. Ся Юй из Гаолю, Тянь Янь из Юньчжуе, хуннуский пристав Цан Минь с южным шаньюем из Яньмэня, каждый с 10 000 конницы, были брошены против сяньбийцев. Это было роковой ошибкой. Таньшихуай вначале разбил Ся Юя. Остальным воинам Таньшихуай приказал встречать китайцев лобовыми ударами. Две трети китайской армии было уничтожено. Разгромленных генералов разжаловали. В ответ на нападение китайцев Таньшихуай в 179 г. разграбил Ляоси, а в 178 г. Цзюцзюань.

Даже в тех случаях, когда номадическим племенам удавалось прорвать многоэшелонированную линию обороны и захватить центральные области Поднебесной, по сути ничего не менялось. Современники, и тем более потомки, подобные события воспринимали всего лишь как смену декораций. А наступившую эпоху – периодом правления новой династии, которая все равно считалась китайской, хоть и иностранного происхождения. Через какое-то время иноземцы растворялись среди своих цивилизованных подданных, становясь, как это часто бывает, еще большими ревнителями китайских традиций, нежели сами ханьцы³³.

Подобная гибкость (мягкое и слабое побеждает твердое и сильное) коренится в традиционной синоцентристской концепции истории, разработанной китайскими историками-конфуцианцами много веков назад. Ее суть, помимо прочего, состояла в том, что

Цичжицзянь с 10 000 воинов напал на Дунлин и вступил в столкновение с южными хунну. 1 000 воинов хуннского юцзяньжичжо было убито. 124 г. напали на Гаолу, хуннский цзицзянь князь был убит. В 126 г. Цичжицзянь напал на Дайцзюнь, правитель Ли Чао был убит. В 127 г. пристав хунну Чжан Го отправил 10 000 воинов для набега на сяньбийцев. Сяньби отступили, но потеряли 2000 телег с имуществом. 6 000 сяньби напало на Ляодун, пристав ухуаней Гэн Е с союзными сяньби напал на врагов, убил их несколько сот и вернул почти всё награбленное. В 128-129 годах 30 000 семейств сяньби вступило в китайское подданство в Ляодуне. Набеги не прекращались, пока в 130 году сяньбийцы не были разбиты несколькими тысячами хуннов. Зимой ухуани убили ещё 800 сяньбийцев, ухуань Фусогуань за храбрость получил княжеский титул. Юн Чжусоу вместе с князьями Хоудогуйа вновь напали на кочевья сяньби и перебили их, за что были награждены почетными титулами и шёлком. Сяньби ответили набегами и Гэн Е был вынужден сражаться с ними в открытом поле. В 133 г. хуннский пристав Чжа Чжоу отправил против сяньби хуннов во главе с полководцами Фучжуна и Гудхоу. Сяньби потерпели поражение, за что Фучжун был награждён золотой печатью. Но сяньби и в этот раз не стерпели обиды. Осенью они напали на Мачен. Дайгюньский правитель пытался их остановить, но безуспешно. Набеги сяньби прекратились только после смерти Цичжицзяня.

33 Bacon 1958.

Китай является единственным государством в своем роде, главным в мире, и поэтому не может быть частью никакого другого государства. Все остальные страны рассматривались (и сегодня мало что изменилось) лишь как вассалы императора, вовлеченные в Рах Сипика, приобщившиеся к синской цивилизации и занимающие в ее иерархии определенное место, либо как варварские, еще не включенные в синоцентристский мир. Поэтому Китай по определению не мог вести разговор на равных с каким бы то ни было иным государством, так как в мире была лишь одна империя – Срединная (Китай). Конечно, со временем правителям Срединного государства становилось сложнее сохранять реалистичность этой парадигмы, многие вассалы записывались в таковые лишь формально или вовсе без их ведома. Но в целом империям удавалось поддерживать имперскую концепцию неизменной вплоть до поражения Цин в «опиумных» войнах, когда экономически более развитые страны Запада заставили ее переходить от международных отношений по типу данничества к договорным.

Хрестоматийной считается история становления японо-китайских отношений. Желая укрепить международный статус Японии путём достижения равноправных отношений с Китаем, принц Сётоку в 607 г. отправил второе посольство к династии Суй. Посол Оно-но Имоко привёз китайскому императору письмо, начинавшееся с фразы «Сын Неба [страны], где солнце всходит, пишет Сыну Неба [страны], где солнце заходит. Как ваши дела?..». В документе оба монарха определялись как равные, что сильно разозлило китайскую сторону. Последняя традиционно выстраивала отношения с другими странами на основе превосходства Китая и считала использование японским правителем китайского титула «Сын Неба» возмутительным. Только потребность иметь союзников в войне с корейским государством Когурё заставила китайцев принять японскую делегацию. В 608 г. Сётоку отправил очередную делегацию

в Суй, но, несмотря на прошлогодний инцидент, использовал для имени своего правителя новый нейтральный титул «Небесный монарх». В китайской столице его восприняли с удовольствием, как признание японцами своей вины и китайского верховенства, однако японская сторона расценила реакцию китайцев как признание равноправия между правителями их стран. Впоследствии этот титул превратился в часть имени японских монархов, которая переводится сегодня как «Император Японии».

Европейская политика в Китае была не столь гибкой. Характерным примером является попытка британского правительства получить от императора Цянь-луна (1711–1799) торговые преференции для британских предпринимателей. С этой целью английское правительство в 1793 г. отправило к богдыхану тщательно подготовленное посольство во главе с лордом Дж. Макартнэем. Ему было предписано установить дипломатические отношения и посулами или угрозами добиться открытия для англичан Кантона и ряда других портов, получить для англичан право на свободное передвижение в Китае, а также учреждения британского представительства в китайской столице. В Старом Летнем дворце Макартни приняли как посла далёкого и маленького «варварского» государства — очередного «данника» императора, а его подарки были восприняты как преподношение дани. От Тяньцзиня до Пекина их везли в лодках с надписями «Посольство с данью от английского короля». Эта дипломатическая миссия провалилась. Цинский император так и не принял главу посольства. Макартнэю был вручен эдикт императора Цянь-луна, адресованный английскому королю Георгу III, в котором говорилось: *«Король, ты живешь за многими морями и, несмотря на это, снедаемый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, отправил к нам посольство, почтительно доставившее к нам твою записку... Я внимательно изучил твою записку; серьезный тон изложения*

свидетельствует о почтительном смирении с твоей стороны, что в высшей степени похвально... Что касается твоей просьбы послать одного из твоих подданных, чтобы он был поверенным при моем Небесном Дворе и осуществлял надзор за торговлей твоей страны с Китаем, то это ходатайство противоречит обычаям моих Отцов и не может быть удовлетворено... Хотя ты заявляешь, что благоговение перед нашими Небесными Отцами переполняет тебя желанием приобщиться к нашей цивилизации, к нашим правилам и законам, они столь отличаются от твоих собственных, что, даже если твоему послу удалось бы познать начатки нашей цивилизации, ты не смог бы перенести наши нравы и обычаи к себе на чужую почву. Как бы твой посол ни старался, из этого ничего не может получиться... Властвуя во всем мире, я преследую одну-единственную цель, а именно: безупречно осуществлять власть и исполнять долг перед государством. Диковинки и драгоценности меня не интересуют. Если я распорядился принять даннические дары, отправленные тобой, о король, то исключительно из уважения к тому духу, который побудил тебя послать их из такой далекой страны. Величие Наших Отцов не обошло ни одной земли под Небесами, и цари всех народов шлют по морю и по суше драгоценную дань. Как мог убедиться твой посол, у меня есть все. Я не ценю искусных и диковинных вещей и не буду пользоваться изделиями твоей страны».

Западные историки с насмешкой повествуют о незадачливом, оторванном от реальности богдыхане и его раболепных придворных, не признавших в талассократической Британской империи могущественную силу, стремящуюся посредством торговли подмять под себя экономику Китая и колонизовать страну. Однако, в действительности, вряд ли все было так просто. Политическая элита Китая отлично осознавала угрозу, исходившую от Британии, и прибегала к хитрым маневрам, чтобы избежать открытого конфликта и со-

хранить лицо в сложной политической игре, где расклад сил был не в пользу Поднебесной³⁴.

Таким образом, египтоцентристские и синоцентристские мир-империи являются своего рода алгоритмом оформления единой и цельной матричной цивилизации, ее апогеем, а также механизмом сопротивления военному и культурному натиску извне³⁵.

К *милитаристско-паразитирующему типу*, пожалуй, следует отнести Ассирийскую и Римскую державы, Спарту, Османскую империю, Империю испанских Габсбургов и целый ряд Евразийских кочевых империй. В этих державах большое развитие получили внешнеэксплуататорские отношения, иначе говоря, получение прибавочного продукта извне: данничество, контрибуция, коррупция, неэквивалентная торговля, разграбление и эксплуатация колоний, системное рабовладельческое производство и другие внешние субсидии. Характерная деталь: в милитаристских империях эпика строится не вокруг культурных героев, а вокруг лидеров-харизматиков, тех, кто добывали богатства, а не создавали их.

Вместе с тем, следует различать два типа милитаристско-паразитических мир-империй – цивилизованные и варварские. К цивилизованным относятся Ассирийская держава, империя Александра Великого, Римская и др. империи. К варварским исследователи относят преимущественно «кочевые» империи³⁶, существовавшие за счет своеобразного массового рэкета: данничества (выход), вымогания «подарков», похищения и продажи живого товара, в первую очередь детей, и открытых грабежей.

В милитаристско-паразитических мир-империях, будь то кочевые, «варварские», или оседлые, цивилизованные, ядро более развито в политическом и военном отношениях, в то время как периферия более развита

в социально-экономическом плане, и потому, поначалу богаче ядра. Но, со временем, паразитирующее за счет периферии ядро меняется. Так хаотично застроенный, пыльный и полунищий Рим времен республики, где дома патрициев не слишком отличались от лачуг плебеев, стремительно богатеет в эпоху принципата и превращается в Мировой город, поражающий своим величием, красотой и размахом.

Однако паразитирующие за счет ограбления провинций милитаристские империи, используя терминологию Ибн-Хальдуна, теряют свою *асабию*³⁷ и вступают в фазу обскурации, становясь уязвимыми для новых пассионариев. Будучи не в состоянии защитить себя от давления варваров, империи были вынуждены прибегать к испытанной стратегии: различными способами вовлекать в свою иерархию одних варваров, дабы они защищали границы империи от других. Как следствие, взаимоотношения между империей и варварами начинают строиться по принципу *quid pro quo*. Достаточно вспомнить взаимоотношения Хеттской империи с Хайасой, высокогорной страной, с суровым климатом и бедной почвой, искони населенной беспокойными племенами хайев-армян. По мере усиления Хайасского племенного союза и постепенной трансформации его в сильное и агрессивное государственное образование, которое вполне можно дефинировать как чифдом, хеттские цари Муршилис и Суппилулиумас были вынуждены откупаться

34 Мартынов 1979: 27-39; Мартынов 1981: 3-12.

35 Пиков 2010: 19.

36 Крадин 2000: 315.

37 Ибн-Хальдун, пожалуй, первым вывел закономерность о том, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, точно также, с периферии приходит и гибель цивилизации. Это, по Ибн-Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация потеряла креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации [Ибн Хальдун 1990]. О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: Сорокин 1992: 176; Бациева 1965: 117; Смирнов 2008: 159-186, 176; Mahdi 1957; Григорян 1960; Григорян 1966; Кирабаев 1987; Фролова 1995; Irwin 1997: 461-479.

от хайасских царьков-харизматиков Ании, Хукканаса и др. щедрыми «дарами» и выдавать за них своих дочерей. Аналогичным образом поступали римляне с местными вождями в Подунавье, в прирейнских землях и в Британии.

К *смешанному* типу империй следует отнести Ахеменидскую, Британскую и Российскую империи, США и ряд других. Все они в разной мере совмещают в себе характеристики самодостаточных и милитаристско-паразитирующих империй. Особое место среди мир-империй занимают *кочевые* или *бивуачные мир-империи*. Наиболее характерными примерами бродячих бивуачных империй, пожалуй, следует считать державу Александра Великого, империю Хунну времен шаньюя Модэ (Маодун)³⁸, варварскую империю Аттилы³⁹, кочевое государство исянь-бийцев времен Таньшихуайя (156–181)⁴⁰, каганаты VIII–X вв., Сельджукскую империю XI в., империю киданей времен Абаоцзи и его жены, неистойой Шаолюнъ (IX–X вв.), монгольскую империю Чингисхана. Мы не разделяем примененное А. Тойнби по отношению к подобному рода кочевым сообществам обозначение *кочевая цивилизация*, оно, пожалуй, не совсем точно отражает суть явлений, речь скорее должна идти именно о *кочевых мир-империях*, а в некоторых случаях об империях-армиях.

Кочевые империи во многом сходны со стационарными или, как их принято называть, *классическими*, а в некоторых случаях, *земледельческими империями*. Но кочевые мир-империи имеют свои особенности: в отличие от стационарных империй, подвижные импе-

рии не имеют мирового города. Такие сообщества, будь то кочевые империи или империи-армии, образуются вокруг харизматических личностей и живут по древнему закону: «Империя там, где ее император!». Другим важным условием существования таких империй является непрерывное движение, кинетика. С остановкой движения кочевые империи, также как империи-армии, перестают существовать либо трансформируются в стационарные империи, став частью древних мир-систем. Так, империя-армия Александра Великого, по сути, умерла вместе с ним. После его смерти, на обломках созданной им сверхдержавы возникло три империи, и все три стационарные. Это относится к таким эллинистическим державам, как Селевкидское царство, царство Птолемея и царство Антигонидов на Балканах. Аналогичную империю-армию, оторванную от метрополии и действующую автономно, создал и Ганнибал. Он практически не получал поддержки от Карфагена, ни материальной, ни человеческими ресурсами. Армия Ганнибала кормила себя сама и пополняла свои ряды за счет наемников и союзников, которых Ганнибал находил среди врагов Рима. Однако его империя, державшаяся исключительно на таланте и харизме великого полководца, перестала существовать еще до его смерти. Причиной стало его единственное поражение в битве у Замы. Лидеры-харизматики не имеют права на поражение. В отличие от армий стационарных империй, подобно Антею, после каждой неудачи черпающих силу из родной земли, солдаты армии-империи не имеют родины и силу получают из совсем других источников. Само же поражение Ганнибала было вызвано остановкой движения военных действий его армии на территории врага и возвратом в Карфаген.

Так же в жестокой борьбе с Римом пала *империя-флот* под командованием Секста Помпея. Возникшее в Киликии и Сицилии каперское государство почти столетие противостояло экспансии Рима в Средиземномор-

38 Maenchen-Helfen 1973; Кычанов 2004: 631.

39 Показательна в этом плане характеристика Н. Н. Крадиным империи Хунну: «На самом деле Хуннская империя была в сущности «племенной империей», в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему клановоплеменной генеологии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней» [Крадин 2002: 192].

40 Ishjamts 1994: 155-156; Watt 2004.

ском бассейне⁴¹. Сходная судьба была у создателя другой империи-армии – Джелал эд-Дина, ведущего, однако, войну с другой империей-армией, кочевой державой Чингисхана.

Вместе с тем, кочевые и стационарные империи всегда были взаимосвязаны, точно так же как были взаимообусловлены протекающие в них процессы. Трудно не согласиться с замечанием Крадина о взаимосвязи классических империй и номадов: «Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вожества; номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствовподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя»...

Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанцион-

ной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге»⁴².

Таким образом, паразитирующие империи не могут существовать без империи-доната, каковой на протяжении тысячелетий для большинства тюркских кочевых империй был Китай, точно так, как процветание хищных Средиземноморских государств древности в первом тысячелетии до Р.Х. было невозможно без ограбления предэллинистических и эллинистических государств Передней Азии.

Подведем итоги:

- Мир-системы и цивилизации могут жить самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве.
- Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой бытия, существование же мир-системы обусловлено прежде всего изменчивыми социально-экономическими факторами.
- На протяжении тысячелетий границы таких мир-систем, как индостанская, тибетская, синоцентристская, центрально-азиатская оставались практически неизменными.
- Между мир-системами существуют линии разлома, иногда четко очерченные, иногда же расплывчатые и подвижные. На этих линиях разлома происходят столкновения между мир-экономиками, но не между цивилизациями.
- В то же время, на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали

41 Подробнее об этом см.: Маргарян 2015: 5–91.

42 Крадин 2000: 319.

группы людей или целые этносы, обеспечивающие посредническую, медиационную роль между мир-экономиками и мир-империями.

- Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гипер-системы – мир-империи, среди которых выделяются три типа – самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный.

- Милитаристско-паразитирующие империи могут быть стационарными и кочевыми. На начальном этапе своего бытия кочевые или бивуачные империи – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще в несколько стационарных империй, как правило, тожемилитаристско-паразитирующих.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список источников

1. Ибн Халдун. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти (пер. Л. Е. Куббеля). / История Африки в древних и средневековых источниках. М.: Наука, 1990.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. II. Перевод С. П. Маркиша, обработка перевода для настоящего переиздания С. С. Аверинцева, примечания М. Л. Гаспарова. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Ответственный редактор С. С. Аверинцев. Москва: Наука, 1994.
3. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; Пер. с кит., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003. 558 с.

Список литературы

1. Bacon (1958). *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. N. Y.
2. Barfield (1981). *The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy* // *Journal of Asian Studies*. Vol. 41. №1: 45-61.
3. Barfield (1992). *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
4. Hall Th. D. (7/8/1996). «World-System and Evolution». *An Appraisal Department of Sociology & Anthropology DePauw University Greencastle, Journal of World-Systems Research*. Washington. Revised version of paper presented at the American Anthropological Association meeting, Nov. 16-19, 1995.
5. Huntington P. S. (1993). *The Clash of Civilizations?* — *Foreign Affairs*, Vol. 72, № 3, Summer, pp. 22-49. Перевод на русский язык подготовлен журналом «Полис» — № 1, 1994. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 20.01.2007. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
6. Irwin R. (1997). *Toynbee and Ibn Khaldun*. *Middle Eastern Studies*. Iss. 33.
7. Lattimore O. (1940). *Inner Asian Frontiers of China*. N. Y.-L.
8. Maenchen-Helfen O. (1973). *The World of the Huns*. Los Angeles and London.
9. Mahdi M. (1957). *Ibn Khaldun's philosophy of history*. - London: Allen & Unwin.
10. Margaryan E. H. (2016). Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics: «Re-orientation» or «orientalisation» of contemporary historiographical awareness. // International conference: «From Christianiserions and Islamisations to (Hétéro) Europeanisations: Transformation of cultural-historical heritage on the European margins»/ Bulgarian academy of sciencesinstitute for literature. Sofia 31 March – 2 April 2016.
11. Rostovtseff M. (1926-1927). *A history of the ancient world*. Vol. I—II / M. Rostovtseff. Oxford: Clarendon Press. - 2 Vol.

12. Rostovtseff M. (1938). *Dura-Europos and its art.* - Oxf.: Clarendon Press.
13. Rostovtseff M. (1926). *The social and economic history of the Roman Empire.* / M. Rostovtseff. Oxford: Clarendon Press, 1926. -XXV, 695 p. : ill.
14. Rostovtseff M. (1941). *The Social and Economic History of the Hellenistic World.* Vol. 1-3 / M. Rostovtseff. Oxford: Clarendon Press.-3 Vol.1..
15. Toynbee A. and Somervell (editor) (1947). *A Study of History*, (abridgement of volumes I-VI). New York and London: Oxford University Press.
16. Wallerstein I. (1975). «The Present State of the Debate on World Inequality». *World Inequality. Origins and Perspective of World Systems.* - Montreal.
17. Wallerstein I. (1979). «World-System Perspective on the Social Sciences». In: *The Capitalist World-System. Essays.* Cambridge etc., Paris.
18. Wallerstein I. (1991). *Rethinking social sciences: Nineteenth century paradigm limits.* Cambridge: Polity Press.
19. Watt, J. C.Y. (2004). *China: Dawn of a Golden Age, 200-750 AD.* Comp. An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, Su Bai, and Zhao Feng. New York: Metropolitan Museum of Art. Print.
20. Wilkinson D. O. (1994). *Civilizations are world systems!* // *Comparative Civilizations Review.* – № 30. P. 59-71.
21. Wilkinson D. O. (1995) *Central civilization // Civilizations and world systems; studying world historical change.* Altamira, Walnut Creek, California, USA. – 1995. P. 46-74.
22. Бациева С. М. (1965). Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука.
23. Бондаренко Д. М. (2006). Информационное поле неолита Ближнего Востока. *История и современность.* 2, с. 47–66.
24. Бродель Ф. (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. 2-е изд., вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева: в 3 тт. Т.3. М.: Весь мир.
25. Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга.
26. Григорян С. (1960). Великие мыслители стран Арабского Востока. М.: Знание.
27. Григорян С. (1966). Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука.
28. Гринин Л. Е. (2011). Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации.* Выпуск № 1 (7).
29. Гринин Л. Е.; Коротаев А. В. (2005). Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Институт востоковедения РАН. ЛИБРОКОМ/URSS, - 568 с.
30. Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Что такое Китай? Среднее государство в историческом мифе и реальной политике // *Восток*, 2012, № 3. С. 5-19. (Dmitriev S.V., Kuzmin S.L. 2012. What is China? The Middle State in historical myth and real policy)
31. Жюльен Ф. (2005) О «времени». Элементы философии «жить» / Пер. с франц. В. Г. Лысенко. М.: Прогресс-Традиция.
32. Ивин А. А. (2000). Философия истории. М.: Гардарики.
33. История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / Под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); Перевод с турецкого В. Б. Феоновой, под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература, 2006.
34. Карапетянц А. М. (2001). Китайская цивилизация как альтернатива средиземноморской // *Общественные науки и современность*, № 1.
35. Кирабаев И. (1987). Социальная философия мусульманского Востока. М.: УДН.
36. Китайская военная стратегия (2002). Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М.: Астрель; Издательство АСТ. - 432 с.

37. Колобов О. А., Шамин И. В. (2011). Базовые принципы китайской стратегической культуры осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, №1, с. 312-321.
38. Коротаев А. В. (2003). Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, - 283с.
39. Коротаев А. В. (2005). Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X—I тыс. до н. э.). *Исторические источники Евроазиатских и Северо-Африканских цивилизаций*. М.: Институт востоковедения РАН, с. 90-92.
40. Крадин Н. Н. (2000). Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос.
41. Крадин Н. Н. (2001-2002). Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, -312 с.
42. Кроль Ю. Л. (1973). О концепции «Китай-варварь». // Китай: общество и государство. М.: Наука, с. 13-29.
43. Кычанов Е. И. (2004). Властители Азии. М.: Восточная литература.
44. Лапина З. Г. (1985). Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, – 388 с.
45. Маргарян Е. Г. (2015). Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату. // Сборник научных статей международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ер.: Изд-во РАУ. С. 5 – 91.
46. Маргарян Е. Г. (2016а). Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории «переОРИЕНТация» или «ориентализация» исторического сознания? // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ. С. 173-194. — 400 с.
47. Маргарян Е. Г. (2016b) Поднебесная как мир-империя: особенности и сродство с другими мир-империями древности и нового времени. // Сборник научных статей. По материалам 2-й международной научно-практической конференции Конфуцианские чтения (26-27 апреля 2016 г.). РАУ. Ер.: Изд-во РАУ, с. 15-27.
48. Маргарян Е. Г. (2016с). «Деколониальный поворот» в современном историческом сознании. «Что там за поворотом?» // Сборник научных статей. По материалам 2-й японоведческой международной научно-практической конференции: «Ex Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму». / РАУ. Ер.: Изд-во РАУ, с. 5-13.
49. Мартынов А.С. (1979) Значение приезда послов в императорском Китае. — НАА. 1979. N1, с. 27-39.
50. Мартынов А. С. (1981). О различных подходах к проблеме взаимоотношения императорского Китая с внешним миром. — XII НКОГК. Ч. 1, с. 3-12.
51. Муравьев А. В. (2013). Сирийская цивилизация: история медиация. Полит.ру. 12 аперля (<http://archive.is/UqRBs>)
52. Муравьев А. В. (2016). Сирийская субцивилизация «моста». // КАТЕНОН. Аналитический центр Катехон. Геополитика и Традиция (<http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>).
53. Никифоров В. Н. Восток и всемирная История. М.: Наука. – 375 стр.
54. Пиков Г. Г. (2010). О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя». // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 9, вып. 1.
55. Решетов А. М. (1982). Этнографические и исторические параллели к объяснению истоков и характера дани у китайцев // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.
56. Ростовцев М. И. (1899). История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского Университета. СПб.
57. Ростовцев М. И. (1911). Римский колонат / М. И. Ростовцев // Современный мир. № 1, с. 260-280.

58. Ростовцев М. И. (2010). Караванные города / М. И. Ростовцев ; пер., науч. ред., предисл. К. А. Аветисян. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ ; Нестор-История -. 216 с. : илл.
59. Ростовцев М. И. (2000-2001) Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I—II / М. И. Ростовцев. СПб.: Наука. - 2 т.
60. Рыжов К. В. (2004). Все монархи мира. Мусульманский Восток VII–XV вв. М.: Вече, - 544 с.: илл.
61. Смирнов А. В. (2008). Ибн Халдун и его «новая наука». // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука.
62. Сорокин П. А. (1992). Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат.
63. Тойнби Арнольд Дж. (2001). Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф. - 640 с.
64. Флиер А. Я. (1993). Цивилизация и субцивилизации России // Общественные науки и современность. <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protssesse-legitimatsii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSfD>
65. Фролова Е. А. (1995). История средневековой арабо-исламской философии. М.: ИФРАН, - 175 с.
66. Чумаков А. Н. (2011). Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М.: Проспект.

Ս. Ս. ԱՎԵՏԻՍՅԱՆ

(Институт археологии и этнографии НАН РА)

МИР-СИСТЕМЫ, ГРАНИЦЫ И КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация

Статья посвящена основным положениям концепции мир – система, анализу понятий граница, рубеж, пограничная зона, фронтир, контактная зона. В статье с учетом преимуществ, предоставляемых применением в современных археологических исследованиях принципов мир – системных анализов, на конкретных данных обосновывается положение о формировании в результате аграрной революции «переднеазиатской мир – системы» на среднем этапе докерамического неолита (PPNB). Эта древнейшая мир – система распадается в первой половине VII тыс. до н.э., что послужило началом новых региональных исторических систем, в результате сращивания которых на историческую арену выступили мир – системы бронзового века.

Ключевые слова: Исторические системы, мир система, фронтир, граница, центр-полупериферия-периферия, глобализация, глокализация, коммуникационные сети, Передняя Азия, аграрная революция, докерамический неолит-PPN, «переднеазиатская мир система».

Abstract

The present article is dedicated to investigation of such main conceptions of World-system analysis as border, border-line, frontier, contact zone. Taking into account the privileges of World-system analysis in archaeological investigations, this contribution, through demonstration of concrete cases, argues the idea of formation of «Near Eastern World-system» during the mid phase of Pre-Pottery Neolithic (PPNB) as a result of Agricultural revolution. This oldest World-system was disintegrated during the first half of the 7th millennium BC with establishment of new historical systems of regional significance: the result of these developments was the appearance in historical arena of Bronze Age World-systems.

Keywords: Historical systems, World-system, frontier, border, core–semi-periphery–periphery, globalization, glocalization, communicative networks, the Near East, Agricultural revolution, Pre-Pottery Neolithic–PPN, “Near Eastern World-system».

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է Աշխարհ-համակարգային կոնցեպցիայի հիմնական դրույթների՝ սահման, բնագիծ, սահմանային գոտի, ֆրոնտիր, շփման գոտի հասկացությունների վերլուծությանը: Ժամանակակից հնագիտական ուսումնասիրություններում աշխարհ-համակարգային վերլուծությունների սկզբունքների կիրառման առավելությունները նկատի ունենալով, հոդվածում կոնկրետ տվյալներով հիմնավորվում է ագրարային հեղափոխության արդյունքում «առաջավորասիական աշխարհ-համակարգի» ձևավորման դրույթը՝ նախակերամիկական նեոլիթի միջին փուլում PPNB: Այս հնագույն աշխարհ համակարգը մ. թ. ա. VII հազարամյակի առաջին կեսում կազմալուծվում է սկիզբ դնելով ռեգիոնալ ընդգրկում ունեցող նոր պատմական համակարգերի, որոնց սերտանման արդյունքում պատմական ասպարեզ էին մտնելու բրոնզեդարյան աշխարհ-համակարգերը:

Բանալի բառեր՝ պարմական համակարգեր, աշխարհ համակարգ, ֆրոնտիր, սահման, միջուկ-կիսապերիֆերիա-պերիֆերիա, գլոբալացում, գլոկալացում, կոմունիկատիվ ցանցեր, Առաջավոր Ասիա, ագրարային հեղափոխություն, նախակերամիկական նեոլիթ՝ PPN, «առաջավորասիական աշխարհ համակարգ»:

**От «Мир-Системы» к «миросистемам»¹.
Некоторые аспекты мир-системного
анализа исторических систем**

Вторую половину XX века можно считать периодом беспрецедентного расширения исследовательского поля социальных и общественных наук, появления новых теорий. Поток новых теорий и междисциплинарных исследований привел к тому, что «собственностью» исторической науки стали концепции и понятия, выработанные в социологии, культурологии, политологии и лингвистике. Укоренение новых теоретических положений привело, в свою очередь, к новому пониманию и толкованию роли и значения всеобщих и региональных историй. Исторические исследования, опубликованные за последние два десятилетия, продемонстрировали, что тематическая направленность и пространственный охват исторической науки в корне изменились, выдвинув на первый план, с одной стороны, избавленные от евроцентрических подходов транснациональные (всеобщие, региональные) истории, с другой стороны, исследования, касающиеся взаимоотношений миросистем и локальных цивилизаций. В основу современной исторической науки, особенно в так называемую пространственную историю, заложены разработанные Ф. Броделем и И. Валлерстайном пространственно-временные модели изучения социального времени и его соотношение с социальным пространством². Для характеристики этой системы моделирования стержневая роль отводится таким понятиям, как «мир-экономика» и «Мир-Система». Согласно Ф. Броделю, мир-экономика – это самостоятельная и самодостаточная часть планеты, ставшая, благодаря внутренним связям и взаимообме-

ну, органическим единством³. Характерно, что, касаясь времени появления «мир-экономики», Ф. Бродель особо подчеркивает отличие своей точки зрения от валлерстайновской. Он убежден, что в средние века и даже в античную эпоху существовало одновременно несколько мир-экономик⁴.

Каждая мир-экономика (согласно Ф. Броделю, таковыми являются, например, Финикия, Карфаген, Римская империя, Китай, Индия, Османская империя и т. д.) характеризуется тремя основными признаками:

1. Она занимает определенную территорию, то есть, имеет границу, которая, хоть и медленно, но трансформируется. Граница мир-экономик находится там, где начинается другая экономика такого же типа – вдоль определенной линии, или, вернее, зоны, пересечение которой для обеих сторон с экономической точки зрения было выгодно в исключительных случаях.⁵ Как замечает Ф. Бродель, культура, как и экономика, может формировать пространство. Таким образом, культура тоже может создавать границы мир-экономик, выступая в качестве препятствия для экономического обмена⁶.
2. Имеет полюс – центр, который представлен сверхгородом, в прошлом – городом-государством, ныне – экономической столицей. Причем одна и та же мир-экономика в течение длительного периода времени может иметь два города-полюса, как, например, Рим и Александрия или Венеция и Генуя, Амстердам и Лондон. Однако, в конце концов, только один из них остается сверхгородом.
3. Каждая мир-экономика является системой с вертикальной и горизонталь-

1 Заглавными буквами, через дефис, представлен термин, предложенный И. Валлерстайном, а строчными буквами, без дефиса – термин, используемый сторонниками существования докапиталистических мир систем.

2 Бродель 1992; Валлерстайн 2006.

3 Бродель 1992: 14.

4 Бродель 1993: 88.

5 Бродель 1992: 18-19.

6 Бродель 1992: 60-62.

ной иерархией. Вертикальная социальная иерархия свойственна всем зонам мир-экономик, а горизонтальная – это пространственная (имеется в виду экономическое пространство) иерархия, выраженная тремя зонами – ядром, полупериферией и периферией. Процессы установления и восстановления постоянного доминирования ядра над полупериферией и периферией и лежат в основе существования Мир-Систем.⁷

В распространение этой концепции большой вклад внес И. Валлерстайн. Стержневой идеей анализа разработанной им «Мир-Системы» является то, что история рассматривается в контексте подъема и упадка исторических систем. Эти исторические системы отличаются относительной автономностью, временными и пространственными границами. И. Валлерстайн выделяет 3 типа мир-систем: мир-экономики, мир-империи, мини-системы. Согласно этой схеме, мини-системы – это локальные образования, имеющие небольшой территориальный охват, сравнительно короткий период существования, однородную культуру и систему управления. В интеграционных процессах преобладают традиции, кровные связи, реципрокность. После аграрных (неолитических) революций на арену выходят наиболее стабильные, по пространственно-временным параметрам, мир-империи и мир-экономики. Мир-экономики существуют вне политических, культурных, религиозных границ и характеризуются 3-мя основными признаками: а) занимают определенную географическую территорию; б) имеют так называемую экономическую столицу – центр; в) состоят из центра, полупериферии и периферии, границы которых могут трансформироваться. В интеграционных процессах системы преобладают экономические связи, рыночный обмен. Ядро данной системы состоит из не-

скольких государств, одно из которых обязательно имеет господствующее положение.

В разделении и неравномерном распределении труда очень большую роль играют политические образования. Одним из важных признаков системы является то, что прибыль распределяется в пользу центра. История последнего – это история борьбы за гегемонию. До 1500-х годов н.э. преобладающей формой исторических систем была мир-империя. Последняя, в зависимости от военно-политического потенциала, может иметь как этапы экспансии, поглощения мини-систем, слабых мир-экономик, так и их освобождения – этап упадка. Еще одной основной особенностью этой системы является взимание налогов со стороны военно-политического центра и редистрибуция. Согласно И. Валлерстайну, докапиталистические мир-экономики рано или поздно трансформируются в мир-империю, объединяясь под господством какого-либо государства. Единственным исключением является средневековая европейская мир-экономика, которая не превратилась в мир-империю, а в течение «долгого шестнадцатого века» (1450-1640 гг.) трансформировалась в современную Мир-Систему⁸.

Эти положения, с новыми обоснованиями и подходами, характерными для «теории зависимости», получили широкое признание также в области археологии. В 1980 г. на конференции «Взаимоотношения между Ближним Востоком и средиземноморской Европой в III – I тысячелетиях до н. э.» были представлены доклады, которые и объявили начало дискуссий по вопросам расширения временных границ, модификации принципов анализа «Мир-Системы»⁹. Как это, так и изданные последних лет показывают, что разработанные И. Валлерстайном в рамках концепции «Мир-Системного» анализа (Word-

7 Бродель 1993: 85-87.

8 Валлерстайн 1998; Валлерстайн 2000; Валлерстайн 2001; Валлерстайн 2006.

9 Rowlands, Larsen, Kristiansen 1987.

Sistem analysis) принципы, терминология и понятия широко используются в исторических и археологических исследованиях, однако толкуются по-разному. До сегодняшнего дня в научных дискурсах между сторонниками концепции очевидны разногласия, особенно по вопросам времени появления мир системы и возможности выделения одной или множества миросистем. Для исследователей общественных процессов доисторической и раннеисторической эпох, естественно, принципиальное значение имеют те теоретические разработки, которые в разных аспектах показывали, что можно выделить также докапиталистические мир системы, что исходная точка появления мир систем просматривается, начиная со времени неолитической революции и т.д.¹⁰ В частности, одни из основоположников этой концепции – А.Г.Франк и Б.Гилс выдвигают принципиально иные критерии для определения и анализа мир-систем. По вопросу о времени формирования современной Мир-Системы они, не принимая тезис И.Валлерстайна о «долгом шестнадцатом веке», считают, что она была сформирована более чем пять тысяч лет назад. Согласно авторам, ядром этой системы надо считать мировую экономику со свойственными ей торговыми связями. Движущей силой истории мировой системы является процесс накопления капитала. Схема центр – периферия является главным признаком этой системы. Смена господства и конкуренции служит ослаблению напряженности в мировой системе, а продолжительные этапы подъема и упадка экономических циклов подчеркивают экономический рост мировой системы. Как отмечают авторы, этот спор относительно истории мир системы – 500 или 5000 лет – по существу, спор противоположных точек зрения на описание истории мировой системы, спор о прерывности и непрерывности¹¹.

10 Hall, Kardulias, Chase-Dunn 2011.

11 Frank, Gills 2000: 3-4.

Если, по мнению И.Валлерстайна и его последователей, накопление капитала начинается с 1500 года, то Г.Франк и Б.Гилс утверждают, что оно было движущей силой исторических процессов с древнейших времен – в течение всей истории мировой системы.

Обращаясь к вопросу о том, какие структуры создают мир систему и какие признаки принадлежности к одной и той же мир системе можно выделить, авторы считают значимыми следующие критерии:

1. всесторонние и длительные связи;
2. стабильные или восстанавливающиеся политические связи определенных регионов или народов, включающие в себя процессы, происходящие по схеме центр – периферия – «хинтерланд»¹², господство/конкуренция;
3. общность экономических, политических, культурных циклов. Как отмечают авторы, определение географических границ синхронности этих циклов может стать основой для определения границ мир системы¹³.

По утверждению авторов, регулярная торговля в значительных объемах является достаточным основанием, для того чтобы говорить о «системе» или «мировой экономике», а также о «международном разделении труда», так как характер торговли оказывает непосредственное влияние на характер производства, и он является не только результатом региональной специализации, но и связан с системой, периодически перемещающей излишек. Вопрос в том, в какой степени были распространены эти разделения и сеть торговых связей. Согласно вышеизложенным критериям, начиная с третьего тысячелетия до н. э. они включали в себя Египет, Междуречье, Аравийский полуостров, Левант, Анатолию, Иран, долину Инда,

12 В значении примыкающая к уже завоеванной колонии территория, на которую претендует колониальная держава.

13 Frank, Gills 2000: 5.

Закавказье и некоторые районы Центральной Азии, расположенные к югу от горных хребтов, протянувшихся через Азию с востока на запад. К этой мир системе можно отнести также выделенные Е. Черныхом¹⁴ европейскую, евразийскую, кавказскую, центрально-азиатскую металлургические области – на территориях, расположенных к северу от этих горных хребтов. Исходя из сказанного, авторы выделяют единую, обширную мир систему, занимающую территорию Афро-Евразии, и утверждают, что она сформировалась в третьем тысячелетии до н. э. и существует по сей день.¹⁵ Важно также отметить, что, принимая во внимание циклический характер процессов накопления капитала, перемены местами «центра – периферии», гегемонии и конкуренции, возможно выделение подобных циклов также начиная с третьего тысячелетия до н. э.¹⁶

Обращаясь к вопросам описания мир системы, Д. Модельски видит отправную точку ее формирования на Ближнем Востоке, со времен неолитической революции¹⁷. Весьма близка к этим взглядам и версия Д. Уилкинсона о «Центральной цивилизации», содержащая попытку примирения Миросистемного и цивилизационного подходов. Согласно автору, она вначале включала в себя Древний Египет и Междуречье и с течением времени, благодаря присоединению все новых и новых цивилизаций, расширялась и, в конце концов, привела к формированию современной мир-системы¹⁸. В последние годы получают намного большее признание исследования Кристофера Чейз-Данна и Томаса Холла, касающиеся описания и анализа мир-систем¹⁹. Последние особо подчеркивают, что валлерстайновский мир-системный ана-

лиз – это не теория, а методология, парадигма анализа²⁰.

В частности, Т. Холл, обращаясь к мир-системным анализам, каждый раз напоминает о валлерстайновском требовании²¹ целостного подхода к исследованию мир-системы, о том, что социальные изменения включают в себя также политические, экономические, культурные изменения. То есть, мир-система представляет собой фундаментальную единицу анализов, в рамках которой должны анализироваться все остальные процессы и структуры. Это в свою очередь позволяет говорить, что в подобных анализах обязательно должно придаваться значение следующим вопросам: 1. Каким образом системные процессы формируют внутреннюю динамику и социальное устройство составных частей системы (государств, регионов, народов); 2. Как трансформации, происходящие внутри составных частей, перерастают в трансформацию системы. Иными словами, в основе мир-системных анализов лежит понимание динамичной диалектики локальности и глобальности²².

Одним из важных вкладов авторов мир-системных анализов надо считать то, что они для выделения мир-систем берут за основу «способ накопления», в отличие от «способа производства» И. Валлерстайна, и различают способы производства, основанные на: 1. реципрокатных, 2. даннических и 3. рыночных отношениях. По этим признакам выделяются три типа мир-систем, подразделяющихся на ряд вариантов и подтипов. Мир-системы, ос-

14 Chernykh 1993.

15 Frank, Gills 2000: 6.

16 Frank 1993; Frank, Gills 2000: 11; Frank, Thompson 2006.

17 Модельски 1998: 300-305; Modelski 2000.

18 Wilkinson 1994; Wilkinson 1995: 46-74.

19 Hall 1996. Чейз-Данн, Холл 2001.

20 Холл 2006.

21 И. Валлерстайн подчеркивает, что Мир-система как историческая система есть интегрированная сеть экономических, политических, культурных процессов. Если параметры одного из этих процессов трансформируются, то другие должны каким-либо образом откликаться на эту трансформацию. То есть, благодаря изучению каждого из них и фиксации наличия или отсутствия их взаимного влияния, можно выяснить, что остается за пределами данной системы. См. например: Wallerstein 1987.

22 Холл 2006: 444.

нованные на реципрокатных отношениях – это наиболее ранние, зародышевые формы, которые выходят на историческую арену с появлением ранних земледельческих обществ. Мир-системы, характеризующиеся данническими отношениями, представлены уже ранними государственными образованиями, первыми империями. Капиталистических мир-систем, характеризующихся рыночными отношениями, две: с XVII века имеющий европейский центр капиталистический мир и современная глобальная мир-система. Еще одним важным наблюдением авторов является то, что взаимная связь мир-систем – переход от одного уровня к следующему – происходит благодаря расширению коммуникативных сетей. К.Чейз-Данн и Т.Холл выделяют четыре подобные сети: взаимобмена товарами массового потребления, престижными товарами, военно-политического взаимовлияния, обмена информацией²³.

Обращаясь к основным выводам, предложенным последними, можно выделить следующие положения: 1. Мир системы появляются как минимум с самых ранних этапов неолитической революции (около 10000-12000 лет назад). 2. Структуры центр – периферия и особенно полупериферия являются основным локусом социальных трансформаций. 3. Мир системы расширяются и сужаются. По сути, с 3000-го года до н. э. вся история миросистем состоит из циклов подъема и упадка основных государств²⁴. Если попытаемся обобщить вышесказанное, то можно отметить, что подходы «Мирсистемных анализов» по своему характеру являются междисциплинарными, что дает возможность синтеза разных теорий и научных течений. Не случайно, что выдающиеся представители «теории зависимости» И.Валлерстайн, Г.Франк, Б.Гиллс и другие, эволюционисты К.Чейз-Данн, Т.Холл, авторы идеи циклич-

ной доминантности мировой силы Д.Модельски, У.Томсон, сторонник цивилизационной теории Д.Уилкинсон и другие своими трудами развили, обогатили и значительно расширили эту область исследований.

Исследования границ, контактных зон и пограничья через призму концепций мировых систем

Несмотря на разнообразие «мир-системных анализов», надо отметить, что даже в противоречащих друг другу точках зрения мир система представлена как: а) система, состоящая из центра, полупериферии и периферии, границы которых в процессе исторического развития трансформировались; б) одновременно существовали Мир-Системы разного типа и масштаба; в) мир-систему можно характеризовать определенными этапами формирования и распада; г) мир-система может быть полицентричной. Исходя из этих положений, мы можем еще раз подчеркнуть, что для описания мир-систем, развития «региональной истории» принципиальное значение имеют как исследования «периодизации истории» мир-систем, так и их изучение в контексте понятий «контактная зона», «пограничная зона», «граница», «фронт»²⁵. Видный представитель «философии жизни» Георг Зиммель был одним из первых, кто, обращаясь к понятию «граница», характеризует его как социологический феномен, отмечая, что граница – не пространственный факт с социологическими действиями, а социологический факт, который принимает пространственные формы²⁶. Пространственность и ментальность (членство) как основные факторы определения границы и сопредельности имеют принципиальное значение для мир-системных анализов, особенно для выделения или описания элементов схемы

23 Chase-Dunn, Hall 2000: 89-90.

24 Hall 2002: 37.

25 Hall 2002; Hall 2015. Parker 2006. Агаджанов 1997. Басалаева 2012. Цивилизационный выбор и Пограничье 2011. Пограничье культур – культуры Пограничья 2012.

26 Simmel 1908.

центр/ядро – полупериферия – периферия. Среди современных теоретических разработок, касающихся социально-культурных общностей, особенно часто упоминаются известные труды Ф. Тернера и К. Хаусхофера как основополагающие исследования теории фронтиров.

Еще в 1883 году Ф. Тернер, говоря о значении границы в американской истории, характеризует ее как фронт. Согласно Тернеру, фронт – это граница между освоенной и неосвоенной территорией, которая выступает как место встречи европейского колонизатора, местного населения и окружающей местности. Во время передвижения на запад колонизатор адаптировался к непривычной для себя природной и культурной среде. В результате этого многоаспектного процесса формируется новая культура: европейский колонизатор-англичанин «трансформируется» в американца²⁷. Развивая эту теорию фронтиров, Уолтер Прескотт Уэбб показал, что это не сугубо американский феномен, и что европейские цивилизации также взаимодействуют с неосвоенными территориями, и данное обстоятельство сыграло значимую роль в истории Европы²⁸. В этих исследованиях аргументированно было показано, что границы играли важную роль в процессах формирования исторических систем. Из исследований, касающихся границ, наибольший резонанс получили взгляды К. Хаусхофера. Он четко показал, что социально-культурное пространство формируется благодаря постоянному взаимовлиянию с физическим пространством. Принимая во внимания данное обстоятельство, Хаусхофер придает важное значение культурному/антропологическому аспекту, подчеркивая, что граница – это не просто линия, а зона, отличающаяся социальным взаимодействием²⁹. Среди сторонников мир-системного анализа получили широкое

распространение взгляды Фредерика Барта относительно этнической границы (так называемая «постбартовская теория этнической идентичности»). Согласно теории Барта, невозможно выделить так называемую объективную этническую группу даже по самому большому списку культурных атрибутов. Для выделения этнической группы важно выяснить, почему и как образуются этнические границы. Это означает, что этническая группа образуется благодаря и посредством этнической границы³⁰.

Схема центр-полупериферия-периферия, лежащая в основе мир-системного анализа, с точки зрения теории границ – лимнологии – сама по себе дает возможность изучения какой-либо конкретной границы в различных плоскостях пространственной таксономии – от глобального уровня до локального. В рамках исторических систем рассмотрение одной и той же границы на глобальном, региональном или локальном уровнях в свою очередь дает возможность через конкретные исследования или наблюдения выявить относительность понятий центр-периферия³¹. Как отмечает Т. Холл, одно из обязательных последствий перманентного расширения европейской мир системы – это вовлечение новых районов, народов в эту систему. Во время этого процесса создаются границы, пограничные зоны или фронтиры как между разными составными частями системы, так и с внешним миром. То же самое явление было присуще также докапиталистическим мир-системам. Исследователи, высказывающие разные, порой противоположные взгляды относительно мир-систем, по двум вопросам сходятся во мнениях. Все согласны, что межобщественные систематические отношения предшествуют этапу формирования современной мир-системы (1450-1640 гг.) и что все мир-системы имеют тенденцию к расширению и поглощению новых территорий.

27 Тернер 2009.

28 Webb 2003.

29 Хаусхофер 2001.

30 Барт 2006.

31 Колосов 2003.

То есть, в деле формирования, трансформации, развала или облитерации границ, пограничных зон и фронтиров роль мир-системных процессов столь же стара³². С точки зрения выявления характера и особенностей внутри-системных и межсистемных взаимоотношений докапиталистических исторических систем особенно важны принципы и подходы Т. Холла в классификации границ, в анализе факторов, влияющих на их формирование (контекст, временные и пространственные масштабы). В частности, он выделяет определенные группы границ, известных рядом типов:

- Фронтир, представленный 4-мя типами: буфер, барьер, внутренний или внешний фронтир.
- Экологическая среда, формирующая границы: степь, пахотные земли, холмы или долины.
- Разделенные границами условно обозначенные территории догосударственных образований (локальной группы, племени или вожества).
- Образования, вступающие во взаимоотношения друг с другом – негосударственные, даннические общества, даннические империи, капиталистические государства.
- Типы границ вовлеченных – локальные экономические или военные, экономики дальней связи, культурные.

Для описания каждой из перечисленных границ важно то, в каком контексте они выступают. В данном случае надо иметь в виду следующее:

- а) состояние миросистемы: ее расширение или сужение;
- б) их положение в миросистеме: нахождение в ядре МС, на полупериферии МС, на периферии МС;
- в) динамичность контекста МС: развивается, идет на спад, стабильна;
- г) цикличное положение МС по:

- Кондратьевским этапам а или б [около 50 лет],
- циклам подъема или упадка гегемонии [около 100 лет],
- подъемом или упадком «длинных волн» [около 200 лет],
- циклам подъема или упадка Ибн Хальдуна [около 300 лет],
- циклам «темных веков» [около 600 лет].

Даже при наличии множества исследований, обосновывающих вышеизложенные положения, надо учитывать, что выделение и подсчет этих факторов, влияющих на формирование и характер границ докапиталистических исторических систем – весьма сложная задача, требующая осторожности, так как факты крайне скудны. В то же время их игнорирование весьма ограничивает методологическую базу исследования исторических систем³³.

Сравнительный анализ литературы по этой проблеме показывает, что в различных исследованиях данный социально-культурный феномен толковался и толкуется следующими терминами-понятиями: граница-линия (border), «легитимная» граница-полоса (boundary)³⁴, граница-окраина (margin), «метафизическая» граница-предел (limit), «подвижная» граница-фронтир (frontier), «раздробленная» граница-периферия (periphery)³⁵. Мы особо подчеркиваем это обстоя-

33 Hall 2015: 25-47.

34 Граница-линия в географическом и политическом смысле традиционно понимается как физически измеряемая разделительная линия между государствами, земельными владениями и другими подобными явлениями. Понятие граница-полоса используется для обозначения разделительной границы как материальных, так и нематериальных объектов.

35 Для выделения подобных таксонов за основу принимались те признаки, опираясь на которые были описаны и выделены несколько видов границ. В частности, территории с подвижными границами, вовлеченные в сферу взаимоотношений «цивилизации» и «варварства», как правило, рассматриваются как фронтир (frontier). Классическое описание этого дал Фредерик Тернер. Более из-

32 Hall 2002: 35.

тельство, так как обществам, культурам, государственным образованиям было присуще именно это разнообразие «границ».

вестна формулировка Е. Ферниса «точка или момент встречи варварства и цивилизации». См.: Furniss: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.html. Параллельно с этим различаются сопредельности, характеризующиеся процессами смешения, взаимопроникновения, взаимовлияния культур разных типов. Как правило, они разграничивают культуры, «равнозначные» по уровню развития, потенциалу, ресурсам. Проникновение разных религиозных систем на новую территорию приводит к формированию религиозной сопредельности, фронтиров (frontier), характеризующихся процессами столкновения или скрещивания разных религий (установление абсолютного доминирования одной религии, ассимиляция одной религиозной системы в другой системе, укоренение повседневности, сформированной путем «смешения» двух разных традиций и т.д.). Сопредельность территорий, выделяющихся трансформацией образа жизни, традиций, обычаев в результате взаимоотношений двух или более этнических общностей, также оценивается как фронтир. Известны также многочисленные примеры пограничных и межграницных территорий, отличающихся по языковым признакам. Возникновение подобных фронтиров в основном обусловлено активными миграционными процессами, в результате межэтнических взаимоотношений распространением языков, исполняющих роль lingua franca. Распространение военного либо политического влияния той или иной системы на новых территориях приводит к формированию военно-политических границ военно-политических фронтиров, анклавов. Исторически известны регионы, принявшие новый образ жизни, новые стратегии жизнеобеспечения, обусловленные распространением новых технологических навыков. Эти регионы, по сути, выступают в качестве фронтиров. Здесь важно иметь в виду, что подобные трансформации происходят различными по своей длительности циклами. Характерным примером «длинного цикла» является панорама перехода от потребляющего образа жизни к производительному, распространения неолитической революции. Различают также информационный, ценностный фронтир. Для анализа исторических систем на глобальном, региональном и локальном уровнях ценны положения К. Чейз-Данна и Т. Холла о границах, основанных на мирсистемных сетевых связях: сети, обусловленные циркуляцией товаров массового потребления (bulk good networks – BGN); сети, обусловленные циркуляцией престижных товаров (prestige good networks – PGN); сети, обусловленные военно-политическими контактами (political-military networks – PMN); информационные сети (information networks – IN). См. сн. 21.

Практически все мир-системы испытывают циклическую смену фаз политической централизации и децентрализации, принимавших в более ранние исторические эпохи формы образования и распада мировых империй.

Мирсистемы и цивилизации: синтез парадигм

Вопросы концептуализации и методологии Мир-Системных анализов до сих пор являются предметом бурных дискуссий. Характерно, что на начальном этапе публикации валлерстайновских Мир-Системных положений научный дискурс разворачивался преимущественно между сторонниками мир-системных подходов (Г. Франк, К. Чейз-Данн, Дж. Арриги, Т. Хопкинс и др.). Параллельно с распространением различных положений концепции с ее критикой выступали также представители других школ и направлений, особенно сторонники цивилизационных подходов³⁶. В ответ на эту критику, еще в 1990 году, И. Валлерстайн, обобщая первый этап Мир-Системных исследований, наметил также свою программу относительно важнейших вопросов на ближайшие 10-20 лет (второй этап). Согласно Валлерстайну, на основе дискуссий и обсуждений первого этапа можно выделить ряд положений, которые признаны всеми, без существенных возражений: 1. «мир-система» как главная единица социального анализа; 2. акцент на анализ в долгосрочной временной перспективе с целью раскрытия роли структур в функционировании системы, в процессах перехода к другой системе, исследование пространства «мира» и временных параметров его существования, комбинации пространства и форм времени в виде особой исторической системы; 3. характеристика современной мир-системы как капиталистического мира-экономики.). Как считает автор, одной из важнейших задач второго

36 Весь спектр критических анализов Мир-Системных положений с позиций цивилизационных подходов см.: Meiko 1994. Sanderson 1995.

этапа надо считать разработку концепции других, отличающихся от капиталистической, мир-систем. Здесь важную роль могут сыграть концепции, предложенные К. Чейз-Данном, Дж. Абу-Луходом и несколькими археологами. В случае применения указанных подходов можно ожидать три возможных результата. Во-первых, будет переосмыслено все то, что считалось современной мир-системой, во-вторых, будет переосмыслено то, что из себя представляет мир-система во временных и пространственных терминах, в-третьих, будет положено начало сравнительному анализу мир-систем, различающихся друг от друга по своему характеру³⁷. Исследования, вошедшие в оборот за последние годы, пожалуй, являются непосредственным откликом на эти наблюдения. В первую очередь бросается в глаза то обстоятельство, что с целью решения проблем глобализации и «глобальной истории» часто говорится о важности поиска линий примирения в цивилизационных и мир-системных подходах³⁸. С этой точки зрения заслуживает внимания положение Д. Уилкинсона о «Центральной цивилизации». Согласно выдвинутой автором версии, нынешняя мировая/планетарная цивилизация является современным проявлением «Центральной цивилизации», которая сформировалась на Ближнем Востоке около 1500 гг. до н. э., в результате слияния египетской цивилизации и цивилизации Междуречья. В процессе исторического развития она постоянно расширялась, поглощая другие цивилизации. «Центральной цивилизации» свойственно многообразие. «Центральная цивилизация» существует благодаря связям, сформированным между культурным, религиозным, экономическим, политическим, этническим многообразием. Этими связями характеризовались также мир-империи и мир-экономики (например, для

экономики «Центральной цивилизации» всегда было характерно совмещение рыночного и государственного управления). Эта система позволяет говорить, что основным параметром для выделения «Центральной цивилизации» служит не единообразие или схожесть, а взаимосвязь практических признаков отдельных элементов (например, такие виды взаимодействия, как торговля, культурные связи, создание политических союзов и т. д.), которая и позволяет отождествлять «Мир-Систему» и «Центральную цивилизацию»³⁹. Очень интересную версию синтеза цивилизационного и мир-системного подходов предложил Д. Бондаренко. Согласно его точке зрения, историю человечества следует рассматривать с позиций систематизированности – как закономерный процесс длительного и многовекторного межцивилизационного взаимодействия. Если принять такую концепцию, эти два подхода, дополняя друг друга, будут вместе освещать разные аспекты социальной эволюции⁴⁰. Весьма интересную концепцию синтеза цивилизационного и мир-системного подходов предложил Е. Маргарян. Замечания критиков мир-системного подхода относятся преимущественно к лежащим в его основе экономическому детерминизму, линейному толкованию мировых процессов, игнорированию роли культуры и религии как системообразующих факторов. Между тем для выделения или описания цивилизаций два последних фактора всегда считались стержневыми. Предложенная Е. Маргаряном исследовательская парадигма, особенно толкование соотношения цивилизации и мир-системы в рамках логики бифуркационного пространства, как нам кажется, содержит обоснованные принципы преодоления этих противоречий⁴¹.

37 Wallerstein 1990.

38 Globalization and Global History 2006; Цивилизации в глобализирующемся мире 2009.

39 Wilkinson 1994; Wilkinson 1995; Wilkinson 2000.

40 Бондаренко 2005.

41 См. статью «На стыке древних мир-систем: пролегомены» настоящего сборника. Стронником такого подхода являлся Ф. Бродель. Согласно ему, культура, подобно экономике, также высту-

У истоков Переднеазиатской миросистемы

Сегодня можно с уверенностью говорить, что принципы «исторических систем», и особенно, «миросистемного анализа» с 1990-х годов стали преобладать в исследованиях различных проблем мировой и региональной истории. Очевидно, что в этих условиях вместе с вопросами выделения определенных типов «миросистем» становятся крайне важными проблемы толкования зарождения, исторического развития «миросистемы» или «миросистем.» Следует отметить, что в первых же толкованиях понятия «историческая система», говоря о взаимоотношениях мир-империй и мир-экономик, И. Валлерстайн видел их зарождение в 10-м тысячелетии до н. э.⁴² Как мы уже отмечали, К. Чейз-Данн и

пает как организатор социального пространства. Обращаясь к взаимоотношениям культуры (цивилизации) и мир-экономики, он отмечает, что цивилизации связаны с мир-экономикой, могут совпадать, но не тождественны, что объясняется высокой степенью динамизма экономики по отношению к культуре. Как отмечает автор, цивилизация своим происхождением восходит к незапамятным временам и во много раз превосходит впечатляющее долгожительство мир-экономики. Она (цивилизация) – самый древний персонаж, старец мировой истории. Экономика, общества сменяли друг друга, рушились государственные институты, но цивилизация продолжала свой путь, иными словами – цивилизации лежат в основе мир-экономик.

42 В случае необходимости, мир-цивилизации и мир-экономики могли соединяться, а иногда «помогать» друг другу. Завоевание Нового света – лучшее тому доказательство. Другими примерами также можно проиллюстрировать, каким образом культурное единство внутри Европы способствовало обмену экономики и наоборот. Причины «прозрачности», способности к заимствованию средневековой Европы Макс Блок видит в культурной общности христианской Европы. Так, главное оружие рыночного капитализма Запада – вексель – еще в XVIII веке был в обращении исключительно в христианском мире, не переходя границы Исламского мира, Московской Руси или Дальнего Востока. Конечно, существовали генуэзские векселя в северной Африке или венецианские векселя в Леванте. Но их подписывали или гасили представители этих городов – итальянцы или какие-либо христианские купцы. Здесь мы имеем дело не с какими-то препятствиями технического свойства, а с культурными границами. Это

Т. Холл видят первые проявления системных связей начиная со времен укоренения натурийской культуры, не позднее, чем 12000 назад. Вслед за Д. Уилкинсоном, они также выделяют в юго-западной Азии так называемую «Центральную Систему», которая сформировалась в результате видимого с 1500-х годов до н. э. слияния египетской миросистемы и миросистемы Междуречья⁴³. Концепцию единой «афро-евро-азиатской миросистемы», сформировавшейся на ранних этапах неолитической революции, активнее всех поддерживают и развивают Л. Гринин и А. Коротаев⁴⁴.

Сегодня не вызывает сомнений положение о том, что самые ранние проявления формирования социального ландшафта видимы еще на начальных этапах неолитической революции. Результаты археологических раскопок, произведенных за последние десятилетия на ряде памятников юго-восточных районов Турции и северных районов Сирии (Халлан Чами, Демиркой, Чайонлу тепе, Кафер уюк, Чиназ, Невали Чори, Гёбекли тепе) кардинально изменили представления о неолити-

очевидно, так как за пределами Запада существовал плотный и продуктивный оборот векселей – между мусульманскими, армянскими, индийскими купцами. Жан-Батист Тавернье объясняет, как следует посредством взаимозаменяющихся векселей перемещать деньги из одного рынка в другой, двигаясь от любого рынка Индии до Леванта. Он был последним пропускным пунктом. Здесь соединялись мир-цивилизации и мир-экономики со своими границами и противодействиями.

В то же время, культуры и мир-экономики могли и не совпадать. Внутри любой мир-экономики культура и экономика могли быть абсолютно отделены друг от друга, часто противореча друг другу. Это отчетливо видно во время картографирования культурных и экономических зон. В XIII-XV веках Венеция и Генуя являлись центрами мир-экономики, однако городом, определявшим культурные черты Европы, задающим тон западной цивилизации, была Флоренция, положившая начало Возрождению. В XVII веке центром этой мир-экономики был Амстердам, но центрами нахлынувшего на всю Европу барокко были Рим и Мадрид (См.: Бродель 1992: 60-64).

Валлерстайн 1998: 199.

43 Chase-Dunn, Pasciuti, Alvarez, Hall 2003.

44 Гринин, Коротаев 2009.

зации Передней Азии, показав, что в X-VIII тысячелетиях эта территория, так называемый «Золотой треугольник»⁴⁵, со своей уникальной культурой была крупнейшим центром зарождения земледелия⁴⁶, откуда, по всей видимости, земледелие и связанные с ним другие культурные новшества, сформировавшиеся в процессе неолитической революции, распространились по соседним районам нагорья.

Неоднократно подчеркивалось, что, говоря о неолитической революции, прежде всего надо иметь в виду технологическую революцию, оказавшую огромное влияние на общественные процессы. При этом, в данном случае, говоря о технологиях, мы имеем в виду не столько технические приемы изготовления и использования орудий труда, сколько всю систему навыков, необходимых для становления земледелия, ремесел, жилищного строительства, металлургии и других областей, и их применения в системе жизнеобеспечения общества. Все это в свою очередь (в отличие от однородной социальной среды, характерной для потребительской системы жизнеобеспечения, не предполагающей общественного разделения труда) должно было стать основой для социальной дифференциации. В условиях производительной и воспроизводительной системы жизнеобеспечения, внутри каждого малого или большого общества закономерно должны были формироваться определенные социальные группы. Количество и характер последних были обусловлены особенностями преобладающих в производительной экономике областей. Данные расположенных в верхних течениях Евфрата и Тигра (в так называемом «золотом треугольнике») эппалеолитических/неолитических памятников не оставляют сомнений в том, что уже в IX-VIII тысячелетиях общества, населявшие эти территории, были представлены профессиональными группами земледельцев, скотоводов,

ремесленников, торговцев, «бюрократов», служителей культа. Вместо живущих в маленьких деревушках, имеющих элементарные средства существования, эгалитарных обществ раскопками Чайону тепе, Невали Чори, Гёбекли тепе раскрывается общество, имеющее сложный социальный состав и развитые культуру и экономику. Монументальные строения, украшенные барельефами и врезными изображениями, технологически сложные ремесла, интенсивные межрегиональные связи и торговля, металлургия – лучшее свидетельство сказанного⁴⁷.

Эта профессиональная дифференциация, в свою очередь, свидетельствует о внутренней специализации общества, что, безусловно, резко повышало эффективность взаимоотношений данного общества с окружающей природной и социальной средой. Притом, если профессиональные группы земледельцев, скотоводов, ремесленников были «вовлечены» в область взаимоотношений общества и природной среды, то группы торговцев, служителей культа и «бюрократов» были призваны регулировать как внутриобщественные отношения, так и отношения с соседними обществами. Очевидно также то, что вследствие общественного разделения труда, внутри вышеназванных социальных групп должны были сформироваться стереотипы, цели и средства противостоящего друг другу социального поведения (ср. комплекс несовместимости Каина и Абея). Таким образом, можем сказать, что «неолитическая революция», имевшая место в новом каменном веке, породила процессы, предопределившие общественное разделение труда, которые по своей внутренней сути были наделены способностью раздробления общества. В то же время, эта система жизнеобеспечения за сравнительно короткий исторический промежуток времени должна была привести к демографическому «взрыву» и беспреце-

45 Kozłowski, Aurenche 2005: 65-86.

46 Neolithic in Turkey 1999: 236.

47 Hauptmann 1999: 65-86; Kozłowski, Aurenche 2005. Maddin, Muhly, Stech 1999: 37-44, Ozdogan 1999:225-236; Ozdogan, Ozdogan 1999: 13-22.

дентному демографическому давлению на занимаемое обществом жизненное пространство, что в свою очередь должно было породить потребность в раздроблении-сегментации этого общества (лучшим свидетельством сказанного являются, несомненно, факты разделения оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого общества на этапах, последовавших за неолитической революцией, а также «начальной земледельческой колонизации»). Указанные обстоятельства дают возможность подчеркнуть, что совместная жизнедеятельность с разделением труда обязательно требует наличия объединяющих социально-интегрирующих внешних механизмов.

В данном случае под внешними механизмами мы понимаем непрямую – социальную и культурную коммуникативную сетевую систему. Систему, которая при производящей и воспроизводящей экономике неизбежно привела бы к формированию сетевых «узлов» – поселений разного типа, «церемониальных центров», жизненных пространств/ниш, занимающих определенную территорию (с символическими или имеющими определенные топологические признаки границами). Последние же, в свою очередь, должны были генерировать социально-интегрирующие функции новой сетевой системы, как аттракторы разнонаправленных процессов. Эта новая среда, обеспечивающая социальную интеграцию, в свою очередь, требовала строго определенной трансформации общественного устройства. В частности, гегемонистические /патриархальные механизмы перераспределения, сформировавшиеся в недрах присваивающей системы жизнеобеспечения, выступали с новыми функциями, становясь (действующим за рамками кровнородственных отношений) решающим фактором, обеспечивающим социальную интеграцию и социальный контроль над распределением и накоплением. Говоря о неолитизации Передней Азии, в первую очередь следует иметь в виду всю совокупность процессов формирования, бес-

прецедентного территориального расширения и фрагментации вышеописанной системы, что, в свою очередь, позволяет говорить о появлении исторических систем, а точнее – миросистем.

Относительно процессов и путей расширения географических границ вышеназванной системы, сформировавшейся на основе производящей экономики, по сей день бытуют различные точки зрения. Они толковались и толкуются как результат трансформаций жизненной среды, передвижений населения вследствие демографического давления из основных районов проживания на новые территории, как следствие разнообразных социально-культурных взаимовлияний между охотниками-собираателями и первыми земледельцами-скотоводами, в частности, аккумуляция групп охотников-собираателей, или распространение средств производства, технологических навыков в результате передвижений определенных групп земледельцев-скотоводов (*demic diffusion*)⁴⁸. Согласно принятой точке зрения, неолит Передней Азии включает три основных фазы: докерамический неолит А (PPNA – 10200 – 8800 гг. до н.э.), докерамический неолит В (PPNB – 8800–6400 гг. до н.э.), и развитый неолит (PN – 6400–5000 гг. до н.э.). В этой системе фаз масштабными проявлениями процессов неолитизации особенно выделяется фаза PPNB. Одни из наиболее известных исследователей неолита Передней Азии Офер Бар-Йозеф и Жак Ковен, исходя из динамики видимой культурной трансформации в PPNB, выдвинули положение о формировании ранне-неолитической панрегиональной системы. О. Бар-Йозеф выделил «левантийский коридор», включающий ряд неолитических культур, как своеобразную арену «взаимовлияния PPNB», для которой стали характерными архетипные верования, выраженные пиктографией женщины и быка, практики культурных

48 Burmeister 2000. Examining the Farming/language dispersal hypothesis 2002. Foraging and farming: The evolution of plant exploitation 2014.

заимствований, активные обменные сети и т. д.⁴⁹ В рамках PPNB так называемую «над-культуру» («supra-culture») выделяет Ж. Ковен. Согласно ему, эта над-культурная система имела исходную точку своего формирования – ядро, ряд характерных признаков которого (постройки с прямоугольным планом, технология ладьевидной обработки камня, женские статуэтки, зооморфическая пиктография и символика и т.д.) из зоны ядра распространяются на периферию и маргинальные зоны.⁵⁰ Другую точку зрения на формирование региональной системы, включающей ряд раннеолитических культур Передней Азии, выдвинули Стефан Козловский и Оливье Оранш. Сравнивая множество признаков, эти авторы видят на ранних (PPNA) и поздних (PPNB) фазах докерамического неолита сформировавшиеся независимо друг от друга, имеющие четкие границы культуры. Одновременно они выделяют на севере Плодородного полумесяца определенную, превосходящую южных и восточных соседей по своей культуре и динамике развития территорию, которую они назвали «золотым треугольником». Новейшие данные позволяют говорить, что здесь была окультурена пшеница и другие злаки, одомашнены некоторые виды животных. Здесь зародились постройки с прямоугольным планом, монументальная архитектура, иерархическое разделение поселений и т.д. То есть, выделяется зона – ядро одной большой системы. Маргинальные зоны этой системы картографируются в южном Леванте и северном и центральном Загросе.⁵¹

Попытаемся обобщить результаты исследований последних лет и обосновать наличие неолитической трансрегиональной «культуры». Со всей определенностью можно утверждать следующее:

- Укоренение в течение PPNB новых экономических и социальных стратегий в районах юго-западной Азии, за-

нимающих территорию более 1500000 кв. км (от Синая до Малой Азии, от Тавра до восточного Загроса и прилегающие области) знаменует становление полицентричной «Переднеазиатской миросистемы».

- Фиксация на этой территории сети неолитических поселений и агрегаций (так называемая «догородская урбанизация») – свидетельство резкого изменения демографической картины и беспрецедентного увеличения плотности населения, что и следует считать одной из важных предпосылок формирования переднеазиатской миросистемы.
- Наблюдения разных исследователей дают возможность выделить в пределах этой системы ядро, пограничную и маргинальную зоны. Видимые (зафиксированные) отношения между ними и предопределили жизнеспособность переднеазиатской миросистемы и динамику ее расширения.
- Одной из важных особенностей процессов расширения переднеазиатской миросистемы, несомненно, является формирование границ как между системой и внешним миром (между занимающими разные жизненные ниши и имеющими разные традиции группами охотников-собирателей), так и внутри системы. В случае передвижений земледельцев-скотоводов (demic diffusion) мы можем говорить о формировании мобильных фронтов. В случае длительных взаимоотношений между живущими по соседству общностями земледельцев-скотоводов или между земледельцами-скотоводами и охотниками-собирателями – можем говорить о формировании сравнительно стабильных границ или пограничных зон.
- Интересную панораму разграничения обществ с различными стратегиями жизнеобеспечения (оседлые и мобильные собиратели, мобильные охотники-

49 Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1989.

50 Cauvin 1994.

51 Kozlowski, Aurenche 2005.

собиратели, культиваторы-охотники, скотоводы-охотники) и сформировавшейся на севере Плодородного полумесяца зоны ядра – территории, занимаемой земледельцами-скотоводами, и их взаимоотношений, а также модели центр – периферия начертал в свое время О. Бар-Йозеф⁵².

- Начиная с ранней фазы PPNB в рамках неолитического культурного «койне» Передней Азии о региональных контактах и взаимосвязях за пределами границ свидетельствует фиксация циркуляции и последовательного распространения массовых и престижных товаров.
- Фиксация по генетическим данным передвижения земледельцев-скотоводов из начальных ареалов проживания на новые территории (demic diffusion) свидетельствует о наличии «политических» связей и взаимовлияния между разными регионами этой системы.
- «Пакетная передача» производящей экономики и связанных с ней новшеств во все новые районы – классические примеры передачи информации, формирования коммуникативных сетей.
- Пространственная экспансия⁵³ системы жизнеобеспечения, с характерной производящей экономикой и новыми социально-интегрирующими механизмами, а также регионализация⁵⁴ процессов неолитизации позволяют

характеризовать процесс формирования и существования переднеазиатской миросистемы как совокупность процессов глобализации и глокализации. В частности, мы имеем в виду то, что одной из особенностей глобализации является обязательная дифференциация этих процессов, которая на локальном уровне выражается в разнообразных проявлениях. Видимая концентрация глобальных тенденций с распространением неолитического «пакета» инноваций в каком-либо конкретном регионе, естественно, должна была придать новые оттенки этим тенденциям, делая их глокальными⁵⁵.

- Имеется множество данных, позволяющих говорить о циклических проявлениях происходящих внутри неолитической миросистемы явлений, имеющих глобальный охват (в частности, формирование – распад региональных культур, ядра и маргинальных зон, централизация или децентрализация определенных явлений). Как правило, подобные трансформации объясняются или толкуются как следствие глобальных климатических изменений. Не оспаривая роль климатических изменений, мы считаем, что они могут и должны толковаться как предпосылка, которая, соединившись со множеством других, мотивированных социальными процессами факторов, привела бы к циклическим проявлениям глобальных изменений⁵⁶.

52 Bar-Yosef 2002; Bar-Yosef 2016.

53 Имеется в виду распространение как в разные регионы Плодородного полумесяца, так и в находящиеся за его пределами Малую Азию, районы так называемого Внешнего плодородного полумесяца, в направлении Кипра, Балкан, Северной Африки, производства и воспроизводства продуктов питания, неоспоримые факты наличия первичных и вторичных очагов доместикиции и связанные с ними «пакетные» проявления социально-культурных инноваций.

54 Об усилении внутренней интеграции в перечисленных регионах свидетельствует наличие имеющих четкие границы ощутимо отличающихся друг от друга культур.

55 О связанных с этим различных подходах в научной литературе см.: *Supra-Regional Concepts II* 2004. Peltenburg, Colledge, Croft, Jackson, McCartney & Murray 2000. Peltenburg, Colledge, Croft, Jackson, McCartney & Murray 2001. Shirai 2006. Fuller 2006. Asouti 2006. Gebel 2005. Belfer-Cohen, Goring-Morris 2014. Bar-Yosef 2014. Brown, Jones, Powell & Allaby 2009. Fletcher, Apkarian, Hanneman, Inoue, Lawrence, & Chase-Dunn, 2011. Thomas 2015. Clemens 2014. Banning 2011. Jared and Bellwood 2003.

56 О сопоставлении C₁₄ данных неолитических памятников, выделении определенных фаз и синхронизации неолитических культур см.: Aurenche, Galet, Régagnon-Caroline & Évin 2001.

- Вышеназванные процессы глокализации, в конце концов, привели к тому, что в период с конца VIII тыс. до н.э. до первой половины VII тыс. до н.э. (в так называемой фазе FPPNB/PPNC –

6900–6400 гг. до н.э.) переднеазиатская миросистема, кажется, распадается, и формируется новая региональная система.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агаджанов С.Г. (1997). Контактные зоны Восточной Европы: узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995-1996 гг. / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. Москва, ИРИ РАН, 5-36.
2. Барт Ф. (2006). Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Москва, Новое издательство, 200с.
3. Басалаева И. П. (2012). Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, (21), 20-28.
4. Бондаренко Д. М. (2005). Мир-системный и цивилизационный подходы: противоположность или взаимодополнительность? //История и синергетика: методология исследования. Москва, КомКнига, 7-16.
5. Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. Москва: Пригросс. 680 с.
6. Бродель Ф. (1993). Динамика капитализма. Смоленск, Полиграмма, 128 с.
7. Валлерстайн И. (1998). Исторические системы как сложные системы // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. 409(98), 198-203.
8. Валлерстайн И. (2000). Миросистемный анализ //Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, Издательство Сибирский хронограф, (1), 105-123.
9. Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга. 416 с.
10. Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: введение, Москва, Территория будущего, 248 с.
11. Гринин Л. Е. Коротаев А. В. (2009). Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. Москва, Книжный Дом «ЛИБРОКОМ», 568 с.
12. Колосов В. (2003). Теоретическая лимология: новые подходы [Электронный ресурс] /Колосов В.А // Международные процессы, 3. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>
13. Модельски, Д. (1998). Эволюционный подход к миросистемной истории: проблема периодизации. Время мира. Новосибирск, (1), 300-305.
14. Пограничье культур – культуры Пограничья (2012) // Debaty Artes Liberales, VI, Warszawa, 312 с.
15. Тернер Ф. Дж. (2009). Фронт в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. Москва, Весь Мир, 304 с.
16. Хаусхофер К. (2001). О геополитике: Работы разных лет. Москва, Мысль, 426 с.
17. Холл Т. Д. (2006). Монголы в мир-системной истории, Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, изд Учитель, 442-467.
18. Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта (2009). / По материалам научной конференции. Отв. ред. В.Г. Хорос. Москва, ИМЭМО РАН, 162 с.
19. Цивилизационный выбор и Пограничье (2011) //Debaty IBI AL, IV, Warszawa, 354 с.
20. Чейз-Данн К., Холл Т. (2001). Две, три, много миросистем. //Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций (2), Структуры истории / науч. ред. Н. С. Розов. Новосибирск, НГУ, 424–448.
21. Asouti E. (2006). Beyond the pre-pottery Neolithic B interaction sphere //Journal of World prehistory, 20(2-4), 87-126.

22. Aurenche, O., Galet, P., Régagnon-Caroline, E., & Évin, J. (2001). Proto-neolithic and Neolithic Cultures In the Middle East—the Birth Of Agriculture, Livestock Raising, and Ceramics, Near East Chronology: Archaeology and Environment.// *RADIOCARBON*, 43(3), 1191–1202.
23. Banning, Edward B. (2011). «So fair a house» // *Current Anthropology*, 52(5), 619-660.
24. Bar-Yosef O., & Belfer-Cohen A. (1989). The Levantine “PPNB” interaction sphere // Hershkovitz (Ed.), *People and culture in change: Proceedings of the second symposium on Upper Paleolithic, Mesolithic and Neolithic populations of Europe and the Mediterranean Basin*. BAR International Series, 508, Oxford, Archaeopress, 59–72.
25. Bar-Yosef, O. (2002). The Natufian culture and the Early Neolithic: Social and economic trends in Southwest Asia // P. Bellwood & C. Renfrew (Eds.), *Examining the farming/language dispersal hypothesis*. Cambridge, McDonald Institute for Archaeological Research, 113–126.
26. Bar-Yosef, O. (2014). The homelands of the Cyprus colonizers: selected comments // *Eurasian Prehistory* 10(1-2), 67-82.
27. Bar-Yosef, O. (2016). Farming, Herding, and the Transformation of Human Landscapes in Southwestern Asia // Bruno D., Julian Th. (Eds.), *Handbook of Landscape Archaeology*, Routledge, 315-327.
28. Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. (2014). North and South–Variable Trajectories of the Neolithic in the Levant // *Settlement, Survey and Stone: Essays on Near Eastern Prehistory in Honour of G. Rollefson*, 61-71.
29. Brown, T. A. Jones, M. K., Powell, W., & Allaby, R. G. (2009). The complex origins of domesticated crops in the Fertile Crescent// *Trends in Ecology & Evolution*, 24(2), 103-109.
30. Burmeister S. (2000). Archaeology and migration. Approaches to an archaeological proof of migration // *Current Anthropology*, 41(4), 539–567.
31. Cauvin J. (1994). Naissance des divinités, naissance de l’agriculture: La Révolution des symboles au Néolithique, Broché, 304 p.
32. Clemens, L. (2014). «Temples’ in the Neolithic and copper age in Southeast Europe?» // *Documenta Praehistorica*, XLI, 119-136.
33. Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. (2000). Comparing World-Systems to explain social evolution // *World–Sistem history: the social science of long-term change*. Robert Denemark et al, Eds. New York, Routledge, 85-115.
34. Chase-Dunn Ch., Pasciuti D., Alvarez A. Hall Th. (2003). The Ancient Mesopotamian and Egyptian World-Systems // *Papers Irows*. 14, <http://clionotas.Com/lecturas/antigua/mesopotamia/MesopoyEgip.pdf>.
35. Chernykh E.N. (1992). *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age (New Studies in Archaeology)*. Cambridge University Press, 335 p.
36. *Examining the Farming/language dispersal hypothesis (2002)*. Edited by Bellwood P. & Renfrew C. McDonald Institute Monographs, Cambridge, 505 p.
37. Fletcher, J. B., Apkarian, J., Hanneman, R. A., Inoue, H., Lawrence, K., & Chase-Dunn, C. (2011). // *Demographic Regulators in Small-Scale World-Systems. Structure and Dynamics*, 5(1), 1-31.
38. *Foraging and farming: The evolution of plant exploitation (2014)*. Edited by Harris D. & Hillman G., Routledge, 766 p.
39. Frank A.G. (1993). Bronze Age world system cycles // *Current Anthropology*, 34(4), 383-405.
40. Frank, A. G., & Gills, B. K. (2000). The five thousand year world system in theory and praxis // *World-System History: the Social Science of Long-Term Change*. Robert Denemark et al, Eds. New York: Routledge, 3-23.
41. Frank A. G., Thompson W. R. (2006). Early Iron Age economic expansion and contraction revisited // *Globalization and Global History*, 139-162.
42. Fuller D. Q. (2006). Agricultural origins and frontiers in South Asia: a working synthesis // *Journal of World Prehistory*, 20(1), 1-86.
43. Furniss E. (2006). *Imaging the Frontier: Comparative Perspective from Canada and Australia* [Electronic resource]. URL: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.html.
44. Gebel, Hans Georg K. (2005). Territoriality in early Near Eastern sedentism. // *Ideas*, 2006 (2008). 1-30.
45. *Globalization and Global History (2006)*. Edited by Barry K.Gills and William R.Thompson. London, 302 p.
46. Hall Th. D. (1996). World-System-and Evolution: An Appraisal // *Journal of World-Systems Research*, 2, (1), 201-238.

47. Hall Th. D. (2002). *World-Systems, Frontiers, and Ethnogenesis: Borderlines in a Globalized World: New Perspectives in a Sociology of the World-System* (Social Indicators Research Series). Hardcover, 35-66.
48. Hall T. D. (2015). Puzzles in the comparative study of frontiers: Problems, some solutions, and methodological implications // *Journal of World-Systems Research*. 15(1) 25-47.
49. Hall, T. D., Kardulias, P. N., & Chase-Dunn, C. (2011). World-systems analysis and archaeology: continuing the dialogue. *Journal of Archaeological Research*, 19(3), 233-279.
50. Hauptmann. H. (1999). The Urfa Region // *Neolithic in Turkey*, 65-86.
51. Jared D. and Bellwood P. (2003). «Farmers and their languages: the first expansions» // *Science* 300(5619), 597-603.
52. Kozłowski S.K. Aurenche O. (2005), *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near east*, BAR International Series 1362, Oxford, 275 p.
53. Maddin R. Muhly J. D., Stech T. (1999). Early Metalworking at Çayonu, // *Beginnings of Metallurgy*, 37-44.
54. Meiko M. (1994). World Systems Theory: Faustian Delusion? // *Comparative Civilizations Review*, 30, 8-19.
55. Modelski G. (2000). World system evolution // *World System History: Social Science of Long Term Change*, Robert Denemark et al, Eds. New York: Routledge, 24-53.
56. *Neolithic in Turkey* (1999). Ed. M. Özdoğan and N. Başgelen, Istanbul, 440 p.
57. Özdoğan M. (1999). «Concluding remarks» // *Neolithic in Turkey*, 225-236.
58. Özdoğan M. Özdoğan A. (1999). Archaeological Evidence on the Early Metallurgy at Çayonu Tepesi // *Beginnings of Metallurgy*, Bochum, 13-22.
59. Parker B. J. (1 (2006). Toward an Understanding of Borderland Processes // *American Antiquity*, Vol. 71(1), 77-100.
60. Peltenburg, E., Colledge, S., Croft, P., Jackson, A., McCartney, C., & Murray, M. A. (2000). Agro-pastoralist colonization of Cyprus in the 10th millennium BP: initial assessments // *Antiquity* (74), 844-853.
61. Peltenburg, E., Colledge, S., Croft, P., Jackson, A., McCartney, C., & Murray, M.A. (2001). Neolithic dispersals from the Levantine corridor: a Mediterranean perspective // *Levant*, 33(1), 35-64.
62. Rowlands, M. J., Larsen, M., & Kristiansen, K. (1987). *Centre and periphery in the ancient world*. Cambridge University Press. 159 p.
63. Sanderson S.K. (1995). *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change* Rowman Altamira, 324 p.
64. Simmel G. (1908). *Soziologie Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* Duncker & Humblot, Berlin, 467 s.
65. Shirai N. (2006). Supra-regional concepts in Near Eastern Neolithisation from a viewpoint of Egyptian Neolithic research // *Paléorient*, 32(2) 7-21.
66. *Supra-Regional Concepts II. Towards New Frameworks: Supra-Regional Concepts in Near Eastern Neolithization* (2004) // *Neo-Lithics*, The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research, 12-63.
67. Thomas, A. (2015). Urbanization before cities: lessons for social theory from the evolution of cities // *Journal of World-Systems Research*, 18(2), 211-235.
68. Wallerstein I. (1987). Historical Systems as Complex Systems // *European Journal of Operational Research*, XXX (2), 203-207.
69. Wallerstein I. (1990). World-systems analysis: The second phase // *Review*. Binghamton, 13 (2), 287-293.
70. Webb W. P. (2003). *The Great Frontier*. University of Nevada Press, 433 p.
71. Wilkinson D. (1994). Civilizations are world systems! // *Comparative Civilizations Review* (30), 59-71.
72. Wilkinson D. (1995). *Central civilization* // *Civilizations and world systems: studying world historical change*. Altamira, Walnut Creek, California, USA, 46-74.
73. Wilkinson D. (2000). *Civilizations, world systems and hegemonies* // *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. Robert Denemark et al, Eds. New York, Routledge, 54-84.

А. В. КОСЯН

(Институт Востоковедения НАН РА)

ЕВФРАТСКО-ТИГРСКАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА В III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Аннотация

В статье предлагается обстоятельный обзор истории евфратско-тигрской контактной зоны Армянского нагорья в период III – первой половины I тыс. до н.э. Рассматривается ряд ключевых аспектов истории данной зоны – географическая среда, характер политических, экономических и культурных взаимоотношений.

Ключевые слова: *евфратско-тигрская контактная зона, западная зона, южная зона, интеграция, политическая экспансия, Армянское нагорье, Малая Азия, Месопотамия.*

Abstract

The Euphratian-Tigris contacting zone in the III – first half of the I mill. B.C.

The article offers a detailed history of the Euphratian-Tigris contacting zone in the III – first half of the I mill. B.C. Several key aspects of the history of this zone are discussed – geographical background, political, economic and cultural interrelations.

Keywords: *Euphratian-Tigris contacting zone, western zone, southern zone, integration, political expansion, Armenian Highland, Asia Minor, Mesopotamia.*

Ամփոփում

Եփրատ-տիգրիսյան կոնտակտային գոտին մ.թ.ա. III – I հազ. առաջին կեսին

Հոդվածում ներկայացվում է մ.թ.ա. III – I հազ. առաջին կեսի Եփրատ-տիգրիսյան կոնտակտային գոտու հանգամանակի պատմությունը: Քննարկվում են այս գոտու պատմության մի շարք առանցքային խնդիրներ՝ աշխարհագրական միջավայր, քաղաքական, տնտեսական և մշակութային:

Հիմնաբառեր. *Եփրատ-տիգրիսյան կոնտակտային գոտի, արևմտյան գոտի, հարավային գոտի, ինտեգրացիա, քաղաքական էքսպանսիա, Հայկական լեռնաշխարհ, Փոքր Ասիա, Միջագետք:*

Географическая дефиниция

«Контактным зонам» и их цивилизационной роли в последние годы посвящено значительное количество теоретических исследований¹. По сути, речь идет о территориях, где тесно соприкасаются и на разных уровнях взаимодействуют самые различные цивилизационные блоки. Такие перманентные контакты одновременно способствуют созданию той культурной среды, которая является базисом для образования новых цивилизационных качеств.

Именно в таких зонах нарождаются так называемые «дочерние цивилизации», которые, в свою очередь, по ходу своего дальнейшего развития, проникают и распространяются в глубь «варварской периферии»².

Ближний Восток – колыбель всемирной цивилизации, в силу своего рельефного и климатического многообразия создавал большое количество контактных зон, которые

1 Wallerstein 1974-1989; Algaze 1989; Parker 2006 и др.

2 Примеров тому огромное количество (севернопричерноморские греческие колонии, восточное побережье Пиренейского полуострова в римскую эпоху и пр.).

обеспечивали распространение цивилизации из ее первоначальных очагов в различные стороны. Среди таковых выделялась «евфратско-тигрская контактная зона», которая, по сути, частично совпадала с территорией «Благодатного полумесяца», известного по специальной археологической литературе³. Принимая во внимание исторические реалии изучаемой, а также более ранних эпох (V–IV тыс. до н.э.), она начиналась на севере примерно с излучины Евфрата (совр. Кемах-Малатия) и простиралась дальше на юг, вплоть до приграничных территорий между современной Турцией, Сирией и Ираком, далее на восток до приурмийского района. По сути своей, данная зона разграничивала с одной стороны Малую Азию, с другой – Месопотамию и Армянское нагорье (восточная Турция). Подобное разграничение евфратско-тигурской контактной зоны базируется не только на сведениях древнемесопотамских и малоазийских клинописных источников, но и на не менее важных археологических данных, свидетельствующих о наличии теснейших контактов, наблюдающихся, по крайней мере, с энеолита (между Месопотамией и территориями, располагающимися к северу от нее)⁴.

Данная зона, по сути, если не считать ее расширение дальше на восток в сторону Иранского нагорья, разграничивала с одной стороны сирийско-месопотамский регион и Малую Азию, с другой – юг и запад Армянского нагорья. Она выполняла более или менее перманентную цивилизационную роль в течение практически всей истории Передней Азии, и ее существование практически

не было обусловлено геополитическими сдвигами. Эта зона в какой-то степени сохраняет свою роль даже в настоящее время, о чем будет сказано в других разделах данной книги.

Цивилизационное явление, носящее название «контактная зона», подразумевает территорию, находящуюся на стыке двух и более политических, экономических и культурных сообществ, где последние постоянно контактируют на разных уровнях, и где в результате «столкновения» разных историко-культурных общностей вырастают новые цивилизационные ареалы (т.н. «дочерние цивилизации»). Общества контактных зон включают в себя характерные черты двух и более цивилизаций, которые со временем могут и, как правило, приводят к образованию новых качеств.

Уже давно было замечено, что, как правило, контактные зоны наиболее ярко прослеживаются именно в тех регионах, где с обеих сторон соприкасаются различающиеся по рельефно-климатическим, географическим и экономическим показателям ареалы. Например, неравномерное распределение ресурсов полезных ископаемых, наличие путей сообщения, количество и качество земельного фонда и степень производительности земледелия, возможности развития торговли и т.д. Территории, находящиеся вдоль путей сообщения между контактирующими зонами (например, перевалы, наиболее удобные места для переправы через крупные реки), таким образом, создают естественные «ворота», обеспечивающие эти самые контакты⁵. В Передней Азии одним из таковых является противопоставление аллювиальной равнинной Центральной и Южной Месопотамии, не располагающими сколько-нибудь значительными природными ресурсами, и Армянского

3 Этот термин введен в научный обиход Дж. Г. Брэдстедом еще в 1906 г.

4 О существовании разнообразных тесных контактов между Месопотамией и южной периферией Армянского нагорья имеется значительное количество археологических материалов, которые достаточно хорошо изучены (Matney, Roaf, MacGinnis, McDonald 2002; Matney et al. 2003; Parker 2003; Parker and Dodd 2005; Parker and Dodd 2006; Creekmore 2007 и др.).

5 Согласно терминологии А. Бурхардта, «вратные города» это те населенные пункты, которые развиваются в контактных зонах между двумя регионами, характеризующиеся абсолютно разными производительными характеристиками, вдоль торговых путей или поблизости от них (Burghardt 1971: 270 [ссылка по Kelly-Buccellati 1990: 126]).

нагорья (см. ниже в тексте раздел «Южная контактная зона»).

Несмотря на то, что вышеупомянутая дефиниция контактной зоны сформулирована в контексте международной транзитной торговли, однако ее можно рассматривать также в политическом и культурном аспекте.

Конечно, в целом контактная зона иногда может представлять собой крайне динамичную и неустойчивую структуру в результате воздействия географических, политических, экономических, демографических и культурных трансформаций⁶, однако в случае евфратско-тигрской зоны особенности окружающей среды превращают ее в постоянно действующий фактор. По этой причине представляется необходимым выделить некоторые особенности данной зоны, которые позволят проникнуть в суть исторических процессов, наблюдавшихся в исследуемую эпоху.

Первое – это соотношение тех регионов, которые засвидетельствованы источниками в течение исследуемого исторического отрезка. В рамках значительной части изучаемой эпохи (III–I тыс. до н.э.) с обеих сторон выступают не крупные и устойчивые политические объединения, а множество мелких единиц номового/племенного типа. То есть, в данном случае нецелесообразно подразумевать наличие процессов, характерных для модели центр – периферия. Так, на «армянской» стороне в период между III–I тыс. до н.э. на основании письменных и археологических источников выступает значительное количество родоплеменных образований, объединение которых в рамках одного государства стало возможным лишь в начале I тыс. до н.э. в результате экспансии Урарту, а позже – во II веке до н.э., при Великой Армении периода династии Арташесидов. То есть, в данном случае в контактной зоне на разных уровнях взаимоотношений соприкасались, с одной стороны, крупные централизованные госу-

дарства Месопотамии и Малой Азии с их развитыми государственными традициями, с другой – мелкие политические единицы, простирающиеся вдоль системы Армянского Тавра. Контакты этих единиц со своими соседями в значительной мере были обусловлены степенью заинтересованности последних в материальных ресурсах, находящихся в горных районах. Так можно охарактеризовать причины и динамику политических развитий в контактной зоне начиная еще с эпохи энеолита («убайдский» и «позднеурукский» периоды), которые, после значительного перерыва в несколько веков, имели свое продолжение в последней четверти III тыс. – первых двух веках следующего тысячелетия до н.э. (период государства Аккад и Ашшур).

Второе – это раздвоение контактной зоны к середине II тыс. до н.э. в результате образования в Центральной Малой Азии Хеттского государства и его экспансии во все стороны. Тем самым возникла новая геополитическая ситуация, которую можно охарактеризовать следующим образом. На юге наблюдается воздействие традиционных месопотамских культурных импульсов на местные общества, правда, в значительно меньших размерах по сравнению с предыдущим периодом⁷. На западе же, наоборот, налицо интенсивное расширение малоазийского культурного влияния, что подтверждается также материалами археологических исследований, проведенных в верхнеевфратской зоне⁸. Данная ситуация в евфратско-тигрской

7 Сокращение масштабов взаимоотношений между Месопотамией и обществами Армянского нагорья можно объяснить образованием на северо-западе Месопотамии и на севере современной Сирии в XVI в. до н.э. сильного государства Миттани и ее экспансионистской политики. Значительная часть южной контактной зоны и юго-запад Армянского нагорья в этот период подпали под власть Миттани. Лишь только с конца XIII в. до н.э. начали восстанавливаться традиционные контакты между Месопотамией и югом Армянского нагорья.

8 Hauptmann 1969/70 (на материалах раскопок Норшунтепе); Van Loon 1978: 28ff. (Коруджутеле); Yakar and Gursan-Salzman 1979: 34ff. и др.

6 Parker 2006: 77.

контактной зоне сохраняется в течение XVI–XIII вв. до н.э. и завершается в конце XIII–начале XII вв. до н.э. после распада Хеттской империи. В XII вв. до н.э. в контактной зоне произошли коренные изменения, обусловленные воздействием т.н. «переднеазиатского кризиса» на все регионы Передней Азии и Эгеиды.

Третье – это особая роль и место соседних с контактной зоной областей в системе общекультурного калейдоскопа Армянского нагорья. В течение всего исследуемого периода эти области выполняли самые различные роли на переднеазиатском цивилизационном пространстве – от маргинальности до активной политической и экономической. Речь идет о довольно широкой полосе, простиравшейся на востоке от западных прибрежных районов озера Ван на запад до реки Евфрат, а также от истоков и верхнего течения Евфрата на юг до приграничных с Северной Месопотамией областей. В основном данный регион включает в себя территории трех провинций исторической Армении – Тарон-Турберан, Цопк и Агдзник. В некоторых направлениях эта историко-культурная область имела расширения, как, например, на севере в сторону части Высокой Армении, в частности долина Ерзнка.

Четвертое – следует отметить полиэтничный, а также ясно вырисовывающийся многокультурный характер этой части Армянского нагорья в течение всех прошлых исторических эпох, что, впрочем, наблюдается и поныне. В древнейший период, судя по собственным именам, сохранившимся в клинописных месопотамских и хеттских текстах (личные имена, топонимы, теонимы), здесь можно предположить существование нескольких родственных и неродственных языковых групп.

Ниже мы представим рельефно-географические и климатические особенности, а также экономический потенциал евфратско-тигрской контактной зоны.

Запад контактной зоны

Эта часть контактной зоны располагается по обе стороны р. Евфрат. По морфологическим критериям территории к западу и востоку от реки в некоторых отношениях не идентичны.

К западу от реки простирается аллювиальная равнина ее притока Тохмасу (долина Малатьи), которая состоит из нескольких глубоко сидящих речных долин и с юга, востока и запада ограничивается горной системой Тавра. Долина Малатьи находится на перекрестке дорог, ведущих из Центральной Малой Азии и Киликии на восток к Евфрату, и оттуда в Месопотамию. Благодаря достаточным водным ресурсам, богатой почве и мягкому климату, этот регион с точки зрения земледельческого потенциала в настоящее время является одним из наиболее развитых районов Турции, как, впрочем, и в былые времена.

Дорога от равнины Малатьи к восточному берегу Евфрата проходит по переправе, находящейся вблизи современного города Кале, которая использовалась еще с ранней древности. Здесь, на территории древней Исувы, расположены две равнины – Харбердская и Алтынова (последняя ныне находится под водами искусственного водохранилища), между рекой Мурадсу (древнеарм. Арацани) и хребтом Элазыг.

Территория Исувы имела все предпосылки для развития экономики многочисленных населенных пунктов, что наблюдается в течение IV–II тыс. до н.э. Земли здесь плодородные, и недостатка в водных ресурсах нет, благодаря тому, что почва орошается водами обоих рукавов Евфрата (собственно Евфрата = совр. Карасу и Восточного Евфрата = совр. Мурадсу); земледелие было основным источником пропитания населения⁹. Однако

⁹ К примеру, долина Элазыга, простиравшаяся почти на 50 км в длину, весьма плодородна. Урожайность пшеницы здесь достигает почти 16-кратного размера (Brant 1836: 207). Еще лучшие условия просматриваются в долине Малатьи, где рельеф

земледелие не являлось единственным источником для обеспечения жизнедеятельности населения Исувы. Наряду с земледелием, богатые месторождения различных металлов¹⁰ – меди¹¹, железа¹², золота¹³ – создавали хорошие условия для развития ремесел. О достаточно высоком уровне развития ремесленного производства региона имеются многочисленные археологические данные, относящиеся еще к эпохе позднего энеолита¹⁴. Существование источников металлов, а также тесные торговые взаимоотношения с малоазийскими и месопотамскими соседями превращали Исуву в значительную политическую и экономическую единицу. Удобное положение на стыке торговых путей, тянувшихся с запада на восток и далее на юг, стало тем экономическим фактором, который выделял данный регион во все исторические эпохи, особенно, в древности и в средние века. Уместно отметить, что такая роль территории Исувы наблюдается не только в ранней древности, но и в эллинистический период.

Несмотря на то, что контактная зона находится в континентальной климатической зоне с преобладающим полусухим климатом, однако уровень ежегодных осадков достаточно высокий (500-600 мм.); он несколько сокращается в долине Малатьи (400 мм.), но к северу от Арацани достигает до 1000 мм.¹⁵.

А что же касается северного расширения восточной зоны, т.е. к долине Ерзнка, то с точки зрения экономического потенциала

более ровный, а климат мягче.

- 10 Карту месторождений металлов в Исуве и прилегающих областях см. Bobokhyan 2008. II: Karte 4.
- 11 Это рудники Эргани мадена, являющиеся, наряду с Синайским полуостровом и Кипром, богатейшими в Передней Азии.
- 12 Железные рудники, находящиеся в районе современных городов Дивриги и Хасанчелеби, которые и поныне разрабатываются.
- 13 Значительные залежи олова находятся в нескольких местах – в долине Малатьи, Кебане, Башкиле и Харберде (см.: Şerifoğlu 2007: 103).
- 14 Yakar 1984: 62-63.
- 15 Şerifoğlu 2007: 103.

она практически не отличается от равнин Малатьи и Харберда. Зимой здесь не слишком холодно, а летом достаточно тепло, но не жарко. У подножья гор, согласно записям Дж. Бранта, расположены обширные сады, где произрастают самые различные фруктовые деревья¹⁶. Урожайность пшеницы здесь достигает 12-кратного размера¹⁷.

Роль долины Ерзнка в системе западной контактной зоны заключалась не столько в экономическом потенциале, сколько в ее особом географическом положении. Посредством Эрзерумской долины, по истокам и верхнему течению Евфрата, через Ерзнка проходит основная дорога, ведущая из Южного Кавказа в Исуву и оттуда в Месопотамию и Сирию. Таким образом, долину Ерзнка можно считать северными воротами восточной контактной зоны, через которые в разные исторические эпохи, и особенно в ранней древности (IV–I тыс. до н.э.), проходили миграционные волны, направляющиеся из закавказского региона в сирийско-месопотамский и малоазийский культурный мир.

Юг контактной зоны

Южная контактная зона, находясь в непосредственной близости от центров первых цивилизаций Передней Азии, а порой частично совпадая с ними, сыграла важную роль в переднеазиатской истории еще с эпохи «неолитической революции». Сама эта зона является северной частью т.н. «Благодатного полумесяца», который одновременно служит естественным «мостом», ведущим из Иранского плоскогорья в Восточное Средиземноморье и Малую Азию. В разные исторические периоды именно по этой зоне проходили торговые и военно-стратегические дороги и переселения народов и племен. Обусловленные магистральным характером южной зо-

16 Brant 1836: 202.

17 Brant 1836: 202. Автор отмечает, что ни в одном районе Малой Азии он не наблюдал такой богатой растительности.

ны, здесь постоянно наблюдались многочисленные примеры стыковки носителей разных языковых групп – семитов (аккадцы, амореи, арамейцы), хурритов (двумя миграционными волнами), индоевропейцев (индоиранцы, армяне, скифы, киммерийцы) и пр. Частичное оседание некоторых из вышеупомянутых этнических групп в различных районах контактной зоны, которое засвидетельствовано письменными источниками, приводило к образованию смешанных, разноязычных государственных образований (например, Ашшур, Аррапха, Миттани и др.).

По рельефным и климатическим показателям южная зона не гомогенна. Северная окраина зоны представляет собой высокогорные, труднодоступные области, которые далее на юг постепенно переходят в холмистые районы, чтобы впоследствии перейти в сплошные равнины. К югу от Таврского хребта располагается серия равнинных областей, которые тянутся от Средиземноморского побережья до Загросских гор на востоке. По параметрам высоты над уровнем моря и ежегодных осадков здесь четко различаются три зоны. Наиболее высокая часть находится к северу, на южных подступах Таврского хребта, где уровень ежегодных осадков значительно выше.

Если провести условную линию от района современного Алеппо на юг, затем из Хассеке до Хабур и к югу от Мосула, то нетрудно предположить, что к северу от этой линии, благодаря относительно обильным осадкам, наличию иранско-туранской степной растительности, а также рекам с глубоко сидящими руслами, экономика данных областей должна была базироваться на развитом земледелии (в основном злаковые культуры), большей частью не требующем искусственного орошения¹⁸. К югу от указанной линии

18 Algaze 1993: 22f. Многочисленные письменные источники, начиная с эпохи царства Аккад, свидетельствуют об особой экономической роли этого региона для правителей Аккада, а затем и Среднеассирийского царства.

климат постепенно становится суше, одновременно наблюдается резкое сокращение количества населенных пунктов, что является результатом воздействия неблагоприятной экологической среды. Все население здесь сконцентрировано в зоне весенних паводков, где можно заниматься земледелием лишь посредством вырытия многочисленных колодцев. На севере и северо-востоке от Тигра находится транстигридская область. Здесь текут несколько рек с их притоками – Хабур и ряд притоков Тигра (Большой и Малый Забы, Адхайм и Дияла). Между этими реками располагается несколько высокогорных равнин (Джизре, Мосул, Эрбил, Дияла), откуда берут начало горные проходы, ведущие через Таврский хребет в глубь Армянского нагорья. В этих равнинах ежегодные осадки (300-500 мм.) в состоянии обеспечить потребности земледелия¹⁹.

К западу от транстигридской области, между реками Хабур и Балих расположена равнина Джазиры, которая разделяется на две части двумя горными хребтами, тянущимися с севера на юг – Караджадаг (древн. Тур Абдин) и Джебель Синджар. Непосредственно в контактной зоне находится Верхняя Джазира, где ежегодные осадки достигают 400-500 мм., благодаря чему основным занятием населения является земледелие.

Система дорог евфратско-тигурской контактной зоны

Взаимоотношения между обществами Армянского нагорья и ее южными и западными соседями осуществлялись посредством ряда сухопутных и водных дорог, разных по своему характеру.

На западе контактной зоны пути сообщения с Малой Азией довольно удобны в силу относительной идентичности ландшафта с обеих сторон. Главной магистралью, связывающей верхнеевфратскую долину с восточной Малой Азией и далее на запад, является

19 Weiss 1983: 39 ff.

переправа через Евфрат в районе Малатьи (см. выше). Она была известна еще в ранней древности и поныне остается таковой. Вдоль этой дороги еще с IV тыс. до н.э. были расположены многочисленные населенные пункты, которые «обслуживали» оживленную международную торговлю. Эта роль особенно ярко прослеживается в период существования торговых колоний Ашшура (XIX–XVIII вв. до н.э.).

Вторая дорога проходит к северу от первой. Она начинается близ Кемаха и по берегу реки Евфрат ведет к городу Акн (совр. Эгин), затем Арапкир и дальше к бассейну реки Галис (совр. Кызыл-ырмак). По своей значимости она уступает первой дороге, хотя в настоящее время по ней проходит железнодорожная магистраль.

На южном направлении существует сразу несколько путей сообщения, однако большая их часть проходит по горным перевалам, которые где-то с середины осени по март-апрель либо закрыты из-за снежного покрова, либо труднопроходимы.

Водная артерия по Евфрату неудобна в силу того, что течение реки стремительное, существует множество катарактов, к тому же берега крутые, что сильно затрудняет навигацию. По этой причине контакты с сирийско-месопотамским миром практически всецело осуществлялись посредством сухопутных дорог, проходящих к востоку от Евфрата²⁰. Первая и наиболее удобная дорога, т.н. «проход Эргани», начиналась из Харберда (совр. Элазыг) и следовала на юг. Она частично следовала течению Тигра, затем через Эргани доходила до Диярбакыра, после чего проходила вблизи Мардина до Северной Сирии. Несколько южнее Мардина она скрещивалась с дорогой, ведущей из Восточного Средиземноморья на восток, которая проходит вдоль совр. турецко-сирийской границы и ведет в долины Хабура и Балиха и дальше в сторону

приурмийских областей. Данная дорога представляла собой главную магистраль, связывающую Восточное Средиземноморье и Малую Азию с Иранским плоскогорьем, будучи частью «Царской дороги» ахеменидского периода, и указана на Певтингерской карте²¹.

Вторая дорога начиналась из города Битлис и шла на юго-запад к городу Сильван, после чего достигала Диярбакыра. Третья дорога – это т.н. проход Лидже Генч, который находится к югу от среднего течения Арацани. Существует также несколько других, второстепенных дорог локального значения.

Далее к востоку от вышеуказанных дорог существует лишь одна дорога, связывающая южные прибрежные области Ванского озера с бассейном реки Большой Заб и ее притоков и далее с Месопотамией. Эта чрезвычайно труднопроходимая дорога начинается с реки Хошаб и идет в сторону Башкале и Хаккяри (в прошлом Джуламерк). С юго-восточного побережья озера Урмия в сторону Северной Месопотамии существует ряд перевалов, однако они закрыты с ноября по апрель из-за снежного покрова.

На основании вышеприведенного обзора путей сообщения между Армянским нагорьем и его западными и южными соседями можно заключить следующее. Если на западе контакты могли иметь более постоянный и интенсивный характер, то на юге таковые в значительной степени затруднялись из-за рельефно-географических препятствий. Контакты между севером и югом, хотя и имели место в течение всего обозримого прошлого, однако вряд ли были постоянными, за исключением определенных исторических отрезков, характеризующихся интенсификацией противоречий между политическими образованиями юга Армянского нагорья и Месопотамии (войны с последующим расширением сфер влияния). В мирных условиях объем этих контактов был обусловлен степенью

20 О путях сообщения юго-западных областей с Месопотамией подробно см. Russell 1984: 173f.

21 Kelly-Buccellati 1990: 119f.

заинтересованности месопотамцев (возможность добывания сырья – в первую очередь металлов) и имел место лишь в некоторых областях Нагорья.

Политическая ситуация в контактной зоне в III-I тыс. до н.э.

В евфратско-тигурской контактной зоне письменные источники III–I тыс. до н.э. упоминают многочисленные политические объединения, которые в течение всей исследуемой эпохи играли определенную, порой даже существенную роль во взаимоотношениях трех крупных регионов Передней Азии – Месопотамии, Малой Азии и Армянского нагорья²². Несмотря на небольшие размеры, они отнюдь не всегда занимали маргинальные позиции в геополитике региона, что в значительной степени обуславливалось наличием на их территории месторождений различных металлов либо дорог, ведущих к источникам сырья. Крупные государства Передней Азии – Аккад, Ашшур, Хеттское царство, Ассирия, были вынуждены считаться с этим фактом и строить свою внешнюю политику в определенной степени с учетом их интересов, порой даже идти на уступки, с целью обеспечить поставки сырья и людских ресурсов в свои страны. По этой самой причине в течение всего исследуемого периода внешняя политика соседних государств в контактной зоне представляла собой комбинацию силовых и мирных методов. В результате этого большую часть истории взаимоотношений соседей с политическими образованиями контактной зоны можно охарактеризовать как состояние более или менее устойчивого баланса, когда обе стороны были заинтересованы в сохране-

нии взаимовыгодных торговых отношений. В эту модель не вписываются только кризисные периоды истории Передней Азии, когда в результате кардинального изменения экологических условий рушились экономические основы существующих государств, в первую очередь крупных, что заставляло идти на крайние меры для обеспечения поступления дополнительных ресурсов. В такие периоды взаимоотношения с контактной зоной принимали характер открытой конфронтации²³.

Следует отметить, что весьма часто инициаторами силового давления являлись не крупные государства, а сами страны контактной зоны, с целью добывания материальных ресурсов за счет своих более зажиточных соседей. Примеров тому множество как в южной, так и в западной зоне²⁴.

Ниже представим краткий перечень государственных образований западных и южных ареалов контактной зоны.

Западная зона

В этой зоне наиболее ранние упоминания в письменных источниках относятся к XIX–XVIII вв. до н.э. В клинописных табличках из Ашшура, представляющих собой коммерческую деятельность ашшурских торговцев в Малой Азии и Армянском нагорье²⁵, на территории Исувы и по соседству, перечисляется ряд племенных образований – Нихрия, Хахха, Дигишана и др.

Позже, уже при существовании Хеттского царства, малоазийские клинописные тексты упоминают в том же регионе множество племенных образований (об этом см. в

22 В настоящем исследовании затрагивается широкий круг вопросов по древней истории Месопотамии, Малой Азии, Армянского нагорья и сопредельных стран, которые достаточно хорошо отражены в разноязычной специальной литературе. В целях не загружать текст обширными сносками по общеизвестным событиям, будет представлен только ряд обобщающих трудов (САН; ИДМ; ИДВ; CANE; ИСАС; Kramer 1963; Salvini 1967; Арутюнян 1970; Hawkins 1982; Klengel et al. 1999; Bryce 2005).

23 Например, последняя четверть XIII в. до н.э., когда ассирийский царь Тукульти-Нинурта I организовал ряд опустошительных походов в сторону многочисленных стран в горных районах Тавра, или же конец XII – начало XI вв. до н.э. (походы Тиглатпаласара I).

24 Например, продвижение кутиев и других племен на юг в конце существования Аккада (конец XXIII в. до н.э.), захват части восточной Малой Азии Исувой и Хайасой в начале XIV в. до н.э.

25 О деятельности ашшурцев в указанных регионах см. Orlin 1970; Veenhof 1972.

следующем разделе), руководимых их вождями (в текстах «старейшины»). Количество таких «государств» достигает двух десятков – Хиндзута, Алатарме, Суллама, Ватарусна, Палисна, Таххиса, Паххува, Куммаха, Тиммия, Мальдия и др.²⁶ В результате интеграционных процессов еще при существовании Хеттской империи (в значительной степени при содействии хеттских царей) в середине XIII до н.э. объединением большей части вышеупомянутых «стран» образовалось дочернее государство Исува.

На стыке западной и южной зон, к югу от Исувы, ассирийские и хеттские источники упоминают царство Алзи, которое как по территории, так и по названию соответствует древнеармянской провинции Агдзник. Оно сыграло довольно значительную роль в регионе в XV–XIV вв. до н.э., в период до его завоевания хеттским царем Суппилулиумой I, незадолго до захвата им Миттани.

После распада Хеттского царства, по крайней мере, часть Исувы была включена в состав царства Мелид (Мальдия хеттских текстов), где правила одна из ветвей хеттской царской династии. Мелид был широко известен ассирийским текстам первой половины I тыс. до н.э. После непродолжительного ассирийского господства (712 г. до н.э. – начало VII в. до н.э.) Мелид вновь обрел независимость и в ассирийских источниках известен под названием Мелид или Табал. Отныне до эпохи мидийских завоеваний западная контактная зона находилась за пределами влияния как Ассирии, так и других соседних государств. Более того, во второй половине VII в. до н.э. это государство расширилось на западе, включив в себя район Кайсери (древн. Кесария).

Южная зона

На северных подступах к Месопотамии и частично на ее северных периферийных областях уже в III тыс. до н.э. сначала шумер-

ские, а затем и аккадские источники содержат первые сведения о многочисленных политических образованиях в областях Армянского Тавра. Эти районы, окаймляющие Месопотамию с севера и северо-востока, известны под собирательным названием Субир, Субур, Субарту, термин, значение которого пока еще неясно²⁷. Он сохранился и в дальнейшем в качестве ассирийского названия древнеармянской области Сасун (асс. Шубрия).

В месопотамской клинописной традиции широко применялись собирательные, неэтнические наименования областей по отношению к политическим объединениям, далеко отстоящим от центров цивилизаций, особенно находящимся в зоне высокогорных районов. В результате этого этнический характер таких областей практически невозможно установить, за исключением тех случаев, когда в текстах, повествующих о походах в такие регионы, не упоминаются личные имена или теонимы. Кроме Субарту обширные районы северной части южной контактной зоны также регулярно упоминаются под собирательными именами вплоть до падения Новоассирийской державы в 612 г. до н.э., а именно Гутиум и Луллубум (также Луллуме). Так, термин Гутиум применялся как по отношению к горным племенам, проживающим к северу и северо-востоку от Месопотамии в III тыс. до н.э., так и к киммерийцам, появившимся в Передней Азии в VIII–VII вв. до н.э.²⁸ А что же касается Луллубума, то давно уже было замечено, что этот термин внешне

27 Под этим термином старовавилонские тексты (XIX–XVI вв. до н.э.) обозначают огромную территорию, которая простирается от гор Аманос на западе до Загросских гор на востоке и отсюда на юг до Элама включительно (область Хузистан совр. Ирана). Однако иногда он употребляется конкретно по отношению к бассейну реки Верхний Хабур или району совр. Харрана (Gelb 1956: 387ff.).

28 Так, в одном тексте из Ниневии, датирующемся 640 г. до н.э., киммерийский вождь Тугдамме назван «царем Сака (скифов) и Гутиума» (Campbell-Thompson and Hutchinson 1933: lines 141ff., 158ff.); о термине Гутиум см. Edzard und Farber 1974: 71.

26 Большая часть этих «стран» упоминается в договоре-инструкции периода хеттского царя Арнувандаса I (см. в следующем разделе).

похож на Луллуму хеттских текстов и лелеги древнегреческих источников²⁹. Примечательно, что хетты и греки этими терминами обозначали независимое или полузависимое варварское население, проживающее на периферии их государств. В случае с Луллубумом можно предположить, что этим термином месопотамцы обозначали независимые племена, проживающие в высокогорных долинах Армянского Тавра и Загроса.

Относительно вышеперечисленных собирательных терминов следует отметить, что в данном случае, как и во многих других подобных в разных областях земного шара, мы имеем дело с расширением географического термина, изначально обозначавшего конкретную территорию³⁰. Такие географические названия, применявшиеся относительно юга Армянского нагорья, далеко не единичны в ассирийской клинописной традиции³¹. Следовательно, невозможно судить более или менее уверенно об этноязыковой принадлежности населения южной контактной зоны до тех пор, пока здесь не появляются этнонимы как таковые (частично с конца XIII в. до н.э.).

Применение собирательных названий по отношению к южной зоне следует объяснять не столько незнанием месопотамских писцов, сколько отсутствием более или менее крупных городов, за исключением западной части зоны, где находились развитые города бывшего Миттани (Таиду, Суру, Амасакку, Кахат, Набула, Ирриду и др.), с привычным для южан укладом жизни. Для месопотамцев северяне с их родоплеменным строем представляли собой конгломерат варварских племен. Примечательно, что в течение даже небольшого хронологического отрезка времени практически одна и та же территория могла

быть обозначена двумя разными терминами. Например, в северной части южной контактной зоны в середине XIII в. до н.э. ассирийский царь Салманасар I упоминает «8 стран Уруатри»³², а его сын Тукульти-Нинурта I – «страны Наири»³³.

Уже при существовании Новоассирийской державы в первой половине I тыс. до н.э. в части контактной зоны, от районов верхнего течения Тигра до верхнего бассейна Нижнего Заба ассирийские тексты упоминают ряд политических объединений, которые выполняли роль буферных государств между Ассирией и Урарту. Среди таковых видное место занимали Шубрия (древнеарм. Сасун), Кумме, Укку, Муцацир, Хубушкия и Хабхи (также собирательного характера)³⁴.

Западная контактная зона

Восточная часть верхнеевфратской долины и правобережная полоса Евфрата (район Малатьи, т.е. историческая область древней Армении Цопк = античн. Софена) играет исключительно важную роль в истории Армянского нагорья, особенно в древности. Являясь местом встречи трех важнейших культурных регионов Передней Азии (Месопотамия, Сирия, Малая Азия), и благодаря весьма удобному географическому положению и благоприятным климатическим условиям, она выгодно выделяется среди других областей Нагорья. Данный регион без преувеличения являлся ключевым, так как в древности он выполнял роль генератора культурных импульсов, идущих из запада и юга в глубь Армянского нагорья или же наоборот. Если даже отбросить данные письменных источников,

29 О значении этого термина и его вероятной этимологии см. Klengel 1966: 349ff.

30 Например, «Африка», первоначально применявшийся по отношению к территории Карфагена, или же Ливия древнегреческих источников.

31 К таковым относятся Уруатри-Урарту, Наири и другие.

32 Точная локализация Уруатри до сих пор неясна (см. RGTC V: 274f.).

33 Под этим собирательным названием ассирийцы подразумевали области преимущественно к югу от озера Ван (Singer 1985: 105ff.; Арутюнян 1985: 148сл.). Отметим также, что предполагаемая территория Уруатри, вероятнее всего, частично совпадала с Наири.

34 О роли этих государств в истории региона см. Radner 2012.

то лишь на основании археологических материалов можно заметить, что по многим параметрам материальная культура поселений верхнеевфратской долины в качественном и количественном отношении многократно опережает другие области Армянского нагорья.

В истории древней Армении провинция Цопк сыграла весьма важную роль, что объясняется ее географическим и экономическим потенциалом (об этом см. выше в первом разделе). На территории этой области в течение всего древнего периода существовали государственные образования в самых разных формах – от номового типа до централизованного царства. Правители эллинистического царства Софены, несмотря на зависимость от Селевкидского государства, все же сохраняли определенную самостоятельность. Именно здесь в начале II в. до н.э. было создано независимое от Селевкидов «западноармянское» царство во главе с Зарехом (Зариадрий античных источников), которое было завоевано веком позже царем Великой Армении Тиграном II. На территории Цопка и в близком соседстве находилась большая часть древнеармянских религиозно-культурных центров, а также сокровищницы армянских Аршакидов, что свидетельствует об особой роли данного региона в образовании армянской государственности и культуры.

Взаимоотношения западной части евфратско-тигрской контактной зоны и малоазийского ареала в древневосточную эпоху, до образования Ахеменидской империи четко разделяется на следующие периоды:

1. Период Среднехеттского царства – XV – первая половина XIV в. до н.э.
2. Период Новохеттского царства – середина XIV – конец XIII в. до н.э.
3. Послехеттский или лувийский период – XII–VIII вв. до н.э.
4. Контактная зона в контексте ассирийско-урартского соперничества – VIII–VII вв. до н.э.

Ниже в этом разделе будут представлены политическая ситуация и динамика ее развития в течение вышеприведенных периодов. Отметим также, что подавляющая часть письменных источников относится к трем политическим единицам данного региона – к Исуве, Мальдии, Хайасе и Куммахе. Сведения об Алзи-Агдзнике единичны, к тому же его взаимоотношения с малоазийским миром весьма эпизодичны; Алзи больше и интенсивнее был связан с сирийско-месопотамским регионом.

Период Среднехеттского царства

Из-за скудости письменных источников невозможно установить когда и при каких обстоятельствах западная контактная зона подпала под власть или, по крайней мере, политическую зависимость от образовавшегося в Центральной Малой Азии Хеттского царства. Согласно хеттским источникам, этот регион был завоеван хеттами в контексте восточного похода Тудхалияса II (вторая половина XV в. до н.э.)³⁵. Однако не исключено, что господство над Исувой хеттами могло быть достигнуто еще царем Древнехеттского царства Хаттусилисом I, более чем одним столетием раньше, во время его сирийских походов³⁶. В связи с этим примечательно присутствие четких следов малоазийского влияния в ряде поселений Исувы, датируемых древнехеттским периодом³⁷.

Тексты Тудхалияса II и его преемника Арнувандаса I свидетельствуют о том, что ко второй половине XV в. до н.э. верхнеевфратский регион, по крайней мере, временно оказался под властью хеттов.

35 О завоевании Исувы есть сведения в *Анналах Тудхалияса и его преемника Арнувандаса I* (Cağuba 1977: 158ff., 172) (Bruse 2005: 127f.); Здесь и далее будут цитироваться только обобщающие издания.

36 На такую вероятность указывает маршрут похода царя на юго-запад, содержащийся в его «Анналах» (Bruse 2005: 76ff.).

37 Например, поселение Имикушагы на восточном берегу Евфрата (Konyar 2006; Kosyan 2014: 280).

Еще до завоевания верхнеевфратского региона хеттами здесь существовали многочисленные племенные политические единицы, управляемые своими вождями (в хеттских текстах они названы термином «старейшина»). Данная ситуация четко зафиксирована в договоре Арнувандаса I со «странами» региона около 1400 г. до н.э.³⁸. Текст поименно упоминает около 15 «стран», в том числе Исуву, Мальдию, Цухму, Паххуву и др. Географический ареал договора включает в себя территории по обе стороны реки и даже области, расположенные довольно далеко от прибрежной полосы³⁹.

Взаимоотношения Империи с вышеупомянутыми «странами» регулировались с помощью вассальных договоров, согласно которым, последние обязывались оставаться лояльными по отношению к хеттскому царю и членам его семьи, поставлять ему вооруженные отряды в случае нужды, а также не имели права общаться с другими странами без ведома царя⁴⁰. Общее впечатление от пунктов этого договора позволяет предположить, что на данном историческом отрезке не приходится говорить о существовании более широкой интеграции. Власть хеттов был основана лишь на военном принуждении. Более того, в верхнеевфратских странах существовали враждебные, антихеттские настроения, вылившиеся в продолжительные восстания.⁴¹

Все же некоторые элементы интеграции

38 Этот текст лишь условно можно назвать договором, так как он ссылается на старый договор, заключенный между хеттским царем и «странами» верхнеевфратской долины и несоблюдение его пунктов одной из «стран» – Паххувой (издание текста и его интерпретация см. Kosyan 2006: 72ff.).

39 О локализации упомянутых топонимов см. Косян 2004а.

40 О вассальных договорах хеттских царей с завоеванными странами см. Косян 2016: 130сл.

41 Договор упоминает, по крайней мере, две такие «страны» – Паххува (вероятно, в районе горного массива Бюракн = ныне Бингель) и Архита (к востоку от Исувы).

уже налицо, что можно проследить по материалам договора, которые характерны для внешней политики Тудхалияса II и Арнувандаса I. Это – стремление создать социальную базу в завоеванных странах. Некоторые племенные вожди вовлекались на службу к хеттскому царю со своими вооруженными отрядами, что со временем обеспечивало им особый статус в своих «странах». Отныне они становились опорой Хеттской империи на местах⁴².

На наличие такой политики в западной контактной зоне указывают три хеттских текста. Первый – это текст, посвященный набору вооруженных отрядов для несения службы для хеттского царя⁴³, второй – упоминание воинов из Куммахи в числе охраны царского дворца в столице хеттов Хаттусасе⁴⁴. А третий – это наш договор, где упоминаются двое паххувских аристократов (Мита и Хассанас), которых хеттский царь отправил в Паххуву с целью усмирения восставшей страны. На то, что практика вовлечения, по крайней мере, части родовой аристократии на хеттскую службу успешно продолжалась и в последующие периоды, указывают события истории региона относительно Исувы (создание здесь дочернего царства, см. ниже).

Несмотря на все усилия среднехеттских царей, через некоторое время после вышеизложенных событий власть хеттов в верхнеевфратской долине подошла к концу. Судя по материалам текстов, составленных после Договора, в какой-то момент правления Арнувандаса I хетты потеряли контроль над Исувой и сопредельными областями. Более того, исувцы и ацийцы сами перешли в наступление и захватили часть Тегарамы и «Верх-

42 Эта модель «центр – периферия», «завоеватель – завоеванный» четко просматривается повсюду на востоке и на западе, практически во все исторические эпохи (Ассирия, Ахеменидская империя, Рим и др.).

43 Издание соответствующей части данного текста и его изучение см. Косян 2004в.

44 См. Косян 2002а: 228сл., 237сл.

ную страну» к западу от своей территории⁴⁵. Очевидно, с этими событиями связано переселение населения ряда областей Хеттского царства на восток в Исуву⁴⁶.

Период Новохеттского царства

Окончательное завоевание верхнеевфратской долины хеттами осуществилось во второй половине XIV в. до н.э., событие, которому последовала практически полная интеграция части региона с Хеттской империей (Исува и Куммаха). Этот процесс продолжался почти одно столетие, вплоть до конца существования хеттской государственности.

Второй этап завоевания долины Верхнего Евфрата хеттами начался в первой половине XIV в. до н.э. Сначала Тудхалияс III, а затем ее преемник Суппилулиумас I завоевали сначала Исуву и Хайасу, а затем и Алзи, после чего, одержав победу над Миттани, они подчинили себе всю Северную Сирию⁴⁷. С завоеванием севера Сирии в Передней Азии сложилась новая геополитическая ситуация. Вместо существовавшей четырехполюсной системы теперь уже образовалась трехполюсная (Хеттская империя, Ассирия и Египет). Весь запад и юго-запад контактной зоны были инкорпорированы в Хеттскую империю, тем самым вплотную приблизив хеттов к Северной Месопотамии. Эта ситуация временно дала трещины после смерти Суппилулиумаса и в первые годы правления его сына Мурсилиса II, в результате сепаратистских тенденций во многих завоеванных

хеттами периферийных областях, в том числе на востоке. В частности, воспользовавшись ослаблением Хеттской империи, около десяти лет Хайаса практически вышла из-под контроля хеттов.

В контексте восточных походов Мурсилиса II Исуды вообще не упоминается, что может быть истолковано как свидетельство о ее окончательном «усмирении» в предыдущий период. Исуды вновь появляется в хеттских текстах только в середине XIII в. до н.э., но уже как единое царство.

Образование царства Исуды следует рассматривать в контексте внешней политики Хеттской империи. Еще Суппилулиумас I начал создавать т.н. «дочерние» царства в ряде подвластных ему периферийных областях, которые являлись стратегически важными для хеттов, как, например, Каргамис и Алеппо в Северной Сирии⁴⁸. Позже, уже в первой половине XIII в. до н.э., количество таковых было увеличено за счет Тархунтассы (в районе совр. Коньи), Тумманны (в североцентральной Малой Азии) и других. Во всех этих царствах правили представители хеттской царской династии, имевшие наследственные права. В некоторых из них сохранялась власть локальных династий, однако они были связаны с хеттской правящей династией посредством династических браков⁴⁹.

Исува также входила в число дочерних царств⁵⁰. Между правящими династиями хеттов и Исуды также были установлены родственные отношения. Дочь Хаттусилиса III Килушхепа была выдана замуж за Ари-Шарруму, а отцом Эхли-Шаррумы был видный представитель хеттского двора, исудский аристократ Лупакки⁵¹. Можно предположить,

45 КВо VI 28 лиц.ст. 6-18 (см. Goetze 1940: 23ff.).

46 О переселении хеттского населения в Исуву упоминается в договоре, заключенном между хеттским царем Суппилулиумасом I и царем подвластного хеттам Миттани Шаттивазой. В том же договоре перечисляются хеттские области, откуда население бежало в Исуву (изучение их списка см. Cornelius 1958: 239ff.; Гиоргадзе 1961: 174слл.). Вполне вероятно, что причиной переселения хеттского населения являлась продолжительная засуха в Малой Азии.

47 О событиях, имевших место в указанный период, см. Вгусе 2005: 148ff.; Косян 2016: 112слл.

48 Вгусе 2005: 176ff.

49 О подобной политике и династических браках см. Houwink ten Cate 1996.

50 Об этом см. Güterbock 1973: 135ff.; De Roos 1987: 74ff.; также Косян 1997: 178 сл.

51 Примечательно употребление фразы «мой любимый отец» в письме Эхли-Шаррумы, адресо-

что род Лупакки и соответственно исувская царская династия являлись видными представителями родовой аристократии Исувы, которые в течение определенного времени были интегрированы в высшее хеттское общество и со временем добились царского ранга.

В хеттских текстах упоминаются два царя Исувы – Ари-Шаррума и его преемник Эхли-Шаррума, которые имели особо важный высокий статус в политической и религиозно-культурной жизни Империи. Они принимали участие при заключении межгосударственных договоров хеттов с другими странами в качестве свидетелей-гарантов. Например, имя Ари-Шаррумы присутствует в договоре, заключенном между Хаттусилисом III и царем Тархунтассы Улми-Тешубом⁵², а имя принца Эхли-Шаррумы – в договоре Тудхалияса IV с Курунтой (также царь Тархунтассы)⁵³. Согласно одному гадательному тексту, царь Исувы со своим войском мог участвовать в походе хеттского войска в качестве вспомогательного воинского контингента (вероятно, в восточном направлении)⁵⁴.

Однако буферный статус царства Исувы был определенно расшатан начиная с 30-х годов XIII в. до н.э., в связи с экспансией среднеассирийского царства на юге и юго-западе Армянского нагорья, а также внутридинастических заговоров в период правления Тудхалияса IV. Известно, что царь Исувы Ари-Шаррума принимал участие в первом заговоре против Тудхалияса, за что был арестован⁵⁵. А его приемник Эхли-Шаррума не явился на сражение хеттского войска с ассирийцами при Нихрии в 1234 г. до н.э.,

таким образом нарушая свои обязательства⁵⁶, что может свидетельствовать о его сепаратистских настроениях.

Эти два эпизода, связанные с Исувой, наряду с другими подобными, имевшими место в других частях Империи, позволяют предположить, что внутривосточные сложности, наблюдавшиеся в Хеттской империи во второй половине XIII в. до н.э., постепенно вели к нарастанию сепаратистских тенденций в вассальных царствах⁵⁷.

Резюмируя вышеизложенное о политических развитиях в верхнеевфратском регионе в период XV–XIII вв. до н.э., следует отметить следующее.

До периода первых военно-политических контактов с Хеттской империей и даже много позже в политическом отношении местное общество предстает перед нами как конгломерат многочисленных родоплеменных политических единиц, без намека на существование централизации. Продолжительные военнополитические контакты⁵⁸ с Империей дали толчок для централизационных процессов, которые в первой половине XIII в. до н.э. завершились созданием царства Исувы. А еще раньше, в XIV в. до н.э., в результате объединения племенных образований по соседству с Исувой, возникло царство Хайаса.

Интеграция Империи со странами долины Верхнего Евфрата проходила довольно интенсивно, особенно в военнополитической и религиозно-культурной сферах. Относительно Хайасы следует подчеркнуть, что попытки создать здесь дочернее царство не привели к желаемому результату⁵⁹. В течение всего XIII

ванном Лупакки (КВо XVIII 4), а также наличие имени Лупакки на одной булле, найденной на территории Исувы (из Коруджутеле, см. Güterbock 1973: 142).

52 КВо IV 10 обор. ст. 29; издание текста - Van den Hout 1995.

53 Во 86/299 лиц. ст. 34 (= Otten 1988).

54 ИВоТ I: 32.

55 Tani 2001.

56 Singer 1985: 117ff.

57 Косян 1997: 182слл.

58 Об экономических и культурных контактах можно судить лишь на основании археологических материалов, обнаруженных во время раскопок целого ряда поселений.

59 О событиях, связанных с хеттским проникновением в этот регион либо с помощью династического брака, либо с применением силы, а также издание двух договоров с правителями Хайасы

в. до н.э. в хеттских текстах Хайаса (в текстах этого периода – Ацци) многократно упоминается в качестве страны, которая представляла собой потенциальную угрозу интересам Империи и с которой часто велись войны⁶⁰.

А что же касается Куммахе и долины Ерзнка, то эта часть контактной зоны была довольно успешно интегрирована с Империей, особенно в религиозной сфере (см. ниже).

Религиозно-культурные взаимоотношения

В контексте взаимоотношений западной контактной зоны с Малой Азией особое место занимает религиозно-культурная сфера. Именно здесь полностью проявляется глубина контактов двух регионов. Источники позволяют с уверенностью заключить, что в контексте тесных военнополитических контактов начали развиваться культовые. На данном этапе трудно однозначно утверждать, что начало этого процесса следует видеть лишь с периода хеттского завоевания⁶¹, однако именно в этой сфере наблюдается довольно глубокое взаимопроникновение двух миров, которое выражалось в следующих формах. Это в первую очередь почитание одних и тех же божеств, содействие хеттов при обслуживании местных культовых объектов (храмы и святилища), а также наличие ряда имен хеттских божеств в религиозных представлениях древней Армении.

Имеется несколько текстов, которые свидетельствуют о приношениях в честь божеств Исувы и Хайасы в хеттских храмах, находящихся в разных частях Империи. В числе последних, несомненно, особое место занимает упоминание о наличии статуи бога Гро-

зы Хайасы в храме хеттской столицы. Во время религиозных обрядов статую везли к алтарю, а затем возвращали на свое место, причем статую обслуживал специально приклепленный к ней жрец⁶².

Особенно многочисленны тексты, в которых упоминаются культовые церемонии, проводимые царем Исувы в различных хеттских храмах⁶³. Примечательно то, что в одном тексте, в одном и том же контексте упоминается о поездке царя Исувы в Кищуватну (Киликия), с целью проведения какого-то религиозного обряда, и об аналогичной миссии хеттской царицы в города Самуха и Анасипа. Также следует отметить один из текстов, который содержит гадательный процесс, проведенный жрецами в Куммахе по просьбе хеттского царя⁶⁴.

Лучшим свидетельством существования тесных связей между хетто-лувийскими и верхнеевфратскими религиозно-культурными реалиями, имевшими место в контактной зоне, является сохранение малоазийских культовых верований в древнеармянском дохристианском пантеоне, которые затем, после принятия христианства, отразились в армянском фольклоре⁶⁵. К сказанному следует добавить наличие в армянском многочисленных малоазийских заимствований, которые включают в себя самые разные категории лексики, от собственных имен до нарицательных⁶⁶.

Постхеттский/лувийский период

В верхнеевфратской контактной зоне начиная с конца XIII в. до н.э. произошли коренные изменения, связанные с дезинтегра-

см. Косян 2016: 108слл.

60 Такие сведения содержатся в ряде гадательных текстов (см. Kosyan 2011).

61 Не исключено, что именно в контактной зоне, задолго до хеттского завоевания, могли существовать хеттоязычные анклавные (о наличии таковых см. Kosyan 2009).

62 См. KUB XII 2 (= Carter 1962: 74ff.).

63 IBoT II 131; KBo XXIV 132; KUB XLIV 4; KUB LVI 28 др. (см. Косян 2002б).

64 IBoT I 33. Laroche 1958: 152ff. Согласно тексту, этот процесс проводился ежегодно в течение многих лет.

65 Например, хетт. Тархунтас – арм. Торк, хетт. Сантас = арм. Шант и др. На эту тему существует значительное количество специальных исследований (напр. Капанцян 1940; Петросян 2006).

66 Капанцян 1948; Джаукян 1970: 123слл.; 1987: 311слл.

цией Хеттской империи. Так называемый «кризис XII в. до н.э.»⁶⁷ основательно изменил политическую и этноязыковую ситуацию в Передней Азии. Кризис был всеобъемлющим; его разрушительные последствия налично повсеместно в позднебронзовых городских центрах Передней Азии и Эгеиды (Малая Азия, Египет, Месопотамия, Микенский мир) в период XII–X вв. до н.э., который привел к регрессивным тенденциям в политическом плане (падение ряда государств и значительное ослабление других). Практически перестали функционировать оживленные торговые отношения между разными регионами. Повсюду наблюдается увеличение мобильности традиционно оседлых популяций (т.н. этнические передвижения или миграции), в результате чего многие позднебронзовые городские центры вовсе перестали существовать, а их население переместилось на новые места обитания.

Эти изменения полностью отразились и на судьбе западной контактной зоны. На ее западе образовалось новое царство – Мелид (Малатья)⁶⁸, которое до поры до времени находилось в зависимости от некогда хеттского дочернего царства Каргамис в Северной Сирии⁶⁹. Вероятнее всего, вместе с этим после начала кризиса нарушилось также этнополитическое единство зоны. К востоку от Евфрата, в городских центрах бывшей Исувы, археологические изыскания показали явные следы отсутствия государственности, а также присутствие значительного количества нового, пришлого населения⁷⁰. Резкое изменение политической и социально-экономической ситуации к востоку от Евфрата можно представить следующим образом – сокращение

количества населенных пунктов и населения, наплыв носителей новой, примитивной материальной культуры (например, отсутствие четкой планировки в архитектуре поселений).

Обобщая вышесказанные изменения, можно заключить, что население Исувы хеттского периода, имевшее развитые традиции городской жизни, во время кризиса либо оставило места своей жизнедеятельности, либо же могло деградировать в условиях политической нестабильности или отсутствия государственности, перейдя к примитивному сельскому образу жизни⁷¹.

Несмотря на скудость письменных материалов, все же причиной этих изменений в западной контактной зоне, опираясь на археологические материалы, следует считать миграцию извне⁷².

Контактная зона в контексте ассирийской и урартской экспансии

После завершения «кризиса XII в. до н.э.», начиная с IX в. до н.э. верхнеевфратская зона была вовлечена в систему новых геополитических реалий. Вместо старой двухполярной системы Хеттская империя – Ассирия образовалась система Ассирия – Урарту. И в течение этого исторического отрезка времени, который завершился в VII в. до н.э. падением Ассирии и Урарту, верхнеевфратский регион находился в центре политических и экономических интересов двух сверхдержав. Если Ассирия, как и в предыдущие исторические времена другие месопотамские государства, остро нуждалась в необходимом сырье, то для Урарту долина Верхнего Евфрата представляла собой естественные ворота, ведущие в Малую Азию и Сирию, так как на юге ему противостояла мощная Ассирия.

67 О начале и последствиях кризиса см. Косян 1999: 81слл.

68 Политическую историю Мелида см. Hawkins 1982; Косян 1994: 17слл.

69 Цари Мелида происходили от каргамисской царской династии (см. Hawkins 1988).

70 Sevin 1991; Bartl 1994: 476ff.; Косян 1991: 74слл.; 1997: 187слл.; 1999: 155слл.

71 Эта тенденция, наблюдавшаяся в жизнедеятельности разных регионов Передней Азии к концу позднебронзового века, наглядно показана в исследовании М. Ливерани (Liverani 1987: 66ff.).

72 Существует мнение о том, что отправным пунктом этих мигрантов могло быть Закавказье, а более конкретно, территория современной РА. (Sevin 1991; Косян 1996: 214слл.).

Сначала Ассирия, а затем Урарту неоднократно пытались взять под свой контроль этот важный в стратегическом и экономическом отношении регион⁷³.

Следует отметить, что ни Ассирия, ни Урарту не пытались упразднить мелидское царство, ограничиваясь лишь установлением там своей гегемонии. Буферный статус Мелида до поры до времени был выгоден Ассирии, так как к западу от Мелида располагались другие послехеттские лувийские царства, которые не отличались лояльностью к Ассирии и постоянно находились под его сильным нажимом. Урарты же рассматривали Мелид и другие лувийские и арамейские царства Малой Азии и Сирии как своих потенциальных союзников против Ассирии. Контроль над Мелидом во многом мог предопределить успех обеих сторон в их внешней политике. В этом и состояла ключевая роль долины Верхнего Евфрата в период противостояния Ассирии и Урарту.

Первым ассирийским царем, предпринявшем поход в сторону западной контактной зоны был Салманасар III, который по пути в Малую Азию упоминает принятие дани от царя Мелида⁷⁴.

А незадолго до этого он же упоминает, в контексте своего похода на Урарту, завоевание области Энзите страны Исува, а также Сухму (к востоку от Исувы)⁷⁵. Однако в обоих случаях не может быть речи о территориальных захватах; ассирийцы лишь во второй половине следующего столетия приступили к аннексии западных и юго-западных областей Армянского нагорья и восточной Малой Азии.

В конце IX – в первой половине VIII в. до н.э. начинается и быстро прогрессирует урартская экспансия на запад. Урартские цари Менуа, Аргишти II и Сардури II в резуль-

тате нескольких успешных походов основательно закрепились здесь⁷⁶. Именно после этих походов, по сообщению текстов ассирийского царя Тиглатпаласара III, Мелид стал союзником Урарту⁷⁷. После поражения Урарту от Ассирии урартское владычество над верхнеевфратской долиной сменило ассирийское⁷⁸. При одном из преемников Тиглатпаласара – Саргоне II, как Мелид, так и лувийские царства, находящиеся к востоку от него, один за другим были превращены в ассирийские провинции, а автохтонные династии большей частью насильно уведены в Ассирию. Так, в 713–712 гг. два последних царя Мелида, Гунзинани и Тархунази, лишились своей власти, а территория царства была присоединена к ее южному соседу Куммуху⁷⁹.

По всей видимости, несмотря на кажущуюся основательность ассирийского владычества в долине Верхнего Евфрата, у ассирийцев были серьезные опасения на этот счет. Судя по последующим событиям, в верхнеевфратском регионе или по его соседству происходили какие-то, до сих пор еще невыясненные процессы, которые в скором времени привели к созданию здесь нового, независимого от Ассирии политического объединения⁸⁰. Оказалось, в первую очередь, что притязания Урарту на этом направлении не завершились, о чем можно судить по сообщению текста времен того же Саргона о сооружении пяти крепостей против Урарту⁸¹.

73 О многочисленных походах ассирийцев и урартов в сторону верхнеевфратской долины см. Арутюнян 1970: 100слл.; Wafler 1980/1981; Hawkins 1982: 380ff. Косян 1999б и др.

74 Grayson 1996: 23.

75 Grayson 1996: 19f.

76 О походах урартских царей в этом направлении см. Арутюнян 1970: 136слл.; Kosyan 2010.

77 Tadmor and Yamada 2011: 84, 122.

78 В более поздних текстах Тиглатпаласара III царь Мелида Сулумал теперь уже упоминается как данник Ассирии (Tadmor and Yamada 2011: 70, 77 и др.).

79 Обзор вышеупомянутых событий см. Косян 1999: 240слл.

80 О политических сдвигах, произошедших в Восточной Малой Азии и в верхнеевфратской долине в конце VIII – начале VII вв. до н.э. см. подробно Косян 1998а; 1999б; Kosyan 2002.

81 О возможной локализации этих крепостей см. Косян 1999б: 221слл.

В том же тексте говорится о пяти крепостях ассирийцев, на этот раз против страны Мушки (Великая Фригия) и другой страны, название которой в тексте стерто. Урартская угроза была реальной, о чем можно судить по тексту его царя Русы II, датируемому 680-ми годами, где сообщается о походе на страны «Хате, Хатинили и Мушкини»⁸². Ситуация для Ассирии усугублялась тем обстоятельством, что Руса II и царь Великой Фригии Мита (Мидас античных источников) стали союзниками⁸³.

Однако ни Ассирия, ни Урарту с Фригией не являлись бесспорными игроками в интересующем нас регионе. После падения царства Мелид здесь появляется новая политическая сила, которая трудно поддается идентификации. Согласно одной версии, в конце VIII–начале VII вв. до н.э. на востоке Малой Азии и в верхнеевфратской долине политическая гегемония перешла к новому этническому элементу, который и сумел создать на территории бывшего Мелида новое царство⁸⁴. По всей видимости, именно во время битвы против этого нового врага в 705 г. до н.э. и мог погибнуть Саргон II. После этого события ассирийское владычество в Малой Азии практически было упразднено; власть Ассирии ограничивалась лишь Киликией.

Южная контактная зона

Южная часть евфратско-тигурской контактной зоны по своему значению и широкому спектру разнообразных взаимоотношений с обществами Армянского нагорья превосходит западную зону. Наряду с другими причинами, это, в первую очередь, то ярко выраженное различие, которое налицо между морфологией и климатическими характеристиками Месопотамии и Армянского нагорья. Это совершенно разные миры, между кото-

рыми практически отсутствуют ровные переходы, что налицо в западной зоне. Горный массив Армянского Тавра представляет собой такой естественный барьер, преодоление которого сопряжено с большими трудностями, требующими значительного военного и экономического потенциала.

Интенсификация внешних военнополитических мероприятий месопотамских государств, направленных на север, хронологически соответствует периодам их наибольшей консолидации и усиления и была обусловлена этими обстоятельствами⁸⁵. Стремление к установлению контроля над дорогами, ведущими к источникам необходимого сырья, превращалось в жизненную необходимость. Можно в этой связи согласиться с недавно предложенной моделью древневосточных «империй», согласно которой, крупные государства III–II тыс. до н.э. (Аккад, Эбла, Ассирия, Египет и др.) – военнополитический организм, состоящий из центра, который осуществлял контроль над путями сообщения с помощью разбросанных по обеим сторонам крепостям⁸⁶. При данной модели роль южной контактной зоны для месопотамских государств нельзя переоценить, так как они не могли существовать без источников различных металлов⁸⁷ и путей к этим источникам, находящихся относительно близко.

Несмотря на естественные барьеры, взаимоотношения севера с югом были неизбежны и необходимы, так как северяне в свою очередь сами нуждались в ремесленной продукции месопотамцев. В этой связи следует отметить, что интерес северян к Месопотамии был не меньшим, так как не всегда мирный

82 Арутюнян 1970: 322слл.

83 О существовании союза Урарту с Фригией см. Lanfranchi 1988; Косян 1999б: 222слл.

84 Kosyan 2002: 199ff.

85 Forster 1977; Larsen 1979: 75ff.; Algaze 1993: 2.

86 Liverani 1988: 92.

87 Наряду с металлами, месопотамцы остро нуждались в древесине, пригодной для строительства, а также в крупном и мелком рогатом скоте. Практически в течение всей истории взаимоотношений юга и севера металл, древесина и скот присутствуют в качестве продуктов северных стран, взываемых в виде дани или же военной добычи.

товарообмен мог удовлетворить неселение горных областей, что временами приводило к набегам, особенно в периоды резкого изменения экологической ситуации. В течение III–II тыс. до н.э. письменными источниками зафиксировано несколько случаев массового переселения северных горцев в Месопотамию, что наложило свой негативный отпечаток на развитии местных государств⁸⁸.

Взаимоотношения обществ Армянского нагорья с государствами Месопотамии и Сирии в южной контактной зоне⁸⁹ можно представить в виде нижеследующей периодизации.

1. Период государства Аккад – XXIV–XXIII вв. до н.э.
2. Период торговых колоний Ашшура – XIX–XVIII вв. до н.э.
3. Миттанийский период – XVI–XIV вв. до н.э.
4. Среднеассирийский период – XIV–XI вв. до н.э.
5. Новоассирийский период – X–VII вв. до н.э.

Период царства Аккад

Довольно долгий перерыв в несколько веков, наступивший после упадка поздеурукских колоний, завершился во второй половине XXIV в. до н.э., в результате образования царства Аккад – первого общемесопотамского государства. Сказанное не означает, что между севером и югом в период после поздеурукских колоний образовался хронологический разрыв. В первой половине III тыс. до н.э. шумерские города-государства Южной Месопотамии имели свои экономические интересы в северных горных областях, о чем можно судить по сведениям, содержащимся в

шумерских эпических текстах⁹⁰. Однако эти сведения далеко недостаточны ни для определения конкретно географического расположения данных топонимов, ни для выяснения характера взаимоотношений. Можно только предположить, что эти взаимоотношения носили характер мирных торговых сношений, если иметь в виду также то обстоятельство, что военный потенциал южномесопотамских городов-государств явно не позволил бы им организовывать крупномасштабные военные предприятия.

Уже Саргон II, основатель царства Аккад, объединив всю Месопотамию, начал активную внешнюю политику на севере и северо-западе⁹¹. В этом направлении целью его военных мероприятий являлись не территориальные захваты, а лишь выход к источникам сырья и контроль над путями сообщения, необходимыми для обеспечения развития экономики страны. При этом, интересующие аккадцев источники сырья, судя по упоминающимся топонимам, находились к западу и северо-западу от контактной зоны (горы Аманос и юго-восточная Малая Азия)⁹².

При Нарамсине, внуке Саргона (2236–2200 гг.), география внешнеполитических мероприятий Аккада не изменилась, просто она стала более интенсивной и целеустремленной⁹³. На севере и северо-востоке его походы разворачивались по всему периметру Субарту, в частности в районе нынешнего Диярбакыра.

Информация, заключенная в текстах царей Аккада, большей частью трафаретная, не позволяющая получить полное представление об истинных целях многочисленных походов на север и северо-запад, кроме как источники сырья. Сказанное относится особенно к пе-

88 Наиболее характерным периодом таких коллизий следует считать миграцию племен кутиев на юг, в результате которой пришла в упадок аккадская империя.

89 Общие вопросы по истории Месопотамии см. ИДМ; ИДВ; САН I-III ИСАС и др.

90 Собрания всех сведений подобных текстов см. Мовсисян 2005.

91 См.: Gadd 2008: 425ff.

92 О политике царей Аккада в сфере экономики см. Foster 1977.

93 Gadd 2008: 440ff.

риоду правления Нарамсина, который по времени совпал с началом изменения климатических условий в Передней Азии. Именно в этот период участились набеги северных горских племен кутиев в Северную Месопотамию, которые в конечном итоге несколько позднее привели к развалу Аккадского царства⁹⁴.

Археологическое исследование аккадских поселений бассейна реки Хабур показало, что в течение короткого времени обширные царские земледельческие хозяйства пришли в упадок, в результате чего многочисленные города региона либо полностью опустели, либо лишились значительной части своего населения⁹⁵. Предполагается, что в период изменения климатических условий, приведших к сокращению водных ресурсов, цари Аккада стремились использовать земледельческий потенциал южной контактной зоны, организовав здесь крупные государственные хозяйственные структуры – политика, проводимая в этой зоне много позже, в конце II тыс. до н.э. (см. ниже). Кутии же, в свою очередь, движимые теми же стимулами, частично переселились в контактную зону и дальше на юг, что и привело к развалу политических и экономических структур Аккада.

Период торговых колоний Ашшура

После падения III династии Ура в XX в. до н.э. взаимоотношения Месопотамии с южной контактной зоной обрели новые тенденции, особенно в течение первых двух веков существования государства Ашшур в Северной Месопотамии, до ее завоевания Вавилонией.

Ашшурцы, которые еще незадолго до создания собственного государства являлись ветвью полукочевых аморейских племен, из-за своего традиционного образа жизни и примитивных навыков в области экономики, бы-

ли вынуждены искать нужные ресурсы своего жизнеобеспечения посредством меновой торговли с северянами⁹⁶. В качестве продуктов обмена они могли предложить различные ремесленные изделия и в первую очередь ткани. Ашшурцы сумели быстро освоиться с весьма выгодным географическим положением страны на перекрестке основных путей сообщения между западом и востоком, сделав транзитную торговлю основным источником своего дохода. Государственная поддержка купцам, вовлеченным в транзитную торговлю, обеспечивала им свободный доступ по всей периферии царства и даже дальше в глубь областей, лежавших за пределами приграничных территорий. Взамен своей продукции ашшурцы доставляли на свою территорию металлы и другие необходимые ресурсы из Армянского нагорья и Восточной Малой Азии. Уже в XIX в. до н.э. ашшурцы установили тесные взаимовыгодные торговые отношения со всеми областями южной и западной контактной зоны. Более того, они проникли в восточную и юго-восточную Малую Азию, организовав здесь торговые колонии и фактории, исключительно мирным путем⁹⁷. Колонии и фактории были основаны вдоль дорог, ведущих в Месопотамию, что облегчало доставку сырья и других товаров. Местные политические единицы были заинтересованы в торговле с месопотамцами, фактор, который до поры до времени обеспечивал для них определенную свободу для развертывания масштабной торговой деятельности.

В самой контактной зоне источниками засвидетельствовано около двух десятков колоний, большей частью на стыке южной и западной зон⁹⁸.

96 См.: Lewy 2008: 752.

97 О географии и деятельности торговых колоний Ашшура существует значительное количество специальных исследований (напр. Orlin 1970; Veenhof 1972).

98 Среди колоний наиболее важными являлись Нихрия, Дегишана, Хаххиса и др.

94 Gadd 2008: 454ff.

95 О действительных причинах походов кутиев на юг см. Weiss and Courty 1993; Ristvet and Weiss 2000 и др.

Миттанийский период

Одним из наиболее важных этапов истории южной контактной зоны является период существования государства Миттани (XVII–XIV вв. до н.э.), когда на его западной части, на базе целого ряда крупных городских центров возникло новое государство с индоарийской царской династией⁹⁹. Подавляющей частью населения Миттани являлись хурриты, которые заселили запад контактной зоны и ее прилегающие области в результате двух последовательных миграционных волн (середина III тыс. до н.э. и XVIII–XVII вв. до н.э.). Вероятнее всего, хурриты заселили также ряд горных районов Армянского Тавра, так как и впоследствии ассирийские источники упоминают здесь царей, носивших хурритские имена¹⁰⁰. Кроме хурритов, здесь проживало также значительное количество семитов (в основном аморейцев).

В период расцвета Миттани в политической жизни Передней Азии произошли значительные перемены. В течение XVI – первой половине XIV вв. до н.э. военно-политическое влияние Миттани простиралось по всем направлениям – Киликия, Центральная Сирия и юго-запад Армянского нагорья, Восточная Малая Азия. Фактически по территории Миттани или же в странах, находящихся под его влиянием проходили все основные торговые пути и находилась большая часть источников разных металлов. Даже масштабные набеги египетских фараонов Аменхотепа II и Тутмоса III не смогли существенно повлиять на могущество Миттани. Продолжительное противостояние двух держав закончилось

установлением добрососедских отношений, закрепленных практикой династических браков. Таким образом, на время образовалась новая геополитическая ситуация, где Египет и Миттани определяли «мировую политику». Этот миропорядок просуществовал до середины XIV в. до н.э., когда на политическую арену Передней Азии активно выступило Хеттское царство, которое сумело завоевать Миттани, сделав ее вассальным царством.

Период существования Миттани знаменателен тем, что до того времени на обширной территории южной контактной зоны сколь угодно крупных государств не было образовано, даже на короткий срок. В этой связи следует отметить, что и после Миттани, в течение всей последующей истории Передней Азии, не было такового. Южная контактная зона во все исторические времена входила в состав государств, центры которых находились относительно далеко¹⁰¹.

Среднеассирийский период

После Миттани, с конца XIV в. до н.э. начинается период усиления Среднеассирийского царства, которое в скором времени начало продвижение на север.

Запад контактной зоны имел для Ассирии исключительное значение. Именно по ее территории проходила линия контакта между Ассирией и Хеттской империей, по которой проходили основные дороги, ведущие на север, в сторону бассейна Тигра, где находились крупные месторождения металлов. Кроме того, земледельческий потенциал территории подвластного хеттам Миттани и бассейна Тигра имел первостепенное значение для ассирийского государства. Окруженное с трех сторон Хеттской империей и традиционно недружелюбной Вавилонией, Ассирия к тому же не имела доступа к торговым путям, ведущим на запад, к Средиземноморью. Несколько походов, совершенных асси-

99 Политическую историю Миттани см. Wilhelm 1989; Аветисян 1984; Косян 2013б: 389слл. Все цари Миттани носили исключительно индоарийские имена (напр. Тушратта, Артадама, Саусадаттар), индоарийскими являлись также несколько божеств.

100 Например, царь Алзи Антаратал (XIV до н.э.), царь того же Алзи Эхли-Тешуб (XIII до н.э.), Кили-Тешуб, царь Бабхи (южный сосед Алзи), правитель города-государства Урратинаш Шади-Тешуб и др.

101 Например, Ахеменидская империя, Римская империя, Багдадский халифат, Османская империя.

рийскими царями Салманасаром I и Тукульти-Нинуртой I в 1260–1230-х годах до н.э. завершились лишь захватом Миттани, однако не смогли пробить брешь на запад, что вынудило их довольствоваться внутренними ресурсами контактной зоны. Именно здесь, начиная с последних десятилетий XIII в. до н.э. – середины XI в. до н.э. ассирийцы организовали широкомасштабную хозяйственную деятельность. В районе, заключенном между хребтом Тур Абдин и Армянским Тавром, ассирийцы соорудили множество крепостей¹⁰², чтобы обезопасить его от набегов соседей. Бывшие крупные миттанийские города Таиду, Синаму, Тушхан, Дунну ша-Узиби и др. стали центрами земледельческо-ремесленной деятельности. Сюда стекалась вся местная продукция, а также материальные ресурсы, получаемые с севера в виде дани или товарообмена, для их дальнейшего перераспределения.

Целеустремленная интеграционная политика западной части контактной зоны была сопряжена с серьезными рисками. В XII–XI вв. до н.э., в период разворачивания кризисных явлений в Передней Азии, Ассирия неоднократно теряла контроль над большей частью контактной зоны. Этот регион превратился в арену, куда стекались носители двух разных миграционных волн. Сначала племена мушков и апишлу в начале царствования Тиглатпаласара I проникли с севера в страну Кадмухи (в районе Тур Абдина), а затем семитские племена арамейцев с запада и юго-запада – в соседние области. Особенно значительный урон нанесли арамейцы, которым удалось практически отрезать Ассирию от запада и севера. «Ассирийская хроника» сообщает о том, что в 1080 г. до н.э. арамейцы достигли даже окрестностей столицы Ниневии¹⁰³. В тех же текстах сообщается о массовом бегстве населения Ассирии на север, в

горы. Ассирийцы прилагали огромные усилия для устранения нависшей угрозы. В текстах Тиглатпаласара I сообщается о том, что царь 28 раз переходил Евфрат, преследуя арамейские племена¹⁰⁴. О постоянных передвижениях арамейских племен и стычках с ними имеются сведения и при преемнике Тиглатпаласара Ашшурбелкале (1073–1056 гг. до н.э.). Согласно одному тексту, он сражался с арамейцами в 15 битвах.

Не менее интенсивные конфликты были зафиксированы также с мушками и другими переселенцами¹⁰⁵. Противостояние Ассирии и мигрантов, протекавшее с переменным успехом, завершилось оседанием мушков в Кадмухи, а к середине XI в. до н.э. эта территория вышла из-под влияния Ассирии. Лишь только много позже, в IX в. до н.э., мушки Кадмухи упоминаются как ассирийские данники.

В контексте длительных передвижений арамейцев, мушков и других племен контактная зона продолжала оставаться территорией, имеющей важное экономическое значение для Ассирии. В течение всего XII в. до н.э. и до середины следующего столетия (конец правления царя Ассирии Ашшурбелкалы) ассирийцы использовали область совр. Диярбакыра как важный центр для производства пшеницы и других злаков, о чем повествуют обнаруженные здесь относительно недавно клинописные тексты¹⁰⁶. Для обеспечения безопасности этого района, среднеассирийские цари создали здесь своеобразный укрепленный район, состоящий из многочисленных мелких крепостей.

Однако вскоре после Ашшурбелкалы Ассирия потеряла почти на полтора столетия

102 Szuchman 2007: 47.

103 О передвижениях арамейских племен и столкновениях с ассирийцами см. Neumann and Parpola 1987: 178ff.

104 Там же. Не раз царь был вынужден был отступать перед врагами.

105 Тексты, повествующие о продвижении мушков, касков и апишлу в контактную зону и их битвах с ассирийцами см. Grayson 1991: 14ff., об историческом контексте данных текстов см. Косян 1999а: 155слл.

106 Radner 2004: 72ff.

полный контроль практически над всей южной контактной зоной, в особенности ее западной частью, где образовались арамейские племенные объединения. Лишь только к концу X – началу IX в. до н.э. Ассирия вновь смогла вернуть себе потерянное.

Новоассирийский период

Уже с самого начала Новоассирийского периода наблюдается методичное продвижение Ассирии по традиционно важным направлениям – на север, северо-запад и запад, политика, присущая ее царям XIII в. до н.э. Ассирийцам благоприятствовал новый миропорядок, созданный после кризиса XII в. до н.э. Распад Хеттской империи и создание множества мелких царств на части ее территории, также неспособность Позднеегипетского царства возродить систему вассальных царств на территории современной Сирии сделали Ассирию единственным государством, до образования Урарту, способным взять на себя роль гегемона в Передней Азии. Однако процесс создания Ассирийской империи был нелегким предприятием, так как ее имперским амбициям противостояло множество небольших царств и племенных объединений, разбросанных по периметру контактной зоны (южной и западной), а также в Сирии и в Малой Азии¹⁰⁷. В течение IX–VIII вв. до н.э. Ассирия то и дело сталкивалась с упорным сопротивлением последних, обычно организованных в союзы. Южная контактная зона являлась ключом к успеху, так как только через нее можно было пробиться на север и запад, полностью обеспечив свое участие в оживленной международной торговле Восточного Средиземноморья. Именно в этом направлении, занятом довольно жизнеспособными арамейскими племенными союзами, Ассирия потратила свои основные усилия. Однако, несмотря на успехи Салманасара III (858–824 гг. до н.э.), сумевшего

распространить свое влияние на большую часть арамейских княжеств и лувийских царств, даже при нем и впоследствии потребовались регулярные карательные экспедиции для подавления различных восстаний и сепаратистских тенденций. При этом ассирийцы часто, с целью установления еще большего влияния на захваченные регионы, основывали там укрепленные поселения, с помощью которых контролировали действия своих вассалов.

Процесс расширения и укрепления Новоассирийской империи протекал следующим образом.

Первое – это политика «неограниченной экспансии»¹⁰⁸, которая была начата Салманасаром III; суть ее заключалась в организации регулярных военных походов, одновременно по нескольким направлениям. Во второй половине следующего столетия она была развита Тиглатпаласаром III и Саргоном II. Жертвами этой экспансии явились в основном области контактной зоны.

Второе – это укрепление захваченных стран, окружавших Ассирию (т. н. «первое кольцо»), с целью создания барьера против более отдаленных и еще не завоеванных стран, откуда ассирийцы могли ждать набегов или же куда в будущем могли сами организовывать походы. Это кольцо начиналось с областей, расположенных вдоль среднего течения Евфрата и далее шло на восток до конца южной контактной зоны. На севере ассирийцы укрепляли южные подступы Армянского Тавра¹⁰⁹. Примеров укрепления завоеванных приграничных областей множество, особенно в тех районах, по которым в Ассирию доставлялись дань и захваченное добро. Большая часть таких укреплений располагалась в долине Верхнего Тигра и западнее, где проходили основные дороги на север. В частности, царь Ашшурнацирапли II (883–859 гг.

107 О политической географии, существовавшей в указанный период в Малой Азии и в Сирии см. Hawkins 1982: 71ff.; Косян 1994.

108 Этот термин был введен в научный обиход В. Ламбертом (Lambert 1974: 105).

109 Более подробно об этой политике см.: Parker 2003: 526ff.

до н.э.), захватив племенные объединения долины Верхнего Тигра, начал укреплять районы, расположенные к югу от Тигра (бывшие миттанийские города Тиду, Амеду, Синабу, Тушхан, а также Шабирешу, юго-восточнее от этих городов)¹¹⁰.

Третье – это создание «земледельческих колоний» в наиболее пригодных для этого областях (см. выше в этом разделе).

И, наконец, последнее, что являлось одним из наиболее характерных как для Новоассирийского царства, так и других древневосточных государств. Это – политика насильного переселения населения завоеванных стран в Ассирию¹¹¹. Она проводилась не только для обеспечения малонаселенных приграничных районов Ассирии. С ее помощью ассирийцы искусственно меняли этническую ситуацию в тех странах, где видели реальную угрозу для своего владычества¹¹².

Имперские амбиции Ассирии в южной и западной контактных зонах с конца IX в. до н.э. столкнулись с новым действующим лицом в переднеазиатском геополитическом пространстве. Образование Урарту в бассейне озера Ван в середине IX в. до н.э. и ее быстрое расширение за счет завоеваний на западе и севере означало, что отныне Ассирии противостояла организованная военно-политическая сила, способная оспаривать ее внешнеполитические интересы. Расширение ассирийского влияния в южной контактной зоне было серьезно расшатано уже с конца IX в. до н.э. по ходу продвижения Урарту в том же регионе, а также на запад. Походы Салманасара III на север, в том числе в бассейн оз. Ван положили начало почти двухвековому противостоянию двух держав за гегемонию в Передней Азии¹¹³.

По сути дела, вплоть до начала VII в. до н.э. в южной и западной контактных зонах образовалась политическая ситуация, которую можно с уверенностью охарактеризовать как две супердержавы плюс система буферных государств, которые распространялись на западе с верхнеевфратской долины до приурмийского района. Мелкие буферные государственные образования, имеющие различный этнический характер и обладающие столь же различным военным и экономическим потенциалом, вплоть до середины VIII в. до н.э. сохраняли свой полузависимый статус по всей линии соприкосновения Ассирии и Урарту. Среди них своим значением выделялись Бит Замани, племенные образования на территории Кадмухи, Бабхи, Хабхи, Шубрия, Мехри, Муцацир, Кумме и др. Некоторые из них, особенно те, которые располагались в труднодоступных высокогорных долинах, сумели сохранить свою ограниченную независимость. Здесь сохранялась наследственная власть местных династий даже в период наибольшей активности Ассирии и Урарту в конце VIII в. до н.э..

Несмотря на то, что пока еще до конца не выяснены причины сохранения вышеупомянутыми политическими объединениями своего статуса, однако можно допустить, что, кроме труднодоступного рельефа (например, Бабхи, Шубрия и Муцацир), значительную роль могли сыграть трудности, связанные с экономическим освоением их территорий. Ни Ассирии, ни Урарту не удалось создать здесь экономические инфраструктуры, что позволило бы интегрировать их с метрополией. По этой же причине было невозможно обеспечить постоянный контроль над высокогорными племенными союзами, традиционный уклад жизни которых был несовместим, например, с развитой месопотамской

110 Расположение этих укреплений см.: Parker 2003: 531.

111 О политике переселения см.: Oded 1979.

112 Примеров подобной политики именно с целью обеспечения безопасности своих интересов множество, особенно при Саргоне II (см.: Kosyan 2002).

113 Продолжительная борьба Ассирии и Урарту в

течение этого периода освещена в многочисленных исследованиях (Salvini 1967: 62ff.; Арутюнян 1970: 100слл.; Kessler 1986: 59ff.; Wäfler 1980-1981 и др.).

цивилизацией¹¹⁴. В такой ситуации контроль мог быть осуществлен только посредством сосредоточения значительных военных сил, что было невозможно, имея в виду обширные территории обеих держав. Поэтому Ассирия и Урарту довольствовались ограниченным контролем, который позволил бы им получать дань и гарантии не организовывать набеги на свою территорию. При этом время от времени требовались карательные экспедиции с целью пресечения нелояльных действий горцев. Данная ситуация имеет четкие параллели с историей взаимоотношений месопотамских государств с обществами Армянского нагорья IV–II тыс. до н.э. (см. выше).

Во второй половине VIII в. до н.э., в контексте ассирийско-урартского соперничества, наметились резкие изменения, связанные с чрезмерной активизацией экспансии Ассирии на запад, север и северо-запад при Тиглатпаласаре III и Саргоне II. Эта экспансия сопровождалась новыми тенденциями. Резко возросла роль стран контактной зоны. Ассирия и Урарту приложили много усилий для большего влияния здесь, стараясь организовывать местные политические единицы в военные союзы против соперника.

Сначала эту политику успешно проводили урартские цари, которые, воспользовавшись временным ослаблением Ассирии в первой половине VIII в. до н.э., не только преуспели в территориальных захватах (например, верхнеевфратская долина), но и сумели создать мощную антиассирийскую коалицию¹¹⁵. В союз входили страны западной и южной контактных зон – Мелид, Каргамис, Куммух (Коммагена антич. источников), Гургум (район совр. Мараша), Сам’ал и др.¹¹⁶.

114 В качестве аналога такой ситуации можно привести примеры из истории Римской империи в Британии (за Адриановым валом) и зарейнскими областями Германии.

115 В ассирийских источниках не говорится о причинах создания этого союза, однако неоднократно отмечается, что его лидером был Урарту (см., например: Tadmor 1994: 100f.).

116 Справедливо было замечено, что причиной ор-

Победы, одержанные Тиглатпаласаром над Урарту и его союзниками в 743 и 735 гг. до н.э. привели к коренным изменениям в балансе сил в Передней Азии, после чего инициатива полностью перешла к Ассирии до конца столетия. Бывшие союзники Урарту были вынуждены признать ассирийское владычество. Стараясь укрепить свое влияние в новозавоеванных странах, Саргон II провел «чистку» в некоторых из них. Например, в Каргамисе и в Мелиде была упразднена царская власть, и они были реорганизованы в ассирийские провинции¹¹⁷. Одновременно наблюдается укрепление границ империи в Малой Азии и по периметру контактной зоны, что, по-видимому, было связано с союзом Урарту и Великой Фригии (в текстах Мушки). Этим можно объяснить упразднение царской власти в Мелиде и присоединение его территории к проассирийскому царству Куммух, а также политику переселений, проведенная в ряде стран контактной зоны.

В VII в. до н.э., хотя противостояние Ассирии и Урарту продолжалась, однако их возможности значительно сократились, что было связано с существованием более серьезных проблем. Для Ассирии это восток, где из года в год все более активно вели себя мидийцы, и северо-запад, где после гибели Саргона II ассирийское владычество было сведено на нет. У Урарту же были не менее серьезные проблемы сначала с киммерийцами, а затем экономического характера¹¹⁸. Сказан-

ганизации антиассирийских союзов в IX–VIII вв. до н.э., включавших страны, расположенные далеко друг от друга, можно считать результатом всеобщего желания непосредственных и далеких соседей Ассирии сообща противостоять основному врагу. Именно поэтому члены таких союзов на время отбрасывали в сторону свои противоречия (Lanfranchi 2011: 221).

117 О политике Саргона в завоеванных странах см. выше в разделе «Западная контактная зона».

118 На Урарту, как, впрочем, и на другие регионы Передней Азии сказывалось влияние ухудшения климатических условий, наблюдавшиеся, по крайней мере, в период правления Русы II (см.: Грекян 2013).

ное можно проиллюстрировать более чем наглядно по примеру эпизода Шубрии, датированном 673 г. до н.э.¹¹⁹.

Царь Шубрии, находящийся в горной области на севере древнеармянской провинции Агдзник (асс. Алзи), в течение долгого времени пренебрегал требованиями царя Ассирии Асархаддона вернуть ассирийских беженцев. Одновременно у шубрийцев были натянутые отношения с Урарту¹²⁰. Асархаддон был вынужден организовать поход в Шубрию и вернуть беженцев. О значительном сокращении влияния Ассирии и Урарту на страны контактной зоны свидетельствуют также другие тексты этого времени¹²¹. Различные мероприятия, организованные последними ассирийскими царями, направленные

на сохранение минимального контроля над некогда подвластными буферными странами (массовые переселения, карательные походы и др.) не могли исправить положение. Основной причиной сокращения влияния Ассирии и Урарту в контактной зоне, вероятнее всего, было появление на политической арене Передней Азии сначала киммерийских, а затем и скифских племен. Приход этих исключительно мобильных и воинственных племен кардинально изменил баланс сил, сыграв существенную роль в падении сначала Урарту, а несколько позже и Ассирии. Во второй половине VII в. до н.э., незадолго до своих последних дней, Ассирия и Урарту больше не являлись основными действующими лицами в южной контактной зоне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грекян Е. (2013). К вопросу о падении Ванского царства. – В сб.: Айказуны (ред. В. Б. Бархударян и др.), с. 64-82 (на арм. яз.).
2. Джаукян Г. Б. (1970). Армянский и индоевропейские языки. Ер. (на арм. яз.).
3. Джаукян Г. Б. (1987). История армянского языка. Дописьменный период. Ер. (на арм. яз.).
4. Косян А.В. (1991). Этнические передвижения в Малой Азии и Армянском нагорье в XII в. до н.э. – ИФЖ 1, с. 65-78.
5. Косян А. В. (1996). Вопрос «восточных» и «западных» мушков. – ИФЖ, 1/2, с. 207-220 (на арм. яз.).
6. Косян А. В. (1997). Исува (Цопк) в XIII-XII в. до н.э.– ИФЖ, 1/2, с. 177-192 (на арм. яз.).
7. Косян А. В. (1998а). «Дом Торгома» (миф и реальность). Ер. (на арм. яз.).
8. Косян А. В. (1998б). Исува и Гордион (сравнительный анализ). – ИФЖ, 3, с. 177-194 (на арм. яз.).
9. Косян А. В. (1999а). Ближневосточный кризис XII в. до н.э. и Армянское нагорье. Ер. (на арм. яз.).
10. Косян А. В. (1999б). Саргин II и страны Восточной Малой Азии. – СНБСВ XVIII, 219-229 (на арм. яз.).
11. Косян А. В. (2002а). Ани-Камах в хеттский период. – ИФЖ, 3, с. 225-241 (на арм. яз.).
12. Косян А. В. (2002б). Религиозные центры Исувы в хеттскую эпоху. – СНБСВ XXI, с. 315-331 (на арм. яз.).
13. Косян А. В. (2004а). Топонимы Армянского нагорья (согласно хеттским клинописным источникам). Ер. (на арм. яз.).

119 Подробности этого инцидента содержатся в иностранном тексте царя Ашшурбанапала (Vorderasiatische Museum Berlin, Inv. No. 1956: 102ff.).

120 Текст сообщает о походе урартов в Шубрию, закончившимся неудачей и гибелью их военачальника Андарики.

121 Обзор этих текстов см.: Kosyan 2011.

14. Косян А. В. (2004б). Хайасские походы Мурсила II (новые первоисточники). – ИФЖ, с. 197-204 (на арм. яз.).
15. Косян А. В. (2004в). Хеттский клинописный текст KUB XXVI 62 и проблемы исторической географии бассейна Верхнего Евфрата. – СНБСВ XXIII, с. 472-484 (на арм. яз.).
16. Косян А. В. (2013а). От Вана до Евфрата (к истокам древнеармянской государственности). – В сб.: Айказуны (ред. В. Б. Бархударян и др.). Ер. с. 48-63 (на арм. яз.).
17. Косян А. В. (2013б). Митгани. – История сопредельных с Армений стран, т. 1: Древний период Ер. с. 389-406 (на арм. яз.).
18. Косян А. В. (2016). Хеттско-хайасские межгосударственные договора XIV в. до н.э. Ер. (на арм. яз.).
19. Аветисян Г. М. (1984). Государство Митанни. Ер.
20. Арутюнян Н. В. (1970). Биайнили (Урарту). Ер.
21. Арутюнян Н. В. (1985). Топонимика Урарту. Ер.
22. Капанцян Гр. (1948). Хайаса-колыбель армян. Ер.
23. Петросян А. Е. (2006). Арамазд. Ер. (на арм. яз.).
24. Algaze G. (1989). The Uruk Expansion: Cross-cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization, *Current Anthropology* 30, 571-608.
25. Algaze G. (1993). The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization, Chicago.
26. Bobokhyan A. (2008). Kommunikation und Austausch im Hochland zwischen Kaukasus und Taurus, ca. 2500-1500 v. Chr., Bd.2. Oxford.
27. Borger R. (1956). Die Inschriften von Asarhaddons König von Assyrien, Graz.
28. Bartl K. (1994). Die Frühe Eisenzeit in Ostanatolien und ihre Verbindungen zu den benachbarten Regionen, *Baghdader Mitteilungen*, Bd.25, 473-518.
29. Brant J. (1836). Journey Through a Part of Armenia and Asia Minor, in the Year 1835, *Journal of the Royal Geographical Society of London*, vol.6, 187-223.
30. Bryce T. R. (2005). The Kingdom of the Hittites, Oxford (second edition).
31. Burghardt A. F. (1971). A Hypothesis About Gateway Cities, *Annals of the Association of American Geographers* 61, 269-285.
32. Campbell-Thompson R. and R.W.Hutchinson (1933). The British Museum Excavations at Nineveh, 1931-32, *Annals of Archaeology and Anthropology* 20.
33. Carter Ch.W. (1962). Hittite Cult-Inventories, Chicago (Diss.).
34. Cornelius Fr. (1958). Geographie des Hethiterreiches, *Orientalia* 27, 225-251, 373-398.
35. Creekmore A. (2007). The Upper Tigris Archaeological Research Project (UTARP): A Summary and Synthesis of the Late Chalcolithic and Early Bronze Age Remains from the First Three Seasons at Kenan Tepe, *Anatolica XXXIII*, 75-128.
36. Den Hout Th.van (1995). Der Ulmitešub-Vertrag, Wiesbaden.
37. De Roos J. (1987). Who was Kilušhepa?, *JEOL* 29, p.74.
38. Edzard D. O. und G.Farber (1974). Die Orts- und Gewässernamen der Zeit der 3. Dynastie von Ur, Wiesbaden.
39. Foster B. (1977). Commercial Activity in Sargonic Mesopotamia, *Iraq* 39, 31-44.
40. Gadd C. J. (2008). The Dynasty of Agade and the Gutian Invasion. – In: *CAH I/2*, 417-463.
41. Gelb I. J. (1956). New Light on Hurrians and Subarians, *Studi Orientalistici in onore di Giorgio Levi della Vida I*, Roma, 378-392.
42. Grayson A. K. (1991). The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods / Vol. 2, Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC (1114-859 BC), Toronto-Buffalo-London.

43. Grayson A. K. (1996). *The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods / Vol. 3, Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (858-745 BC)*, Toronto-Buffalo-London.
44. Güterbock H.G. (1973). Hittite Hieroglyphic Seal Impressions from Korucutepe, *Journal of Near-Eastern Studies* 32, 1973, p.135-147.
45. Hauptmann H. (1969/70). Norşun-tepe: Historische Geographie und Ergebnisse der Grabungen 1968/69. *Istanbuler Mitteilungen* 19-20, 21-78.
46. Hawkins J. D. (1982). The Neo-Hittite States in Syria and Anatolia. - In: *CAH*, vol.III/1, 372-441.
47. Hawkins J. D. (1988). Kuzi-Tešub and the «Great Kings» of Karkamis, *AnSt*, 38, 99-108.
48. Houwink ten Cate Ph. H. J. (1996) The Dynastic Marriages of the Period between ca.1258 and 1244 B.C., *Altorientalische Forschungen*, 1996/1, 40-75.
49. Kelly-Buccellati M. (1990). Trade in Metals in the Third Millennium: Northeastern Syria and Eastern Anatolia, In: *Resurrecting the Past* (eds. P.Matthiae et al.), Istanbul, 117-131.
50. Kessler K. (1986). Zu den Beziehungen zwischen Urartu und Mesopotamien. – In: *Das Reich Urartu. Ein altorientalischen Staat im 1. Jahrtausend v.Chr.* (Hrsg. V.Haas), XENIA 17, Konstanz, 59-86.
51. Klengel H. (1966). Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der altorientalischen Gebirgsvölker, *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung* 11, 349-371.
52. Klengel H. (1976). Nochmals zu Isuwa, *OA* 15, 85-89.
53. Klengel H. et al. (1999). *Geschichte des Hethitischen Reiches*, Leiden - Boston - Köln.
54. Konyar E. (2006). Old Hittite Presence in the East of the Euphrates in the Light of the Stratigraphical Data from Imikuşağı (Elâziğ). – in: *Structuring and Dating in Hittite Archaeology. Byzas 4* (eds. D.P.Mielke, U.-D.Schoop, J.Seeher), Istanbul, 333-348.
55. Kosyan A.V. (2002). Sargon II and Kurtis of Atuna: an Interpretation. - In: *Studia Linguarum 3/1 (Memoriae A.A.Korolev dicata)*, Moscow, 191-203.
56. Kosyan A.V. (2006). Arnuwandas I in the East, *AJNES* I, 72-97.
57. Kosyan A.V. (2009). On the Ethnic Background of Isuwa (a Preliminary Study), *AJNES* IV/2, 85-97.
58. Kosyan A.V. (2010). Western Periphery of Urartu and Beyond, *AJNES* V/1, 43-54.
59. Kosyan A.V. (2011). Towards the Hittite Eastern Periphery (KUB XLIX 11), *AJNES* VI/2, 87-94.
60. Kosyan A.V. (2014). To the East of Hatti. – In: *Essays in Honour of Veli Sevin* (ed. A.Özfirat), Istanbul, 277-282.
61. Lambert W.G. (1974). The Reigns of Assurnasirpal II and Shalmaneser III: an Interpretation, *Iraq*, vol.XXXVI, P.1/2, 103-109.
62. Lanfranchi B. (2011). The Expansion of the Neo-Assyrian Empire and its Peripheries: Military, Political and Ideological Resistance. – In: *Lag Troia in Kilikien? Der aktuelle Streit um Homers Ilias* (Hrsg. R.Rollinger und Ch.Ulf), Darmstadt, 219-233.
63. Laroche E. (1958). Lécanomancie hittite, *Revue asiatique* 52, 150-162.
64. Larsen M.T. (1979). The Tradition of Empire in Mesopotamia. – In: *Power and Propaganda* (eds. M.T.Larsen), Copenhagen, 75-109.
65. Lewy H. (2008). Assyria c. 2600-1816 B.B. – In: *CAH* III, vol.I/2, 729-770.
66. Liverani M. (1987). The Collapse of the Near Eastern Regional System at the End of the Bronze Age: the Case of Syria. - In: *Center and Periphery in the Ancient World* (eds.M.Rowlands, M.Larsen and K.Kristiansen). Cambridge, 66-73.
67. Liverani M. (1988). The Growth of the Assyrian Empire in the Habur/Middle Euphrates area: a new Paradigm, *State Archives of Assyria and Babylonia* II, 81-98.
68. Loon van M. (1978). *Korucutepe*, vol 2, Amsterdam.
69. Matney T., M. Roaf, MacGinnis J., H. McDonald. (2002). Archaeological Investigations at Ziyaret tepe, 2000 and 2001, *Anatolica* 27, 47-89.

70. Matney T., MacGinnis J., McDonald H., Nicoll K., Rainville L., M.Roaf, Smith M.L., D.Stein (2003). Archaeological Investigations at Ziyaret tepe – 2002, *Anatolica* 29, 175-221.
71. Neumann J. and Parpola S. 1987, Climatic Change and the Eleventh-Tenth Century Eclipse of Assyria and Babylonia, *Journal of Near-Eastern Studies* 46/3, 161-182.
72. Oded B. (1979) *Mass Deportations and Deporties in the Neo-Assyrian Empire*, Wiesbaden.
73. Orlin L. L. (1970). *Assyrian Colonies in Cappadocia*, The Hague – Paris.
74. Otten H. (1988). *Die Bronzetafel aus Boğazköy. Ein Staatsvertrag Tuthalijaš IV*, Wiesbaden.
75. Parker B. J. (2003). Archaeological Manifestations of Empire: Assyria's Imprint on Southeastern Anatolia, *American Journal of Archaeology* 107/4, 525-557.
76. Parker B. J. (2006). Toward an Understanding of Borderland Processes, *American Antiquity* 71/1, 77-100.
77. Parker B. J and L. S.Dodd. (2003). The Early Second Millennium Ceramic Assemblage from Kenan Tepe, South Eastern Turkey. A Preliminary Assessment, *AnSt* 53, 33-69.
78. Parker B. J., Creekmore A., Dodd L. S., Paine R., Meegan C., Moseman E., Abraham M., P.Cobb (2003). The Upper Tigris Archaeological Research Project (UTARP): a Preliminary Report from the 2001 Field Season, *Anatolica* XXIX, 103-174.
79. Parker B. and L.S.Dodd (2005). The Upper Tigris Archaeological Research Project: a Preliminary Report from the 2002 Field Season, *Anatolica* XXXI, 69-110.
80. Radner K. (2004). *Das Mittelassyrische Tontafelarchiv von Giricano/Dunnu-ša-Uzibi*, Brepols, Turnout.
81. Radner K. (2012). Between a Rock and a Hard Place: Musasir, Ukku, Kumme and Šubria – the Buffer States Between Assyria and Urartu. – In: Biainili-Urartu (eds. S.Kroll et al.), München, 243-264.
82. Ristvet L. and H.Weiss (2000). Imperial Responces to Environmental Dynamics at Late Third Millennium Tell Leilan, *Orient-Express* 4, 94-99.
83. Russell H. F. (1984). Shalmaneser's Campaign to Urartu in 856 B.C. and the Historical Geography of Eastern Anatolia According to the Assyrian Sources, *AnSt* 34, 171-201.
84. Salvini M. (1967). *Nairi e Uruatri*, Roma.
85. Sevin V. (1991). The Early Iron Age in the Elâziğ Region and the Problem of the Mushkians, *AnSt* 41, 87-97.
86. Singer I. (1985). The Battle of Nihriya and the End of the Hittite Empire, *Zeitschrift für Assyriologie* 75, 100-123.
87. Szuchman J. J. (2007). *Prelude to Empire: Middle Assyrian Hanigalbat and the Rise of the Aramaeans*, Los Angeles.
88. Şerifoğlu T. E. (2007). The Malatya-Elâziğ Region during the Middle Bronze Age: A Re-Evaluation of the Archaeological Evidence, *AnSt* 57, 101-114.
89. Tadmor H. (1994). *The Inscriptions of Tiglath-pileser III, King of Assyria*, Jerusalem.
90. Tadmor H. and Sh.Yamada (2011). *The Royal Inscriptions of Tiglath-pileser III (744-727 BC), and Shalmaneser V (726-722 BC), Kings of Assyria (The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period, vol.I)*, Winona Lake/Indiana.
91. Tani N. (2001). More About the „Hešni Conspiracy», *Altorientalische Forschungen* 28, 154-164.
92. Veenhof K. R. (1972). *Aspects of Old Assyrian Trade and its Terminology*, Leiden.
93. Ward W. A. and M. Sh. Joukowsky (eds.) (1992). *The Crisis Years. The 12th Century B.C. From Beyond the Danube to the Tigris*, Dubuque.
94. Wäfler M. (1980-1981). Zum assyrisch-urartäischen Westkonflikt, *Acta praehistorica et archaeologica* 11/12, 79-97.
95. Weiss H. (1983). Excavations at Tell Leilan and the Origins of North Mesopotamian Cities in the Third Millennium B.C., *Paléorient* 9 (2), 39-52.
96. Weiss, H., and M.-A. Courty (1993). The Genesis and Collapse of the Akkadian Empire. – In: *Akkad, The First World Empire*, Sargon (ed. M. Liverani), Padua, 131-155.

97. Wilhelm G. (1989). *The Hurrians*, Warminster.
98. Winn Sh. M. M. (1981). Burial evidence and the Kurgan culture in Eastern Anatolia, 3000 B.C.: an interpretation, *Journal of Indo-European Studies* 9, 113-118.
99. Yakar J. (1984). Regional and Local Schools of Metalwork in Early Bronze Age Anatolia. P.I, *AnSt* 34, 59-86.
100. Yakar J. and Gürsan-Salzman A. (1979). Archaeological Survey in the Malatya and Sivas Provinces, *Tel Aviv* 6, 34-53.

СОКРАЩЕНИЯ

- СНБСВ – Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ер.
- ИДВ – История Древнего Востока, т. I-II, под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1983–1988.
- ИДМ – История Древнего Мира, т. I-III, под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой. М., 1989.
- ИСАС – История сопредельных с Арменией стран, т.I: Древний период, ред. А. Косян Ер., 2013.
- ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ер.
- AnSt - *Anatolian Studies*, London.
- САН – *Cambridge Ancient History*, Cambridge.
- CANE – *Civilizations of the Ancient Near East* (eds. J.Sasson et al.), New York, 1995.
- ИBoT - *Istanbul Arkeoloji Müzelerinde Bulunan Boğazköy Tabletlerinden Seçme Metinler* (H.Bozkurt-M. Çiğ-H.G.Güterbock), Istanbul, 1944, Bd.I
- JEOL - *Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux»*, Leidens.
- КBo - *Keilschrifttexte aus Boghazköy*, Leipzig und Berlin, 1916ff.
- KUB - *Keilschrifturkunden aus Boghazköy*, Berlin.
- RGTC 5 – Kh.Nashef, *Die Orts- und Gewässernamen der mittelbabylonischen und mittelassyrischen Zeit*, Wiesbaden, 1982.

Б. В. МАИЛЯН

(Российско-Армянский университет, Институт Востоковедения НАН РА)

ПОНТИЙСКАЯ (КОЛХИДСКАЯ) КОНТАКТНАЯ ЗОНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА АНТИЧНОСТИ

Аннотация

Понятие «понтийская контактная зона» ранее не использовалось в специальной научной литературе. Это смежный исторический субрегион Восточного (Кавказского) Причерноморья, который совмещает северо-восток Малой Азии с Западным Кавказом. Это также западный фронт Южного Кавказа – древняя Колхида. Она, еще задолго до появления античной ойкумены, уже служила естественным продолжением и важным узлом на северном крыле большой приевфратской контактной зоны. Понтийский межцивилизационный коридор стал той медиативной зоной, который дал мощный импульс, по меньшей мере, для формирования абхазо-адыгских и мегрело-чанских народностей. Понтийская контактная зона, которая с древнейших времен характеризуется постоянством коммуникационных путей по вектору Юг-Север, в античную эпоху получила свое естественное развитие в формате Запад-Восток. В этом контексте она функционировала в полном объеме вплоть до ранневизантийского периода.

Ключевые слова: Кавказ, Понт, Колхида, контактная зона, межцивилизационный коридор, фронт, лимитроф.

Abstract

The concept of «Pontic contact zone» has not previously been used in the peer-reviewed literature. It is adjacent to the historic East (Caucasian) subregion Black Sea region, which combines the north-east of Asia Minor with the Western Caucasus. This is also the western frontier of the South Caucasus - the ancient Colchis. It is, long before the appearance of antique ecumene, has served as a natural continuation and an important hub on the north wing of the Euphrates contact large zone. Pontus intercivilizations corridor became a mediator of the area, which gave a powerful impetus, at least for the formation of the Abkhaz-Adyghe and Megrelo-Chane nationalities. Pontian contact zone, which since ancient times, characterized by constant communication routes on the North-South vector, in antiquity derived its natural development in the East-West format. In this context it functions in its entirety until the early Byzantine period.

Keywords: Caucasus, Pont, Colchis, the contact zone, intercivilizations corridor, frontier, limitrophe.

Ամփոփում

Մասնագիտական գրականության մեջ մինչ օրս չի կիրառվել «Պոնտական շփման գոտի» եզրը: Դա Արևելյան (Կովկասյան) Մերձսևծովյան տարածաշրջանին ենթակա պատմական մարզն է, որը կից է և համատեղում է Արևմտյան Կովկասի հետ Փոքր Ասիայի հյուսիսարևելքը: Սա հավասարապես Հարավային Կովկասի արևմտյան ճակատն է՝ հին Կողքիսը: Վաղեմի դարերից, մինչև անտիկ շրջանի օյկումենայի ի հայտ գալը, գտնվելով մերձեփրատյան շփման գոտու հյուսիսային թևին՝ նա արդեն գործնականում ծառայում էր որպես կարևոր հանգույց և դրա բնականոն շարունակություն: Պոնտական միջքաղաքակրթական միջանցքը դարձավ այն շփման գոտին, որը հզոր զարկ տվեց նվազագույնս արխազ-ադիդական և մեգրել-ճանական ժողովուրդների ձևավորվելու համար: Պոնտական շփման գոտին վաղեմի ժամանակներից բնորոշվում էր Հարավ-Հյուսիս տարանցիկ կապերի մնայունությամբ, իսկ

անտիկ շրջանում ձեռք բերեց նաև Արևմուտք-Արևելք բնականոն զարգացման ձևաչափը: Նա ամբողջ իր ներուժով այս համապատասխան գործեց ընդհուպ մինչև վաղըրուզանդական ժամանակաշրջանը:

Հիմնարաներ. Կովկաս, Պոնտոս, Կոդրիս, շիման գորի, միջքաղաքակրթական միջանցք, ճակատագրիժ, լիմիտրոֆ:

На основе сопоставления и анализа разнообразного фактологического материала в исследовании выдвинуто новое понятие – Понтийская контактная зона, что является научной инновацией, так как оно ранее не использовалось в специальной литературе. Это смежный исторический субрегион Восточного (Кавказского) Причерноморья, который соединял северо-восточную часть Малой Азии с Западным Кавказом и, что самое важное, с древнейших времен до поздней античности служил важным коридором для контактов разных этносов и цивилизаций. Этот субрегион был известен у древних греков также под таинственным термином Колхида. Следовательно, равноценным обозначением для локализуемого нами ареала вполне может служить другое название – Колхидский фронт. Он, еще задолго до появления античной ойкумены, уже являлся естественным продолжением и важным узлом на северном крыле большой приевфратской контактной зоны. Последняя, безусловно, на протяжении нескольких тысячелетий связывала между собой в единый формат три сопредельных исторических региона, которые являются колыбелью ряда древних этносов – Малую Азию, Армянское нагорье и Кавказ.

Для Кавказа характерна одна очень важная черта: он на протяжении всей истории был и по сей день остается этнически и культурно весьма пестрым. Кавказ был и является географическим ареалом скопления, сосуществования различных культур и этносов. На основе множества весомых фактов можно сделать вполне обоснованный вывод, что понтийский коридор стал той медиативной зоной, которая дала мощный импульс, по меньшей мере, для формирования абхазо-адыгских и мегрело-чанских народностей.

Их объединяет также то, что они, находясь в сфере античного влияния (древнегреческого, римского и ранневизантийского), помимо всего прочего, в немалой степени взаимодействовали через Понтийскую контактную зону с цивилизациями западного мира.

Кавказ и Малая Азия – два смежных очага древних цивилизаций – неразрывно связаны между собой с отдаленнейших эпох. В специальной литературе давно высказываются предположения об этнической связи древнейшего населения северо-восточной части Малой Азии с этносами Кавказского Причерноморья. Прежде всего, обращает на себя внимание близость, а иногда и совпадение некоторых западнокавказских и малоазийских племенных названий. Так, с названием «каски» предположительно сопоставляется этноним «касоги» («косоги», «кашаги» «кешаги»), который мы встречаем в византийских, арабских, древнегрузинских, древнеармянских, древнерусских средневековых источниках как наименование адыгских племен, обитавших в Прикубанье. Впервые это название мы находим у византийского автора Епифания, жившего на рубеже VIII–IX в., а в X в. у другого византийского историка – императора Константина Багрянородного. В арабских источниках, например, у автора X в. Масуди, касоги известны под именем «кашак», «кешак». И теперь еще термином «кашаг» осетины и сваны называют кабардинцев, более того – адыгов вообще. Кроме того, этнический термин каски (kaš=kaš), по мнению ряда авторов, является прототипом наименования «Кавказ», которое затем перешло как обозначение страны к другим народам древности¹.

Этноним же «абешла», встречающийся в тех же ассирийских источниках, возможно

1 Редер 1947: 263.

связать с абхазским этнонимом «апсилы», засвидетельствованным на территории Абхазии впервые Плинием, легшим в основу и общего самоназвания абхазов – апсуа.

Большинство исследователей (за исключением некоторых грузинских ученых), относят каски и абешла к древнейшему местному населению Малой Азии. Каски упоминаются в хеттских, египетских, ассирийских, урартских и некоторых других древневосточных исторических источниках с XVII по VIII–VII вв. до н.э. По мнению многих авторов, каски жили к северу и северо-востоку от Хеттского царства, от нижнего до верхнего течения реки Галисибылине непосредственными соседями царства Хайаса². Во время походов ассирийцы сталкивались с касками и абешла, причем последние по более ранним (хеттским) источникам были, по-видимому, неизвестны³.

Собирательный характер этнического термина «каска» выступает в анналах Тиглатпаласара I, где указывается, что абешла входила в состав «касков»⁴. Синонимичность «кашка» и «абешла» – существенный факт, который также по линии племенных названий роднит эти малоазийские этнонимы с западнокавказским этническим миром, а взаимозаменяемость этих названий сегодня не вызывает сомнений.

Большое значение для инновационных исследований в области определения контуров древних мир-систем имеют изыскания ученых-генетиков. Несомненно, что их открытия уже вышли на передний край современных научных знаний. Так, последние исследования в этой области могут быть чрезвычайно удобны для более точного выявления древних межцивилизационных контактных зон. Правда, их выводы больше согласуются с миграционными моделями. Взаимоотношения популяций Западного Кавказа

с Анатолией по мужской линии демонстрирует также гаплогруппа G-M201, в особенности G2a-P15 (44,1%), которая, судя по времени коалесценции в 9900 ± 2400 лет, имеет неолитическое происхождение на Западном Кавказе⁵. Обширная сводка, касающаяся проблемы этногенеза абхазо-адыгских народов и вопросов их ранней этнической истории дана в работе И. Бызова. В частности, основным его выводом является то, что майкопская археологическая культура не является по своей этнолингвистической природе абхазо-адыгской и им приводятся на этот счет данные археологии, лингвистики и генетики. Вместе с тем, археологические исследования в Абхазии указывают на исчезновение к концу III тыс. до н.э. на ее территории следов майкопской археологической культуры и говорят об активном продвижении прибрежных племен предшествующей и синхронной Майкопу эпох к горным перевалам Главного Кавказского хребта и далее на северо-запад, вдоль Черноморского побережья. Племена эти коренным образом отличны в культурно-хозяйственном плане от племен майкопской археологической культуры. Этот факт недвусмысленно свидетельствует в пользу тех выводов, что исходная точка продвижения предков абхазов и адыгов на Северный Кавказ лежит на территории северо-восточной Анатолии, то есть Понта, что стыкуется с отсутствием культурной преемственности между майкопской археологической культурой района Кавказского Причерноморья и последующими его обитателями⁶.

В последнее время стала получать новую подпитку и теория о нахождении здесь доабхазо-адыгского субстрата, в частности индоарийского. Речь идет о работах Б. Джонуа, специалиста по кавказским языкам. Им на достаточно обширном топонимическом материале приводятся, на его взгляд, веские доводы в пользу не автохтонности абхазо-ады-

2 Гамкрелидзе, Гиоргадзе, Менабде 1961: 154.

3 Дьяконов 1951: 271, 272, 278, 279.

4 Дьяконов 1968: 123.

5 Литвинов 2010: 19.

6 Бызов 2011: 564.

гов на этой территории и появления последних в Восточном Причерноморье и Северо-Западном Кавказе лишь на рубежах конца бронзы и начала раннего железа. В частности, в одной из своих работ он пишет, что на территории современной Абхазии жили индоарийские племена, которые оставили здесь свои следы в культуре, в топонимии и лексическом фонде⁷. Он определяет и хронологию вероятного начала миграции этих племен. Ему более вероятным представляется, что упоминаемые в Передней Азии абешла и каски, покинув свои земли, скорее всего, в конце VIII в. до н. э. из-за постоянных набегов ассирийцев, двинулись в сторону Кавказа. На данной территории они, предположительно, абхазо-адыги застали индоарийские племена⁸. В работе же А. К. Шапошникова также выдвигается тезис о том, что многочисленные этнонимы Западного Кавказа и Восточного Причерноморья имеют свое объяснение через индоевропейские и индоарийские языки. Похоже, Колхида (Кавказское Причерноморье) была первоначальной прародиной синдо-меотской группы диалектов⁹. Таким образом, носителей этих диалектов, вероятно, можно связать с майкопской археологической культурой.

В большинстве случаев эти сведения не расходятся с основными положениями об этнической истории абхазо-адыгских народов, сложившимися в среде большинства специалистов кавказоведов. Но, опираясь на данные о времени распада этой общности, можно предположить, что майкопская археологическая культура не могла быть создана абхазо-адыгами. Вполне можно высказать догадку, что предки абхазо-адыгских народов в период возникновения и бытования майкопской археологической культуры еще не вышли на северный склон Большого Кавказа, а располагались на территории Западного Закавказья

и Восточной Анатолии. Данные генетических наблюдений в целом подтверждают мнение многих историков о непосредственном переднеазиатском импульсе в раннем этногенезе кавказских племен. Однако самым любопытным выводом является то, что генетические данные свидетельствуют о гетерогенности в сложении большинства народов. Это имеет очень большое значение, так как с точки зрения этногенеза скорее на ранних этапах преобладали процессы конвергенции популяций в сложении древнего этногенетического покрова.

Лингвистическое родство северокавказских языков на сегодняшний день у большинства лингвистов не вызывает возражений – это энциклопедическая аксиома. По общепринятой классификации, все они делятся на восточно-кавказскую и западно-кавказскую группы, включающие в свой состав как живые, так и мертвые языки. Время дивергенции этих двух групп приходится, на конец VI – начало V тыс. до н.э. Между тем анализ Y-хромосомного пула каждого из взятых народов в отдельности указывает на абсолютно независимое существование в течение как минимум полтора десятка тысячелетий нескольких человеческих популяций, которые впоследствии оказались объединенными в пределах одной лингвистической семьи¹⁰. В работе Х. Д. Дибировой проведена обширная исследовательская работа, которая легла в основу ее кандидатской диссертации. Автором приводятся веские доводы генетической структуры населения Кавказа и его связи с языковой классификацией. Основные выводы автора в целом интересны тем, что отстаивают точку зрения о ярко выраженной гетерогенности основных представителей северокавказской языковой семьи. Анализ 80T и ЭТИ полиморфизма Y хромосомы для 1917 представителей 22 популяций Кавказа выявил, что его популяции четко подразделены на 4 лингвистико-географических региона – в ге-

7 Джонуа 2000: 125.

8 Джонуа 2002: 38-39.

9 Шапошников 2005: 49.

10 Бызов 2011: 571.

нофонде каждого преобладает лишь один вариант Y хромосомы. Впервые показано, что генофонды Западного и Центрального Кавказа резко различаются: популяции Западного Кавказа характеризует гаплогруппа C2a3b-R303, популяции Центрального Кавказа – гаплогруппа C2a1a-P18¹¹. И далее этот автор указывает на несомненно переднеазиатское происхождение всех представителей этой семьи. Совокупность результатов по БОТ и ЭТИ полиморфизму Y хромосомы свидетельствует, что население Кавказа сформировалось в ходе заселения из Передней Азии в верхнем палеолите, а последующие миграции как из Европы, так и из Азии оказали весьма ограниченное влияние. Основным фактором микроэволюции на Кавказе стал дрейф генов в сочетании с географической изоляцией, что привело к параллелизму в генетической и лингвистической структуре¹². По сути дела, подобная оценка генетических данных, на наш взгляд, опять-таки согласуется с точкой зрения о несомненно древнем проникновении основных физических носителей, и о том, что дифференциация этого населения явление вторичное. В работе Э. А. Почешховой так же проведен достаточно большой анализ генетического материала по кавказским народам. В большинстве случаев она также считает, что лингвистическая группировка, по сути дела, совпадает с генетическими данными. Основной вывод автора исследования: генетическая классификация, по сути, точно отражает антропоисторическое группирование и в целом не противоречит выводам этногенетического характера. Генофонд народов Западного Кавказа впервые был изучен по широкому спектру ДНК и классических маркеров в контексте крупных регионов Евразии и обнаружил максимальную близость к генофонду Юго-Западной Азии¹³.

11 Дибирова 2011: 5.

12 Там же: 5.

13 Почешхова 2008: 40.

Проблеме факторов миграции и автохтонного развития уделил внимание и первый абхазский археолог М. М. Трапш. По его мнению, происходил симбиоз пришлых племен кашко-абешла с местными племенами Западного Кавказа. При этом он считал, что ведущую роль в этногенезе следует отдавать именно пришлому элементу из Малой Азии: «племена, переселявшиеся с юга, постепенно смешивались с коренным населением края»¹⁴.

В последнем учебнике истории Абхазии авторами О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба также затрагиваются указанные проблемы. Они, правда, придерживаются мнения, что прародиной абхазо-адыгов была Колхидская экологическая ниша и прилегающие северо-восточные области Малой Азии, где во втором – начале первого тысячелетия до н. э. проживали родственные абхазо-адыгам кашки-абешла¹⁵.

Академик С. Н. Джанашия, в свою очередь, также поддерживал гипотезу о продвижении в далеком прошлом предков абхазо-адыгской этнической группы, как и картвельской, с юга на север¹⁶.

Кавказское побережье Черного моря служило мостом, связывающим Кавказ с Передней Азией. Представители народов, которым приходилось продвигаться по этому «мосту», частично оседали на пути своего следования, тем самым усложняя этническую карту края.

В работе Я. А. Федорова также уделено большое внимание факторам миграции в процессе проникновения нового населения на Кавказ. Можно полагать, что именно ко второй половине IV тысячелетия относится начало экспансии анатолийских племен в сторону Кавказа¹⁷.

Однако есть сторонники теории обратного движения, с севера на юг. Нельзя пройти

14 Трапш 1970: 79.

15 Бгажба, Лакоба 2007: 11.

16 Джанашия 1940.

17 Федоров 1973: 57.

мимо теорий известного грузинского ученого, археолога О. М. Джапаридзе, который в ряде своих обобщенных монографий и некоторых других работах также коснулся проблем миграций в большой контактной зоне Западного Кавказа и северо-востока Малой Азии. В самых общих чертах в большинстве случаев он придерживается идеи автохтонности кавказских народов. О. М. Джапаридзе теоретизирует идею изначального формирования кавказоязычных народов на данной территории с эпохи каменного века. Прослеженные с конца древнекаменного века и мезолита некоторые локальные особенности кавказской палеолитической культуры, возможно, отражали пока еще незначительные изменения, происшедшие в языковом единстве. Поэтому можно предположить, что истоки распада кавказского культурного и языкового единства восходят, скорее всего, к переходному периоду от палеолита к мезолиту¹⁸. Подобного взгляда О. М. Джапаридзе придерживается и в последующих работах. В ряде случаев он указывает и вероятный очаг сложения кавказской общности, и хронологически вероятный период этого единства. Но все же не исключена вероятность, что основная территория формирования общего языкового состояния для всех кавказских языков, скорее всего, находилась в западно-закавказском регионе, где к этому времени сконцентрировалась наибольшая часть населения. Эпоха, предшествовавшая распаду общекавказского языка, хронологически могла совпадать с концом древнекаменного века и мезолита, где-то в пределах XII–X тысячелетия до н. э.¹⁹. Грузинский автор так же допускает вероятное родство абхазо-адыгских языков с хаттским и считает возможным их совместное существование и на территории Кавказа, то есть, предполагает северный путь проникновения хаттов в районы Анатолии. Абхазо-адыгские и, возможно, родственные им хатт-

ские племена после распада общекавказского единства занимали преимущественно западную часть Кавказа. Возможно, полагает О. М. Джапаридзе, проникновение на запад в первой половине III тысячелетия до н. э. картвельских племен было одной из причин перемещения хаттских племен на юг²⁰.

В какой-то мере аналогичного взгляда придерживался в свое время еще археолог Г. Л. Кавтарадзе. Им выдвигается тезис о том, что первоначальной прародиной хатто-абхазо-адыгской общности следует считать области Северо-Западного Кавказа, откуда они затем переселились в Центральную Анатолию²¹. В принципе подобное положение не противоречит, по сути, признанию автохтонности и аборигенности абхазо-адыгов на Кавказе. Но в данном контексте автор пытается поддержать идею о наличии в областях Восточного Причерноморья и Центральной Анатолии пракартвельского населения. Эту точку зрения поддерживает Г. Г. Гиоргадзе, который пишет, что в центральной Анатолии хатты появились в результате переселения с Северного Кавказа где-то в эпоху ранней бронзы, принеся с собой культуру «царских гробниц», а прехаттскими, то есть автохтонными племенами здесь были пракартвельские племена²².

Однако подобные гипотезы, по мнению ученого из Абхазии Д. А. Канделаки, несомненно, наталкиваются на определенные трудности историко-культурного плана, более того в большинстве случаев в литературе всё-таки превагирует точка зрения о несомненно анатолийском импульсе в этнокультурных процессах Кавказа, да и само нахождение пракартвелов в столь отдаленное время еще в до хаттскую эпоху не согласуется с современными представлениями в области древних языков Передней и Малой Азии²³. В дей-

18 Джапаридзе 1976: 318.

19 Джапаридзе 1989: 385.

20 Джапаридзе 1976: 340.

21 Кавтарадзе 1975.

22 Кавтарадзе 1992: 37-39.

23 Канделаки 2013: 238.

ствительности, предположение о миграции хаттов из Северного Кавказа в Малую Азию не находит подтверждения ни в хеттских, ни в каких-либо других исторических источниках.

Догадки же о родстве некоторых древних языков Передней Азии, прежде всего протохеттского, с языками народов Западного Кавказа (абхазского, убыхского, адыгских) высказываются уже давно. Даже устанавливается ряд важных сходных черт как в грамматической структуре этих языков, прежде всего убыхского и абхазского, так и в их лексике, хотя лингвистическая наука далека еще от окончательного решения этой трудной проблемы. Тем не менее, некоторая языковая общность заставляет специалистов склоняться к тому, что каскские и хаттские племена не только издревле жили на смежных территориях, но были в то же время близкородственны между собой²⁴.

С. А. Старостин, изучая коренные кавказские языки, в частности, их культурную лексику, приходит к важным выводам, доказывающим вхождение в северокавказскую семью таких языков древней Передней Азии, как хаттский и хуррито-урартские, в свете чего представляется реальной гипотеза о более южной (переднеазиатской) прародине кавказских языков. Тот факт, что хаттский язык обнаруживает специфическую близость к абхазо-адыгским языкам, а хуррито-урартские – к нахско-дегестанским, можно говорить о том, что разделение общекавказского языка произошло еще на юге, возможно, к концу IV тысячелетия до н. э.²⁵

Упомянув о необычайном многоязычии Кавказа, древние недаром называли его «горю языков»²⁶. Вместе с тем, Страбон все население Кавказского Причерноморья сводит к двум этническим группам, называя все земли между побережьем и горами «странами

колхов и гениохов». Вряд ли может сегодня вызвать какое-либо сомнение, что «гениохи» это собирательное название, включавшее целый ряд более мелких этнически родственных групп, локализовавшихся в различных пунктах побережья восточной части Черного моря, в том числе и на территории современной Абхазии. Страбон на рубеже новой эры сообщает, что «в Диоскурии (Сухум) собирается 70 народностей... Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто»²⁷. Упоминание Страбона о 70 языках тоже, по-видимому, не является большим преувеличением, потому что до сих пор разнообразие языков народов, населяющих местности по обе стороны Большого кавказского хребта, поражает воображение. Думается, в древности оно было еще значительнее.

Колхидская археологическая культура широко представлена не только на территории современной Западной Грузии и Абхазии, но и на прилегающих к ним территориях. С северо-запада, например, в районе Большого Сочи и его окрестностей, она характеризуется бронзовыми топорами и так называемой «текстильной» керамикой. По мнению известного ученого Ю. Воронова, преобладание в металлических изделиях черт колхидской археологической культуры, а также наличие поселений с «текстильной» керамикой позволяют допустить этническое единство обладателей этих изделий с населением более южных районов, т. е. предполагать их принадлежность к абхазо-адыгским племенам, известным под именем гениохов²⁸. Как полагает известный грузинский историк З. Папаскири, вопрос же о том, что колхи – западно-грузинское (мегрело-чанское) племя – давно решен в науке. Несмотря на то, что вполне допустимо и собирательное значение термина «колхи», куда могут быть включены и некоторые некартвельские племена, утверждает он, не должно вызывать никакого сомнения

24 Гиоргадзе 1961: 201, 205, 206, 209, 210.

25 Старостин 1985: 89.

26 Геродот 1947: 252.

27 Страбон 1964: 472.

28 Воронов 1979: 57, 60, 67, 68.

первоначальное этническое содержание термина «колхи», которое, прежде всего, подразумевает мегрело-чанское население в пределах исторической Колхиды²⁹. Абхазские авторы, напротив, находят, что этноним «колхи» не всегда может определенно и безошибочно указывать на этническую принадлежность той либо иной группы населения региона Западного Кавказа в древности³⁰. Следовательно, надо понимать, что колхи – это все же собирательное название немалого числа племен, впрочем, разноязычных³¹. Таким образом, понятия «Колхида» и «колхи» неразрывно связаны с территорией от реки Бзыбь до Трапезунта и дальше³².

Племенная раздробленность и разобщенность, подвижность населения, непрочность родоплеменных сообществ, отсутствие централизованного политического объединения ограничивали не только возможности сопротивления внешним нашествиям, но мешали и консолидации местных племен Кавказского Причерноморья в единую народность с постоянной территорией и прочной государственной организацией. С другой стороны, продолжительные интенсивные связи разного характера и взаимодействия с культурными центрами античного мира, способствовали общему их подъему, ускорению социально-экономического и этнокультурного развития. Археология показывает, что население Колхиды находилось в то время на стадии общинно-родового строя и только начало переходить к племенному делению с выделением вождей и жрецов³³. Колхида, еще задолго до появления греков, имела хорошо развитое ремесло по изготовлению бронзовых изделий и налаженные контакты с Хорезмом. Последние осуществлялись через торговые пути по Амударье и Каспийскому

морю, по которым среднеазиатские и индийские товары шли на Кавказ. Греки poznали Колхиду благодаря торговле через Понт Эвксинский. Начиная с первой половины VI в. до н. э. в Колхиде появляются греческие города-колонии, например, Фасис, который будущи гаванью, являлся также отправной точкой транскавказского торгового пути, идущего от моря по судоходной реке Рион к Сурамскому перевалу и далее во внутренние районы Южного Кавказа.

В древнегреческой мифологии Кавказ был покрыт загадочным ореолом. Название Диоскуриады – прославленного античного полиса на месте современного города Сухум – древние греки связывали с именами участников мифического похода аргонавтов – покровителей мореходства, колонизации и колонистов, братьев-близнецов Диоскуров – Кастора и Полидевка. Приход сюда греков резко подтолкнул развитие цивилизации в этих местах, ибо греческое культурное влияние проникло далеко за пределы экономической зоны греческих городов-государств. Раскопки поселений аборигенов обнаружили все возрастающее с VI в. до н. э. культурное влияние со стороны греков, которое, в общем, можно назвать эллинизацией. Жители таких городищ, по существу, должны были представлять собой смешанное греко-местное эллинизированное население с преобладанием в одних случаях греческих, а в других – местных элементов культуры в зависимости от того, в расцвете ли находилась греческая колония либо уже клонилась к упадку.

Если до II в. до н. э. Диоскуриада упоминалась в источниках разве только как крайняя восточная точка распространения греческого мира, то с этого времени она начала играть некоторую, пусть незначительную, но все же роль в политической жизни древнего мира. II в. до н. э. – это также начало экспансии Рима, захвата новых территорий и, прежде всего, территорий эллинистических государств на востоке. Здесь, на Черном море и в Малой Азии ему пытаются противостоять Понтий-

29 Папаскири 2003: 8.

30 Шамба 2005: 81.

31 Скаков 2011: 126.

32 Кишмахов 2011: 126.

33 Дреер 1994: 27.

ское царство, которое включило Кавказское Причерноморье в свои политические границы. Приобретение Колхиды Митридатом Евпатором стало, по-видимому, важным шагом к осуществлению его грандиозного плана по интеграции всех припонтийских земель и, в итоге, создание нечто вроде Понтийской державной федерации³⁴. Римляне, однако, справились с этой задачей несравненно более успешно. Видимо, вскоре после подчинения Колхиды римлянами город Диоскуриада был переименован ими в Себастополис. Предположительно это произошло в 20-х годах I в. н. э., поскольку именно в это время многие колонии были переименованы однотипно в честь нового титула императора Рима Августа-Себаста («священного»). В связи с чем Диоскуриада удостоилась такой почести, не известно. В это же время создается цепь приморских укреплений. Одним из главных опорных пунктов его стал Себастополис.

На протяжении столетий в качестве основного средства защиты своих пограничных рубежей римляне использовали кордонные линии, которые представляли собой длинную цепь крепостей с гарнизонами, вытянутую вдоль всей границы. Крепости-кастеллы – небольшие четырёхугольные укрепления с четырьмя выступающими по углам башнями, были равноудалены друг от друга, дабы в случае нападения врага на одну из них гарнизоны других могли сгруппироваться и прийти на помощь осажденным. Одним из таких рубежей Римской империи был лимес, предназначенный для обеспечения защиты северо-восточного сектора римской границы, которая была обращена к Кавказу. Этот лимес не получил еще в научной литературе общепринятого названия, так как его наличие не подтверждено историческими источниками. Однако существование в большом количестве на небольшой территории оборонительных и других сооружений позволило исследователю В. А. Леквинадзе первым выделить данный

участок в отдельный лимес и дать ему название «Понтийского», утверждая, что его главной функцией была защита морских коммуникаций в черноморском бассейне³⁵. Понтийский лимес включал целую цепь римских укреплений от Трапезунта до Пителинта (совр. Пицунда). Он выполнял роль основного плацдарма для кавказской политики Римской империи, служил гарантом лояльности римским властям местных династий в Колхиде, Иверии и Агвании. Предназначался, кроме того, для поддержания римского контроля за проходами через Кавказский хребет.

Таким образом, процесс римского освоения Колхиды стартовал со времен Октавиана Августа. Стремясь защитить малоазийские провинции от постоянных вторжений через Колхиду многочисленных врагов (алан, армян, иверов, персов), императоры возвели на ее территории Понтийский лимес – форпост, который подобно волнорезу разбивал неудержимый натиск волн вражеских нашествий³⁶. Рим осваивал черноморское побережье Кавказа, используя следующий механизм: сначала он цеплялся за узкие участки на побережье, устраивая крепости, а затем проникал во все сферы жизни местных народов, приспособляя их возможности к выполнению своих тактических задач. Большинство этих крепостей создавалось на базе греческих торговых колоний, которые, проще говоря, превращались в военные центры. Возможно, присутствие небольших военных гарнизонов в разное время и в других прибрежных позднеантичных центрах Абхазии, таких как: Зиганис (Гудаа), Гиенос (Очамчир), Трахей (Новый Афон), Нитика (Гагра), Цибилиум (Цебельда). Это также могли быть солдаты XV легиона «*Apollinarisa*» и «*Ala prima Felix Theodosia*» (Первое счастливое крыло Феодосия). В Себастополисе стояла «*Cohors Prima Claudia Equitata*» (Первая Конная Когорта

34 Шелов 1980: 31.

35 Леквинадзе 1969: 84.

36 Остатов 2012: 75-76.

Клавдия)³⁷. Часто Риму не хватало собственных сил для обеспечения охраны границ, поэтому империя нанимала на пограничную службу представителей местного аборигенного населения. Согласно источникам, со второй половины III века по IV век они рекрутировались в абхазское конное формирование римской армии «Ala prima abasgorum» (Первое крыло абазгов) и защищали южные рубежи империи в Египте³⁸.

Функции этих крепостей не ограничивались только военной сферой, параллельно они продолжали оставаться торговыми центрами, осуществляя контакт между жителями Римской империи и местными народами. Солдаты римской армии, которые служили, а затем, после отставки, жили вблизи городов и крепостей, например, в Абхазии стали своего рода медиаторами между культурами Средиземноморья и Кавказа. Первая, прежде всего, представляла собой Греко-Римскую цивилизацию, а вторая – Азиатскую, поэтому крепости Понтийского лимеса, безусловно, играли важную роль межцивилизационного фронта. Другими словами, Понтийская оборонительная линия стала символом римского присутствия в Кавказском Причерноморье.

Позже римские крепости Понтийского лимеса стали использоваться Византией в качестве стратегического плацдарма своей внешней политики на Востоке. В связи с переносом столицы империи из Рима в Константинополь, охрана путей через Кавказский хребет приобретает теперь уже для неё особое значение. Здесь на западно-кавказском побережье византийцы используют ряд римских кастелл. Для этого они реконструировали некоторые из них, пришедшие в упадок, а в предгорной и в горной части Абхазии, как и по всей Колхиде, заперли новыми крепостями ущелья, известные как «клизу-

ры»³⁹. Это была единая и непрерывная система⁴⁰. По сведениям византийских источников видно, что так называемая Клисура действительно являлась той необходимой линией обороны, которая должна была замкнуть открытые для прохождения участки в горной местности, служившей своего рода ключом к Понту, и представляла собой линию крепостей на территории Абасгии (Трахея), Апсилии и Мисиминии (Цибилиум, Шапка, Тцахар, Бухлоон) и Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.)⁴¹. Это стало для Византийской империи началом утверждения её политического влияния на Западном Кавказе. Усиливая своё воздействие в прибрежной восточнопричерноморской и предгорной зоне, Византия превращает её в плацдарм для дальнейшего распространения своего влияния на Северный Кавказ. Начиная с VI века византийцами предпринимаются значительные усилия к укреплению и расширению их всесторонних связей с северокавказскими аланами⁴².

VI век – особая веха в истории Восточного Причерноморья, когда здесь столкнулись интересы двух величайших держав того времени – Ирана и Византии⁴³. Между ними ранее уже разгорелось непримиримое соперничество за господство в странах Передней Азии, за овладение торгово-транзитными путями, которые вели в Китай и Индию. Как известно, через Иран проходил значительный отрезок «Великого шёлкового пути». Персы, естественно, стремились к повышению цен на шёлк, с тем, чтобы выкачать из Византии возможно больше денег и ослабить её в политическом и военном отношении⁴⁴. Византийцы были вынуждены прокладывать новые торговые маршруты из Алании в Абхазию

37 Леквинадзе 1969: 84.

38 Хрушкова 2002: 40.

39 Бгажба, Лакоба 2007: 79.

40 Николаева 1989: 273.

41 Воронов 1998: 44.

42 Волкова 1973: 22.

43 Воронов 1991: 58.

44 Гумилёв 2002: 49.

через Санчарский, Марухский и Клухорский перевалы⁴⁵. Во второй половине VI в. было положено начало новой трассы «Великого шёлкового пути»⁴⁶. Именно на основании археологических данных об импорте, как с одной стороны из Северного Кавказа, так и с другой стороны из Анатолии, чётко рисуется понтийский отрезок «Великого шёлкового пути»⁴⁷.

Таким образом, Понтийская контактная зона, которая с древнейших времен характеризуется постоянством коммуникационных путей по вектору Юг-Север, в античную эпоху получила свое естественное развитие в

формате Запад-Восток. В этом контексте она функционировала в полном объеме вплоть до ранневизантийского периода (поздней античности), когда древний мир стал стремительно разрушаться, и на арену мировой истории вышли совершенно иные, новые, доселе неведомые силы. На протяжении всего средневековья фронтир в Восточном Причерноморье отчасти проявлял себя на стыке уже христианского и исламского миров, образовав здесь ряд лимитрофов, которые и по сей день дают о себе знать на его севере (Абхазия) и юге (Аджария).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. (2007). История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум.
2. Бызов И. (2011). О майкопской культуре, минойской цивилизации и этногенезе вайнахов // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Том 4, № 3.
3. Волкова Н. Г. (1973). Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
4. Воронов Ю. Н. (1979). Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
5. Воронов Ю. Н. (1991). Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху // История Абхазии. Сухум.
6. Воронов Ю. Н. (1998). Колхида на рубеже средневековья. Сухум.
7. Гамкрелидзе Т. В., Гиоргадзе Г. Г., Менабде Э. А. (1961). Рецензия на второе издание книги Альбрехта Гётце «Малая Азия» (Goetze A. Kleinasien. – München. 1957) // ВДИ, № 3.
8. Геродот. (1947). Истории // ВДИ, № 2.
9. Гиоргадзе Г. Г. (1961). К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Том I. М.
10. Гумилёв Л. Н. (2002). Древние тюрки. М.
11. Джанашиа С. Н. (1940). Черкесский [адыгейский] элемент в топонимике Грузии // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Том 1, № 8. Тбилиси.
12. Джапаридзе О. М. (1976). К этнической истории грузинских племен (по данным археологии). Тбилиси (на груз. яз. с русск. резюме).
13. Джапаридзе О. М. (1989). На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси.
14. Дибирова Х. Д. (2011). Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа. Дисс. к. б. н. М.
15. Джонуа Б. Г. (2000). INDOARICA в Абхазии. Абхазоведение. Вып. 1.
16. Джонуа Б. Г. (2002). Заимствованная лексика в абхазском языке. Сухум.
17. Дреер М. (1994). Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ, № 1.

45 Кузьмин 2007:133.

46 История народов Северного Кавказа 1988: 102.

47 Ковалевская 1984: 164.

18. Дреер М. (1994). Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ, № 1.
19. Дьяконов И. М. (1951). Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ, № 2.
20. Дьяконов И. М. (1968). Предыстория армянского народа. Ер.
21. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XIX в. М.1988.
22. Кавтарадзе Г. Л. (1975). К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа. Тезисы доклада. Тбилиси.
23. Кавтарадзе Г. Л. (1992). Вопросы этнической истории Кавказа и Анатолии и проблема хронологии и периодизации (VI–I тыс. до н. э.). Тбилиси.
24. Канделаки Д. А. (2013). Об этногенезе абхазов. Некоторые проблемы источниковедения и историографии // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум.
25. Кишмахов М. Х.-Б. (2011). Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум-Карачаевск.
26. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. (1984). М.
27. Кузьмин В. А. (2007). Великий шёлковый путь на Кавказе. Архитектура караван-сараяв в горной Ингушетии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.
28. Леквинадзе В. А. (1969). Понтийский лимес // ВДИ, № 2.
29. Литвинов С. С. (2010). Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и ALU-инсерций. Автореф. на соиск. уч. степени канд. биол. наук. Уфа.
30. Николаева Э. Я. (1989). Рецензия на работу Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978-1982 гг.). Тбилиси, 1985 // Советская археология, №2. М.
31. Остахов А. А., Ильющин Ю. В. (2012). Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск.
32. Папаскири З. (2003). О национально-государственном облике Абхазии/Грузия. Тбилиси.
33. Почешхова Э. А. (2008). Геногеографическое изучение народов Западного Кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д. м. н. М.
34. Редер Д. Г. (1947). Комментарий к разделу «Восточные тексты» // ВДИ, № 1.
35. Скаков А. Ю. (2011). Абхазия в эпоху античности: Страна на перекрестке культур и коммуникаций // Материалы первой международной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум.
36. Старостин С. А. (1985). Культурная лексика в обще-северокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.
37. Страбон (1964). География. М.
38. Трапш М. М. (1970). Труды в четырех томах. Том I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми.
39. Федоров Я. А. (1973). Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита. Вестник МГУ, № 5.
40. Хрушкова Л. Г. (2002). Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.
41. Шамба Г. К. (2005). Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов (Разыскания по истории Абхазии/Грузия, Тбилиси, 1999) // ВАНА, № 1, Сухум.
42. Шапошников А. К. (2005). INDOARICA в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания, №5.
43. Шелов Д. Б. (1980). Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ, № 3.

Е. Г. МАРГАРЯН И Л. Г. АВЕТИСЯН

ТЕОРИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В XXI ВЕКЕ: СМЕНА МИР-СИСТЕМЫ?

Аннотация

Научные дискуссии по поводу причин разрыва в развитии Запада и Азии по-прежнему имеют место. В связи с этим, все более многосторонним становится изучение многовековой истории великой китайской цивилизации, являющейся одним из краеугольных камней региона. Ученые пытаются переосмыслить пройденный путь Китая с тем, чтобы найти объяснение его многовековому отрыву от Запада и нынешнему взлету.

Данная статья также имеет целью выявление особенностей Китая, сдерживавших его развитие, и факторов, способствующих его стремительному восхождению после долгих лет отставания от прогрессивно развивающегося Запада. Рассматриваются как политико-экономические, так и социально-культурные аспекты эволюции Китая.

Ключевые слова: Китай, развитие, восхождение, цивилизация, культура, экономика.

Abstract

The development gap between Asian and Western countries is still a relevant issue for scholarly community. In this regard, greater number of scholars is doing research on history of Chinese civilization, which has played a crucial role in the region. Scholars are trying to review the whole path that China has passed in order to explain how that country fell and then has started to rise so fast.

This article is also aimed to find out the factors that prevented China from further development, but later on created favorable conditions for its rise. In addition, the author explores not only political and economic, but social and cultural evolution of China as well.

Keywords: China, development, rise, civilization, culture, economy

Ամփոփում

Ասիային և Եվրոպային բաժանող տնտեսական անջրպետը միշտ եղել է և մնում է գիտնականների քննարկման առարկա: Էլ ավելի շատ բազմակողմանի ուսումնասիրություններ են իրականացվում՝ Չինաստանի հարուստ քաղաքակրթության պատմությունը ճանաչելու նպատակով, քանի որ այն մեծ դեր է կատարում տարածաշրջանում: Գիտնականները փորձում են վերանայել Չինաստանի անցած ճանապարհը՝ գտնելու պատճառը Չինաստանի՝ արևմտյան երկրների հետ համեմատած՝ թերզարգացվածության և դրան հաջորդաց վերելքի:

Այս աշխատանքը նպատակ ունի բացահայտելու Չինաստանի այն առանձնահատկությունները, որոնք ժամանակին խանգարել են նրա բնականոն զարգացումը, իսկ այժմ հանդիսանում են նրա վերելքի գրավականը: Հոդվածում ներկայացված են Չինաստանի զարգացման ինչպես քաղաքան և տնտեսական, այնպես էլ սոցիալական և մշակութային ասպեկտները:

Հիմնաբաներ. Չինաստան, զարգացում, վերելք, քաղաքակրթություն, մշակույթ, տնտեսություն

Введение

В течение последних тридцати лет теория международных отношений претерпевает кризис, так как ни одна из основополагающих школ не способна объяснить из-

менения в мировой системе. Неолиберализм и либерализм не учитывают фактор национальной безопасности и политических интересов в формировании поведения субъектов международных отношений, а неореализм и

реализм оказываются в тяжелом положении в тех случаях, когда экономические интересы преобладают над вопросами безопасности. Данные учения не дают возможности проведения долгосрочных прогнозов в мировой политике: они лишь анализируют события прошлого или не всегда достоверно прогнозируют то, что может произойти в ближайшем будущем. Те события, которые потрясли мир в течение последних 5 лет («арабская весна», историческое перемирие Запада с Ираном, гражданская война в Украине, появление ИГИЛ, небывалый миграционный поток, грозящий разрушением европейских ценностей и т.д.), застали врасплох современных политологов и требуют основательного переосмысления и глубокого анализа. На наш взгляд, теорией, способной дать оценку данных событий, рассмотреть их в контексте мировой истории, то есть как цепь причинно-следственных связей, может стать теория мир-системного анализа – одно из течений неомарксистской школы международных отношений.

Во второй половине XX века мир-системный анализ международных отношений послужил альтернативой реализму и бихевиорализму, пополнив арсенал методологии исследованиями социально-экономических аспектов мировой системы. Основоположники теории установили взаимозависимость политики и экономики, что помогло объяснить феномен экономического успеха Третьего мира после долгих веков западной колонизации, его возвращения на политическую арену, но сегодня он может оказаться более продуктивным в свете динамичного развития Китая и возможного упадка Европы, ослабления США и кризиса в России.

Основные подходы в теории мир-системного анализа

Мир-системный анализ воспринимается многими исследователями как эффективный метод в силу его многостороннего и комплексного изучения мировой истории: он

рассматривает международные отношения как единую систему, изменения в которой обусловлены не внешними факторами, а колебаниями внутри нее самой, происходящими в результате взаимодействия между ее основными акторами – национальными государствами.

Иммануил Валлерстайн, Фернан Бродель и Андре Гундер Франк были первыми из политических философов, предложившими мир-системный анализ в качестве основы для прогнозирования событий в международных отношениях. Согласно Валлерстайну, до начала Великих географических открытий и появления капитализма мир-экономика были нестабильными и, в конце концов, либо распались, либо становились объектом завоеваний империй, впоследствии образовывались мир-империи (Китай, Египет и Рим). Последние обеспечивали свое развитие за счет ресурсов мир-экономик, совершенствуя способы экономического производства, в результате чего была создана единая капиталистическая мир-система с центром в Европе (позже ее заменили Соединенные Штаты Америки)¹. По мнению Валлерстайна, азиатское традиционное общество со своим особым типом производства не смогло самостоятельно прийти к капитализму, только европейцы сумели объединить человечество под флагом капитализма, создав всеобъемлющую мир-систему. Предполагается, что до этого связи между мир-экономиками не существовало.

Бродель не упоминает в своих работах о единой мир-системе: в соответствии с его подходом, мир состоит из многочисленных мир-экономик – «экономически самостоятельных кусков планеты», включающих в себя центр, или сверхгород, «блистательных вторых», или, говоря языком Франка и Валлерстайна, полупериферию, и архаичные периферийные образования².

1 Wallerstein 1979.

2 Бродель 1992.

С некоторыми аспектами подхода Валлерстайна сложно не согласиться: до великих географических открытий абсолютно разные сообщества часто не имели понятия о существовании друг друга, иными словами, между ними не было взаимодействия, характерного для элементов системы в ее классическом понятии. После начала «Колумбова обмена», благодаря активному и масштабному взаимодействию между большим числом акторов, международные отношения приобрели системный характер. Но если о существовании глобальной мир-системы судить только по степени вовлеченности участников и их количеству, получается, что в XVI веке таковой не существовало: арабский мир остался изолированным еще на два века. Валлерстайн подчеркивает фактор цивилизационного превосходства Европы, благодаря мессианской роли которой формирование единой мир-системы стало возможным, и явно пренебрегает ролью восточной цивилизации в становлении западной. Если бы не арабские манускрипты, сохранившие на своих страницах перлы древнегреческой и древнеримской философской мысли, не восточная культура еды и одежды, европейцы, впервые открывшие их для себя в период Крестовых походов, не имели бы отправной точки для последующего рывка в своем развитии.

Андре Гундер Франк предложил альтернативный подход, первым выдвинув альтернативную концепцию *Мир-системы* – единого пространственного и временного измерения существования для всех субъектов истории. Франк и его единомышленники придерживаются того мнения, что в течение всей истории разные поколения человечества и созданные ими социальные, политические и экономические институты существовали и продолжают существовать в рамках одной глобальной системы, зародившейся еще пять тысяч лет назад³. В то время мировым центром был Китай, способствующий развитию

мирового рынка, а европейский континент выступал в качестве периферии и оставался таковым вплоть до XV–XVI веков. Франк убежден в том, что, в силу своей цикличности, история в скором времени вернет первый в мире центр на свое место, откинув США и Европу на второй план. Казалось бы, противники подхода Валлерстайна должны были представить более объективную альтернативу, однако Франк избрал другую крайность – предприняв попытку «переориентации» в социальной науке, он лишь поменял Азию и Европу местами, удостоив последнюю роли периферии, пользующейся плодами азиатской цивилизации с помощью жестокой эксплуатации и кровопролитных войн. Кутуев справедливо критикует Франка за восточнцентричную позицию, из-за которой невозможно объективно оценить глобальную историю⁴.

Не удивительно, что мир-системный анализ в интерпретации Франка, нашел отклик среди азиатских, в частности, японских историков. Самый известный из последних, Такеши Хамашита, согласен с тем, что еще до появления евроцентричной капиталистической мир-системы существовали региональные мир-системы, образовавшие единую глобальную систему⁵. Признавая, принципиальную роль последней в формировании современной мир-системы, он настаивает на том, что китаеццентричная региональная мир-система старше и настолько самобытна, что смогла просуществовать даже после своего вхождения в евроцентричную, и, более того, продолжить активное взаимодействие внутри себя самой⁶.

Как бы ни различались теоретики мир-системного анализа в оспаривании понятия «мир-система», все они описывают ее трансформационные процессы почти одинаково: в

3 Франк и Джиллс 2007.

4 Кутуев 2008.

5 Satoshi Ikeda, "The History of the Capitalist World-System vs. the History of East-Southeast Asia," Review (*Fernand Braudel Center*), 1996, 52–53.

6 Ikeda 1996.

результате взаимодействия акторов системы (главным образом, экономического) одни из них приобретают статус периферии, а другие – центра. Франк утверждает, что Европа и Азия всегда боролись за звание центра и то и дело менялись местами в зависимости от уровня своего экономического развития. Бродель также признает борьбу за лидерство, в результате которой одна сторона становится центром, а другая переходит в статус периферии⁷. Таким образом, смена гегемонии в международной системе носит циклический характер. В соответствии с учением неомарксизма, приверженцами которого, в большинстве своем, являются теоретики мир-системного анализа, этот процесс происходит в результате смены способов производства в экономике, что, в свою очередь, приводит к политическому конфликту и, как следствие, к смене лидеров и ведомых в мир-системе. Другой российский исследователь А. М. Ушков утверждает, что такая смена в истории обычно возникает после крупномасштабных военных конфликтов, таких как Тридцатилетняя, Первая мировая и Вторая мировая войны, причем новый гегемон всегда устанавливает тесные связи с предыдущим (Российская империя с Францией после Отечественной войны 1812 года; СССР с ГДР)⁸.

Политические философы по-прежнему не могут прийти к консенсусу в вопросе определения таких основополагающих концепций мир-системного анализа, как центр и периферия. Одна группа ученых считает высокий уровень технологического развития и военной подготовки основными критериями гегемонов в XXI веке⁹. Другие предлагают в качестве таковых продуктивность экономики и торговли, уровень и объем дипломатических отношений и военную мощь¹⁰.

Периферии, как правило, располагают первичными продуктами, из-за чего стано-

вятся сырьевыми базами для гегемонов: европейские страны вывозили ресурсы из колоний, скупая их дешевую рабочую силу и продукты, а взамен продавая дорогую продукцию, изготовленную с их же помощью и непригодную в условиях низкого уровня развития. В результате, если до взаимодействия между двумя основными элементами системы разницы в статусах не было, то после она только увеличивалась: до пришествия Ост-Индской компании Великобритания и Индия уже находились на разных уровнях цивилизационного развития, однако, после двух веков тесного взаимоотношения двух цивилизаций как в политическом, так и экономическом смысле, отрыв стал еще более заметным.

Для анализа международных отношений интересна роль полупериферий – гибридных акторов, маневрирующих между двумя крайностями – периферией и центром, в ожидании удачного момента для преобразования в гегемона. Одни из них могут стать периферией, каковой стала Испания в XVII–XVIII веках, а другие – перейти в статус центра, что и произошло с США. Полупериферии сдерживают агрессию периферий и служат нейтральной территорией мировой системы¹¹. Следовательно, по убеждению Валлерстайна, мир-система не может существовать без полупериферий. В общем, большинство стран в течение истории проходили сквозь этот промежуточный этап (страны Латинской Америки, Испания, Турция, Иран, Новая Зеландия т.д.). Их роль важна, так как без них мировая система была бы поляризованной, и именно они являются ее основным дестабилизатором и потенциальным кандидатом в гегемоны¹².

В теории Валлерстайна мир-система модернизируется, или современная мир-система, подобно любой системе, не может развиваться вечно и рано или поздно придет к своему концу. Под этим подразумевается смена мир-экономики. Согласно концепции Броделя, в

7 Семенов 2003.

8 Грачев 2006.

9 Chase-Dunn and Hall 1993:863.

10 Terlouw 1992: 164.

11 Гравер 2010:105.

12 Сыздыкова 2010.

каждой из мир-экономик есть лишь один центр. Если прислушиваться к Франку, Мир-система одна, она глобальна, меняются лишь центры и периферии. Причем, лидерство признается лишь за одним игроком. Таким образом, возникает вопрос: будет ли в современном мире переход к новой, некапиталистической системе, или все завершится сменой центра?

Анализируя вышеизложенные идеи, можно придти к следующему выводу: ни евроцентристы в лице Валлерстайна и Броделя, ни азиацентристы, предводительствуемые Франком, не предлагают объективного подхода к анализу международных отношений. Но в теориях каждого из них присутствуют идеи, при сочетании которых можно получить более или менее беспристрастную концепцию мир-системного анализа. Стоит согласиться с тем, что: поколения прошли сквозь тысячелетия истории, передавая из века в век свой опыт как в экономической, так и в политической и культурной сферах, вне зависимости от своего географического положения или уровня экономического развития, – все общества, созданные в ходе истории, имели системную связь со своими предшественниками. Несмотря на преобладание рыночной экономики, ставшей таковой благодаря примеру европейских стран и США, и распространение демократической системы ценностей, трудно согласиться с тем, что страны во всех уголках мира сосуществуют в рамках единой Мир-системы (на чем настаивает Франк). По-прежнему сложно говорить о том, что, например, Восточная Азия и Европа живут в одном измерении, или Африка и США: асимметрия в экономике и политике по-прежнему не преодолена, да и вряд ли изменится. Скорее всего, можно констатировать факт сосуществования различных мир-систем (о чем писал Бродель), каждая из которых имеет свой центр и периферию. Таким образом, в мире может сосуществовать несколько центров.

Мир-система в XXI веке.

Согласно прогнозу Валлерстайна, учитывая временные рамки циклических колебаний внутри системы, нынешний цикл развития «капиталистической мир-экономики» должен завершиться в середине или последней трети XXI века. Будущий гегемон уже должен налаживать партнерские отношения с США, осталось только опеределить, кто им будет. По подсчетам Франка, период расцвета Европы и США подошел к концу, настало время возрождения первого центра Мир-Системы – Китая, и восстановления азиацентричной модели мира. Валлерстайн предсказывает упадок америкоцентричной системы через 40-50 лет, также признавая высокую вероятность того, что Китай, бывшая периферия, станет будущим центром новой мир-экономики. Несмотря на системность в мировой политике, с трудом верится в то, что в политике или экономике происходит некий круговорот; по крайней мере, до сих пор ни одно государство не возвращалось к своему бывшему статусу. Позиции Китая как в политике, так и в экономике и вправду достаточно серьезны, но нельзя однозначно говорить о том, сможет ли он перейти черту между полупериферией и центром.

По мнению Валлерстайна, за статус гегемона поначалу должна была развязаться борьба между США, Европейским Союзом и Японией. Он предсказывал объединение США и Японии против ЕС¹³ – традиционную схватку между континентальной и морской державами. После экономического упадка Японии и восхождения Китая, в 2014 году он представил новую концепцию будущего миропорядка, отметив, что Северо-Азиатский регион, во главе с Китаем, скорее всего, объединит свои силы с США, а Россия и Европа под этим давлением заключат союз с тем, чтобы не дать им укрепиться¹⁴. Из этого, на первый взгляд, следует, что победителем мо-

13 Wallerstein 1993.

14 Самалавичус 2014.

жет выйти не японский капитализм, а китайский социализм, чему будут содействовать не только страны Юго-Восточной Азии, но и Россия.

При таком стечении обстоятельств произойдет смена мир-экономики. Европейский союз, находящийся в этапе очередного упадка созданных самим им ценностей (речь идет о свободе передвижения и проблем, возникших с миграцией мусульманских беженцев, о единой валюте, о мультикультурализме и свободе слова) и в неясной экономической ситуации, вряд ли станет участвовать в этом соревновании. Таким образом, США выйдут один на один с Китаем и Россией. Говоря языком Валлерстайна, периферия и полупериферия объединятся против действующего центра и заставят его отречься от своего статуса. Однако, нельзя исключать возможности существования трех таких центров, в корне отличающихся друг от друга. У каждой из этих стран есть свой определенный ареал, свой «экономически самостоятельный кусок планеты», влияние над которым с трудом оспаривают другие субъекты (Европа для США, пост-советское пространство и Средняя Азия для России и Юго-Восточная и Восточная Азия для Китая). В случае возникновения вышеупомянутых центров в странах со схожим экономическим укладом сущность мир-экономики не изменится, то есть мы сможем говорить только о смене или о появлении дополнительных центров.

Трудно согласиться с выбором данной терминологии: Китай далеко не периферия, если судить по неомарксистским критериям. Будучи крупнейшей в мире страной-экспортером продуктов обрабатывающей промышленности, обладателем второй по размеру и мощи сухопутной армии, он больше всего подходит под категорию полупериферии. Таким образом, вероятность его трансформации в центр своего мира-экономики более высока.

Нынешнее снижение роли США в современных международных отношениях действительно свидетельствует о реальной пере-

мене в современной мир-экономике. Но не исключено, что западная цивилизация вступит в новую фазу своего развития и сможет удержать первенство: ведь и в начале прошлого века политические философы предрекали смерть западной цивилизации, но она смогла преодолеть кризис в своем развитии и создать более стойкую политическую систему и экономику.

Азиатские политологи стали утверждать, что прошли 500 лет упадка Азии – пришла пора ее возрождения. В конце 1970-х годов лидер региона, Китай, преодолел свой страх перед взаимодействием с центром мир-системы Валлерстайна – с Западом, и предпринял первые шаги на пути к восстановлению некогда утраченного положения: ускорил программу модернизации, установил рыночные механизмы и открыл рынок для иностранных инвестиций. Не прошло и двадцати лет, как Китай стал самой быстроразвивающейся экономикой мира, а темпы роста пограничных стран, стран Юго-Восточной Азии, превысили показатели стран ОЭСР и Латинской Америки в три раза. Это позволило политологам заговорить о смещении центра в сторону Тихого океана, о «восхождении Азии», Китая в особенности. Как отметил главный экономист Всемирного банка по Восточной Азии и Тихого океана Винод Томас, Восточная Азия, однозначно, является потенциальным мотором для развития остального мира¹⁵

Примечательно, что Китай громко провозгласил доктрину «мирного восхождения» еще в 2003 году на первом деловом форуме Боао, с помощью которого он создал Азиатский Давос. Тот факт, что Соединенные Штаты на протяжении долгого времени направляют свои ракетные системы по соседству с Китаем и наращивают военный потенциал своих союзников в Северной и Юго-Восточной Азии, еще раз подтверждает растущий потенциал Китая не только в экономической, но и в военной сфере, и свиде-

15 Aseniero 1996: 229.

тельствует о мерах предосторожности, принимаемых центром против своего потенциального противника (если рассуждать в рамках теоретического подхода Валлерстайна). Несмотря на активное сотрудничество США с соседними странами Китая в военной сфере, Китай продолжает оставаться ведущей региональной державой. Так, например, участие Сингапура в Тихоокеанском Командовании Вооруженных Сил США так и не привело к антикитайским выпадам со стороны этого государства: Сингапур предпочел сохранение коммунистического режима, сдерживающего националистские движения внутри страны. Точно также военное союзничество США с Индией и Вьетнамом не увенчалось ухудшением их взаимоотношений с Китаем, наоборот, они улучшили свои двусторонние отношения. Индонезия после долгих лет союзничества с США и вражды с Китаем заключила стратегическое партнерство с последним. Южная Корея также не оправдала надежд США: в 2005 году вывела свои войска из Ирака и объявила о начале новой эры в двусторонних отношениях с Китаем.

Американский парламент долго сопротивлялся продаже своей нефтяной компании китайской Unocal. Как отмечает Ариги, синофобия американцев всегда была обусловлена четким осознанием превосходства Китая и его победы в глобализации¹⁶. Так, Пекинский консенсус «позволил другим государствам найти свое место в миропорядке, стать по-настоящему независимыми»¹⁷. Одним из примечательных положений консенсуса является мультилатеральность – признание необходимости межгосударственного сотрудничества в построении нового миропорядка и уважение политических и культурных различий, в отличие от унилатеральности США. Совместно с политикой экономической экспансии такой подход может стать более

действенным, чем те, примененные предыдущими центрами. Один из известных апологетов вышеупомянутой доктрины Китая, Жэнг Биджиан утверждает, что он на пути к своему восхождению не будет следовать примеру Германии и Японии, не станет нарушать мировой порядок, а постарается своим развитием принести пользу соседям¹⁸.

Скупая казначейские облигации Америки, Китай заменил своим соседям северных партнеров посредством тесного финансового сотрудничества. Ариги в своей работе «Адам Смит в Пекине», написанной еще в 2007 году, отметил, что гегемонии США пришел конец, может быть, лишь доллар будет автоматически использоваться в качестве международной валюты в течение ближайших 40 лет, как это произошло с фунтом стерлингом после завершения доминирования Британской империи¹⁹. Примечательно, что в этом он сходится с Валлерстайном, предрекающим упадок США через 50 лет.

По другому сценарию, предложенному Валлерстайном, для мир-системы наступят тяжелые времена в связи с распространившимися гражданскими и региональными войнами. Вследствие, трудно будет определить лидеров и ведомых, но установится совершенно новый миропорядок, который, как в случае с другими мир-системами, будет радикально отличаться от нынешнего. Анализируя нынешнюю ситуацию в международных отношениях, создается впечатление, что, действительно, ни один из игроков не сможет повлиять на ход событий, связанных с транснациональной преступностью и экстремистскими движениями на Ближнем Востоке, давно вышедшими из-под контроля основных акторов мировой политики. Китай, несмотря на свою внешнюю мощь, не располагает внутренним потенциалом для полного перевоплощения в сверхдержаву: и европейские страны, и США имели развитые экономики и

16 Giovanni Arrighi, Adam Smith in Beijing: *Lineages of the Twenty-First Century*, vol. 3 (JSTOR, 2007), <http://www.jstor.org/stable/pdf/40645912.pdf>.

17 См. указ. соч.

18 См. указ. соч.

19 См. указ. соч.

социальный уклад, привлекательный для других субъектов системы, в то время как Китай по-прежнему считается развивающейся страной и своим коммунистическим укладом общественной жизни вряд ли может стать центром притяжения. Это подтверждает теорию Броделя: Китай может быть центром для своего географического мира-экономики.

Примечательно, что Валлерстайн уделяет отдельное внимание месту России в мировой системе. Он считает ее страной, сохраняющей свой полупериферийный статус на протяжении всей истории²⁰. Несмотря на то, что в XVIII веке, по критериям Валлерстайна, Россия была периферией, она всегда выступала в роли механизма, сдерживающего угрозы, висящие над евроцентричной мир-экономикой, что, в свою очередь, свидетельствовало о ее полупериферийности²¹. Когда Европа была не в состоянии защитить свою структуру от имперских амбиций, исходящих из ее же недр, Россия вынуждена была подавлять их, как в случае с Наполеоном и Гитлером. Тем не менее, она никогда не достигала статуса центра, хотя и обладала внутренним потенциалом.

Стоит заметить, что, по вышеуказанным критериям, Россия подпадает под категорию периферии: имеет добывающую экономику и не экспортирует продукцию обрабатывающей промышленности. Но суждение о международном статусе страны сугубо по экономическим данным кажется абсурдным: военная сила и географические данные, как и место в мировой культуре, также должны быть учтены. Как в случае с определением статуса Китая, теория мир-системного анализа дает трещины из-за своего одностороннего экономического подхода к мировой политике. Следовательно, его ракурс стоит расширить, чтобы он представлял полноценную оценку международных отношений. Подавляющее большинство ученых, прибегающих к мир-системному анализу, в основном берут

за основу или подход Валлерстайна, или альтернативную концепцию Франка: рассматривают нынешние международные отношения в качестве единой мир-системы Валлерстайна или предрекают формирование глобальной Мир-Системы Франка, с центром на Востоке.

В свете стратегического партнерства между Китаем и Россией вряд ли прогноз Валлерстайна о совместном противостоянии Китая и США против России и ЕС реализуется. Скорее всего, две полупериферии объединятся против действующего центра и, как всегда, сыграют ключевую роль в смене мир-экономики, если таковая произойдет. Гравер мудро подметил, что России не следует ждать, пока рухнет, как прогнозирует Валлерстайн, старая мир-система, и не нужно прямо вмешиваться в происходящий упадок²². Целью России должно быть способствование созданию такой системы, в которой она бы уже не занимала позицию периферии или полупериферии. Для этого необходимо понизить уровень зависимости от стран центра (например, от США и Великобритании) и усилить сотрудничество с полуперифериями и перифериями (постсоветское пространство, Восточная Европа и азиатский мир под предводительством Китая)²³.

Заключение

Как справедливо отмечают российские ученые Сорокин, Будон и Эйзенштадт, в результате любого упадка рождается нечто новое, но больше частью построенное на старом: вряд ли характер новой мир-экономики системы будет полностью отличаться от нынешней²⁴. Даже если рассматривать современный мир в качестве мир-системы, косвенным подтверждением вышесказанному служит то обстоятельство, что экономика Китая уже давно переориентировалась на рыночные отношения и с успехом влилась в нынешнюю мир-экономику.

20 Wallerstein 1979: 27, 77.

21 Nolte 2004: 209, 212.

22 Гравер 2010: 102.

23 Гравер 2010.

24 Гравер 2010: 102.

Как бы позиции США ни были расшатаны, как бы кризис в Европе ни казался разрушительным, что бы в дальнейшем ни произошло с позициями России и Китая, вряд ли они потеряют значение для своего ближайшего окружения. Говоря другими словами, они будут поддерживать тесные экономические и политические связи со своими соседями, более того – будут играть в них роль

прогрессивного центра. Следовательно, при анализе международных отношений стоит обращаться к мир-системному анализу в интерпретации Броделя. В связи с этим более реалистичным представляется сосуществование нескольких, конкурирующих друг с другом мир-экономик во главе со своими центрами.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wallerstein, Immanuel (1979). "The Capitalist World-Economy." Cambridge: Cambridge Univ. Press.
2. Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Время мира.
3. Ikeda, Satochi (1996). "The History of the Capitalist World-System vs. the History of East-Southeast Asia." *Review (Fernand Braudel Center)*, Vol. 19, No. 1: 49-77.
4. Семенов Ю. И. (2003). Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). ISBN 5-88289-208-2.
5. Грачев М. Н. (2006). Концепция мир-системного анализа И. Валлерстайна: объяснительные и прогностические возможности. *Куда движется мировое сообщество? Геополитика третьего тысячелетия*. Ред.: Э. Р. Григорьян. М.: Институт социальных наук, с. 50-54.
6. Chase-Dunn, Ch., and Th. D. Hall (1993). "Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses." *Social Forces*, Vol. 71, No. 4 (June): 851-886.
7. Terlouw CP. (1992). *The Regional Geography of the World-System: External Arena, Periphery, Semiperiphery, Core*. Utrecht: Faculteit Ruimtelijke Wetenschappen, Reijksuniversiteit Utrecht.
8. Гравер А. А. (2010). Символические капиталы путинской России в Мир-системе XXI века. Опыт изучения. *Философия. Социология. Политология* // Вестник Томского государственного университета, 3, с. 99-118.
9. Сыздыкова. М. (2010). У истоков Мир-системного анализа. Фернан Бродель // *Межвузовский вестник*, 1 (11), с. 67-71.
10. Wallerstein, Immanuel (1993). "The World-System after the Cold War." *Journal of Peace Research*, Vol. 30, No. 1 (February): 1-6.
11. Aseniero, George (1996). "Asia in the World-System." *Social Justice*, Vol. 23, No. 1/2 (63-64), The World Today (Spring-Summer): 228- 249.
12. Arrighi, Giovanni (2007). *ADAM SMITH IN BEIJING. Lineages of the Twenty-First Century*. Verso.
13. Nolte H.-H. (2004). "The Modern World-System and Area Studies: The Case of Russia." *Review (Fernand Braudel Center)*, Vol. 27, No. 3, *Russia and Siberia in the World-System: German Perspectives*: 207-242.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- 1) Кутуев П. От европейского чуда к азиатской (китайской) гегемонии: трансформация современной исторической социологии». Часть 1, «Аналитик. Киевский центр политических исследований и конфликтологии», 14.04.08. <http://analitik.org.ua/author/4804b0a1e5db3>
- 2) Самалавичус А. Новая мир-система? Беседа с Иммануилом Валлерстайном. Валлерстайн напоминает, что «мир-система» — века перед появлением новых противостояний. *Политика*//Карта памяти: герои и антигерои. Гефтер, 21.02.14 <http://gefter.ru/ar.chive/11457#up3>
- 3) Франк А. Г. и Барри Джиллс. 2007. Пять тысяч лет мировой системы в теории и практике. Перевод Евтушенко С. А., Жигжитов С. В. http://www.worldpolit.ru/?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=40

Լ. Գ. ԱՎԵՏԻՏՅԱՆ

(Российско-Армянский университет)

ПОДНЕБЕСНАЯ: ПРИЧИНЫ ОТСТАВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

По мере углубленного исследования ассиметричного развития частей света, все больше в центре внимания ученых оказывается история великой китайской цивилизации, которая является одним из столпов азиатского региона. Путем изучения эволюции Китая ученые надеются определить те факторы, которые затормозили его развитие и, тем самым, предопределили стремительное восхождение Запада уже в XIX-XX вв.

Целью данной работы также является выявление особенностей политического, экономического и культурного развития Китая, которые, в некоторой степени, стали причиной его «неразвитости» в определенный отрезок истории, а также определение факторов, способствующих возрождению.

Ключевые слова: восхождение, развитие, отставание, Китай.

Abstract

As scholars are doing deeper research on asymmetric development of West and East, they pay more and more attention to history of great Chinese civilization, which is one of Asia's cornerstones. Exploring China's evolution scholars are trying to reveal the factors that have inhibited its development, thus have brought about West's rapid ascent in XIX-XX centuries.

The purpose of this article is to reveal peculiarities of China's political, economic, cultural development that, to a some extent, caused China's underdevelopment in a specific period of history.

Keywords: rise, development, lag, China.

Անփոփում

Գիտնականները՝ ավելի խորացված հետազոտություններ անցկացնելով Արևմուտքի և Արևելքի անամաչափ զարգացման մասին, գնալով էլ ավելի մեծ ուշադրություն են հատկացնում չինական քաղաքակրթության պատմությանը, քանի որ Չինաստանը տարածաշրջանի հիմնասյուններից մեկն է: Չինաստանի պատմական էվոլյուցիան վերլուծելով՝ գիտնականները նպատակ ունեն հայտնաբերել այն գործոնները, որոնք խոչընդոտ հանդիսացան այդ երկրի զարգացմանը և, այդպիսով, ճանապարհի հարթեցին Արևմուտքի սրընթաց վերելքին XIX-XX դարերում:

Այս հոդվածի նպատակն է վերանայել Չինաստանի քաղաքական, տնտեսագիտական և մշակութային զարգացման յուրահատկությունները, որոնք պատմության մի հատվածում որոշ չափով պատճառ դարձան նրա «հետամնացությանը», ինչպես նաև փորձել հայտնաբերել այն գործոնները, որոնք թույլ տվեցին նրան վերելք ապրել:

Հիմնաբառեր. վերելք, զարգացում, հետամնացություն, Չինաստան:

По окончании Второй мировой войны в кругу политологов началась дискуссия на тему ассиметричного развития Европы и Азии. Часть специалистов настаивает на том, что дисбаланс начался после стремительного

взлета западных стран в результате освоения ими новых просторов и столкновения с неведомыми им культурами, в частности арабской и китайской. Так, известный теоретик мир-системного анализа международных отноше-

ний Андре Гундер Франк настаивал на том, что Китай, будучи изначально экономическим, политическим и культурным центром мировой системы, потерял свои позиции из-за эксплуатации со стороны европейских держав. В этой связи американский экономист Джеффри Сакс отметил, что «возвышение Запада» поставило конец «тысячелетнему технологическому превосходству Азии над Европой»: последняя одержала победу над Азией «благодаря китайскому компасу, пороху и печатному станку».¹ Китай всегда считался предводителем региона в плане экономического, культурного и технологического развития, поэтому именно он фигурирует в большинстве случаев сравнений Азии с Западом.

Несмотря на утверждение синоцентристов о том, что упадок Китая был обусловлен его колонизацией западноевропейскими странами, до сих пор продолжается дискуссия о причинах упадка великой китайской цивилизации, уступившей свои позиции европейской, которая многим в своем развитии обязана Китаю. Китай практически во всем опередил в развитии остальные страны мира: китайцы первыми овладели приемами гидротехники, сооружая дамбы, каналы, плотины и т. д.; уже в VI в. до н. э. они заменили рало железным плугом; в 100-м году н. э. Цай Лунь изобрел бумагу, а в X и XI вв. китайские мастера преуспели в строении часов со сложными механизмами и использовании пороха.

Неудачная полоса в истории Китая началась в 1434 г., когда из-за чрезмерных затрат и возросшей угрозы вторжения кочевых племен с севера Китай прекратил свои внешние торговые сношения, ликвидировав свой флот, считавшийся на то время самым крупным в мире. А ведь еще за 30 лет до этого военноморские силы Китая бороздили Индийский океан. Вместе с прекращением внешней торговли и закрытием флота приостановились и

географические исследования, в связи с чем Китай постепенно стал терять свой статус лидера в сфере судостроения и навигации. Касательно последующего бездействия Китая, примечательно замечание Адама Смитта, который всегда называл эту страну статичной, потерявшей скорость развития из-за «потери интереса к торговле».²

В 1839 году, в связи с началом первой «опиумной войны», Китай был насильственным образом открыт внешнему миру: Англия импортировала в страну опиум, экспортируя при этом чай и шелк. В дальнейшем постепенная индустриализация и внешнее политическое давление привели к революции накануне Первой мировой войны, в результате которой дестабилизировалась политическая ситуация страны, наступил этап нового экономического упадка, которым не преминула воспользоваться соседняя Япония, оккупировав территории соседнего государства. В период с 1958 по 1961 гг. Мао Цзэдун привел в действие план ускоренной индустриализации – «большой скачок», после провала которого последовала культурная революция – ликвидация установившихся процессов планирования и бюрократического управления. Примечательно, что следующим шагом на пути к интеграции со внешним миром стала политика реформ и открытости, включающая в себя изучение опыта развитых стран и реформу архаичных централизованных политических и экономических институтов.

Со смертью Мао и приходом к власти в 1978 году Дэн Сяопина Китай возобновил здоровые отношения с внешним миром. Последний этап экономических реформ пришелся на 1980-1990-е: были осуществлены первые шаги на пути к либерализации торговли. Развитие Китая во многом обусловлено его географическими особенностями: на восточной границе Китая располагаются одни из важнейших портов мира – Шанхай, Гонконг, Гуанчжоу и т. д., которые обуславливают эко-

1 Sachs 2005. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time* (New York: Penguin Press, 2005)

2 Arrighi 2007.

номический прогресс за счет непосредственной близости к самым крупным мировым рынкам. Западная граница проходит по центральноазиатским пустыням, то есть западные провинции находятся в дали от мировых рынков и не имеют налаженных путей сообщения.

Самым большим вызовом для Китая на данный момент является дальнейшее развитие политической системы. Проблема заключается в том, что централизованное государство в Китае имеет очень глубокие корни: нынешний аппарат сложился еще 2200 лет назад, после объединения страны. Именно это правление сверху во многом затормозило экономическое развитие страны в течение пяти столетий, в то время как центробежные тенденции в Европе послужили залогом экономического и технологического развития.

Во время азиатского финансового кризиса 1998 года страны, придерживавшиеся Вашингтонского протокола, тоже потерпели неудачи, что вызвало недовольство стран БРИКС, а в 2008 году развеялась теория о крахе Китая, когда Китай без особых потерь выбрался из кризиса. Именно после этого появилось понятие Китайской модели, или Пекинского консенсуса, столь привлекательного для развивающихся стран, противостоящих силам глобализации. Описывая эту модель, Хок-Ва Йип отмечает то, что она была заложена в 221 году до н.э. с утверждением централизованной власти Хин Ши Хуаня и формировалась в течение столетий.³ И самой главной ее чертой является то, что современные ценности и способ мышления китайского народа неразрывно связаны с двухтысячелетней историей их цивилизации.

Различают две группы ученых, проводивших исследования китайской модели: Китайскую школу и Западную. В 2009 году представитель первой группы Жанг Вейвей опубликовал в Нью-Йорк Таймс статью, в которой выделил 8 факторов успешного развития Ки-

тая: прагматизм, приоритет благополучия народа, целостное мышление (китайские политики всегда оценивали международную ситуацию, учитывая быструю смену декораций на международной арене, в связи с чем продолжают составлять пятилетние планы; восприятие государства как необходимого блага, а правителей – как родителей; предпочтение хорошего управления демократизации; легитимность функционирования – легитимность властей определяется не голосом избирателя, а качеством их деятельности; селективное учение – присвоение и адаптация только тех идей, которые выгодны стране (так, многие выдержки из ленинизма и маоизма были упразднены); гармония в различии – несмотря на расхождение во мнениях, нет смысла бороться друг против друга.⁴

Сторонники западной школы критикуют Китайскую модель за неудачное сочетание тоталитарного правления и капиталистического способа производства. По мнению одних политологов, в частности бывшего директора института американских исследований Китайской академии общественных наук Зи Жонгюн, единственным достижением Китая за столько лет является лишь повышение уровня дохода, да и то за счет недвижимости, а не развития технологий. Автор отмечает, что, как ни странно, китайцы чаще лучше понимают западных людей, в то время как для последних культурный барьер является труднопреодолимым. В то же время, он признает, что, изолировавшись от внешнего мира на 300 лет, Китай пропустил все самое важное и не смог вовремя познать изменившие весь мир великие идеи и события (Просвещение, Великая французская революция, и т.д.). Следовательно, сейчас ему приходится наверстывать упущенное, чтобы идти в ногу с современным западным миром.⁵ С этой целью по первому китайскому каналу показывали серию передач про «Восхождение великих

3 Arrighi 2007.

4 Weiwei 2009.

5 Madsen 1995.

наций», которая была нацелена на ознакомление населения с культурой Запада и в то же время на переоценку своей собственной. Все это имело целью отстранение народа от подражания Западу и отчуждение от старых коммунистических идей.

После экономических реформ, проведенных в свете исчезновения железного занавеса, Китай отошел от классического марксизма. Тем не менее, он продолжает быть основой экономической системы страны: экономика по-прежнему является плановой и полностью контролируется со стороны государства. Китайская модель интересна тем, что движется по принципу «попытка не пытка» – власти бесстрашно пробуют все, что может принести пользу государству, а в случае фиаско, не теряются и начинают все сначала. Так, китайское общество перешло на рыночные отношения и запустило программу по обмену студентов. Адаптация идей извне в Китае обязательно проходит через сито местных традиций. Невозможно перенять какое-либо явление, например из Европы, в его чистом виде: в Китае всегда культивировались семейные ценности и коллективизм, в то время как в Европе уже многие столетия индивид остается приоритетом. Как жителям Китая, так и населению других азиатских стран, таких как Малайзия, Япония, Корея и Вьетнам, было бы непривычно и противоестественно следовать европейскому закону.

Китайская культура уже который десяток просачивается в реалии Запада: китайские легенды ложатся в основы американских мультфильмов, актеры с китайским происхождением покоряют Голливуд, китайская кухня завоевывает американские рынки, и, по словам директора Американско-Китайского института Южнокалифорнийского университета, жесткая конкуренция двух стран в сфере экономики не мешает распространению китайской культуры.⁶ В области обще-

ственной дипломатии Китай особенно преуспел после проведения грандиозных Олимпийских игр 2008 года и WorldExpo 2010, которые познакомили мир с китайской историей и культурой и в очередной раз показали потенциал этой страны.

Возможно, Китай смог бы на данном этапе находиться на одном с Западом уровне развития, если бы не закрывался периодически для внешнего мира: даже признавая достижения европейцев, китайцы гордо отказывались их заимствовать, настаивая на том, что «так принято в Китае». Так, на протяжении шести веков, пренебрегая развитием новых технологий на Западе, Китай продолжал укреплять свое сельское хозяйство, на доходах от которого держалась вся экономика.⁷ В результате, китайцы постепенно забыли свои собственные достижения в области науки и технологий: согласно запискам иезуитов, посетивших Китай в 1580-х гг., китайцы знали на то время лишь самые примитивные способы измерения времени и легко подкупались на пару обычных часов, которые некогда изготавливали сами.⁸ В XVII в. иезуиты служили китайцам проводниками в сфере европейских технологий: они помогли приобрести в Макао пушки, необходимые для защиты страны от маньчжурских монголов.⁹ В 1620-е гг. китайская армия оснащалась западной артиллерией.¹⁰ После гражданской войны в 1851–1864 гг. китайцы, наконец, закупили на Западе современное оружие.¹¹

Часто отставание Китая от Запада и его нежелание пользоваться благами западной цивилизации приписывают национальной идеологии или философии. В 1922 г. китайский философ Фэн Ю Лан напечатал эссе «Почему в Китае нет науки», где утверждал, что «китайская философия по своей природе

7 Регзенова 2011.

8 Мокир 2014.

9 См.: Мокир 2014.

10 Там же.

11 Там же.

6 Xinhua 2011.

обращена не вовне, а внутрь человека; китайцы стремятся покорить душу, а не свое окружение». ¹² «Содержание [китайской] мудрости составляли не интеллектуальные знания, а ее функция состояла не в приращении внешних благ», — писал Фэн Ю Лан. ¹³ Образ мышления и духовная культура возымели свой вклад и в развитие политической системы: в Европе, согласно Нидхэм, купцы спонсировали исследования с целью создания новых форм производства и торговли, а в Китае финансирование обеспечивалось сверху. Естественно, что государственные чиновники не были заинтересованы в расширении свобод подданных и предоставлении им права на инициативу. Просвещенные императоры способствовали техническому прогрессу, а вот династия Мин подвергла гонениям всех новаторов и пропагандистов иностранных идей. Разумеется, монарх везде монарх: среди европейских единоличных правителей были и те, которые душили инициативу купцов в корне, но, в отличие от китайских императоров, каждый европейский монарх имел конкурента в лице другого. Да и нелепо сравнивать территорию Китая с территорией какой-либо из европейских держав. Никто из них не мог контролировать весь европейский континент, они могли лишь перемещать экономический центр из одной страны в свою.

В своей последней книге «Мировой порядок» Генри Киссинджер посвятил отдельную главу роли конфуцианства в формировании внешнеполитического курса Китая и его экономики. Его главным аргументом стало то, что конфуцианская идеология, восхваляющая созерцание мира и изолированное существование, подточила основу великой цивилизации. Она дала Китаю ощущение превосходства, из-за которого китайские императоры не воспринимали и не признавали плоды иностранной цивилизации. ¹⁴ Допус-

кая на свою территорию иностранных купцов-дипломатов, китайские правители были уверены, что предоставляют им возможность ознакомиться с великой китайской культурой (а как же иначе?!), после чего, подразумевалось, они должны были уехать обратно. Еще с тех времен Китай больше экспортировал в Европу, чем ввозил, чем проявлял недоверие и пренебрежение плодами труда другой цивилизации. Если следовать одному из самых распространенных суждений о причинах неразвитости Китая, то есть считать ими оккупацию и эксплуатацию со стороны западных стран, можно говорить о том, что это был, в некотором смысле, реванш со стороны западной цивилизации, отомстившей за пренебрежение к своему статусу и культуре. Одно остается бесспорным: наследие китайской культуры, подобно арабской, оставило неизгладимый след в истории и культуре западной цивилизации. Если бы не эта синергия, возможно, европейская цивилизация не достигла бы такого прогресса в столь короткий период.

Сегодня КНР – первый в мире производитель стали и крупнейший в мире экспортер продукции цифровых технологий. Китайская модель экономического развития доказала свою конкурентоспособность: рост ВВП за период 1990-2008 года в среднем составил 10% в год; в течение последних 30 лет ВВП на душу увеличился в 8 раз, и больше 70% граждан выбрались из нищеты. ¹⁵ Касательно роли Китая в мировой экономике, в 2011 году он обогнал Японию по объему ВВП и стал второй по размеру мировой экономикой после США. ¹⁶ В течение последних 30 лет китайское правительство осуществляло политику экономического роста, ориентированную на экспорт и инвестиции. Несомненно, чтоб и в дальнейшем поддерживать свои позиции в мировой экономике, а, следовательно, и в мировой политике, Китаю необходимо дистанцироваться от модели инвестиционного

12 Needham and others 1959: 877.

13 Needham and others 1959: 115.

14 Kissinger 2014.

15 Центр макроэкономических исследований 2013: 8-9.

16 Центр макроэкономических исследований 2013: 9.

развития экономики, которая на данный момент помогает стране встать на ноги после мирового кризиса.

Вступив в ВТО с целью интеграции в мировую экономику, Китай стал самым крупным в мире инвестором и страной с крупнейшим золотовалютным резервом. После мирового экономического кризиса Китай успешно переориентировался на «сочетание внешнего опыта и собственных интересов».¹⁷ Благодаря своему потенциалу и относительной «сопротивляемости» мировому кризису, Китай занял более твердые и активные позиции в рамках G20 и БРИКС в качестве одной из быстроразвивающихся стран. Так, Китай стал одним из инициаторов создания банка развития БРИКС в качестве одной из альтернатив соответствующим международным институтам. В течение многих лет Китай участвовал в АТЭС и сотрудничал с АСЕАН. Таким образом, Китай развивает сотрудничество с ведущими развивающимися странами, чем открывает себе перспективы доминирования в новой системе международных отношений посредством членства в региональных и межрегиональных организациях.

Несмотря на то, что последние два года многие предсказывали постепенный спад китайской экономики ввиду девальвации юаня и обвала фондового рынка страны, темпы экономического роста Китая по-прежнему достаточно высоки: в 2015 году темпы роста ВВП составили 7%.¹⁸ В этой связи стоит отметить, что, по прогнозам *The Economist* («Экономист»), темпы роста Китая сохранятся на том же уровне вплоть до 2025 года.¹⁹ Также прогнозируют расширение размера китайской экономики до 17 триллионов дол-

ларов США. Более того, с сентября 2015 года китайский юань стал четвертой резервной валютой в мире, сместив японскую йену.

При всех успехах существующие проблемы в экономике и быстрое старение при длительном проведении демографической политики по сокращению рождаемости в стране не могут не сказаться на конкурентном преимуществе Китая в плане дешевой рабочей силы. Помимо потери трудоспособного населения, государству придется финансировать социальное обеспечение, что при численности населения станет нагрузкой для экономики.

Таким образом, можно выделить следующие особенности китайской истории и факторы, которые, соответственно, замедлили развитие страны, а позже способствовали ее возрождению. Во-первых, это статичная и зажившаяся на национальной идеологии недалеконидная политика в отношении иностранных партнеров еще в XVII–XVIII вв.; во-вторых, экономический рост в основном за счет экстенсивного производства и, в-третьих, обусловленное опять-таки идеологическими воззрениями пренебрежение собственными научными достижениями. Что касается факторов успеха Китая после Второй мировой войны, так это, главным образом, сочетание старых традиций с новыми веяниями мировой экономики. Именно благодаря ограничению влияния конфуцианства на политическую и экономическую жизнь страны и заимствованию технологий Запада, комбинации традиционного централизованного режима и рыночной экономики Китай смог вырваться вперед после больше чем двух столетий унижений и изоляции.

17 Шаолей 2015.

18 Там же.

19 Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Виноградов А., Головачев В., Кобзев А., Ломанов А. и Ю. Чудодеев. (2014). Сценарии развития Китая до 2050 года. // Восточная аналитика, 4, сс. 11-15. <http://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-razvitiya-kitaya-do-2050-g>
2. Мокир, Джоэль (2014). Китай и Европа. Анализ и сопоставления // Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. Т. Дробышевой, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара.
3. Регзенова. Д. (2011). Сельское хозяйство в истории Древнего Китая // Вестник Бурятского государственного университета, Вып. № 8.
4. Центр макроэкономических исследований (2013). Китай: риски и перспективы развития. Сбербанк.
5. Шаолей, Фэн (2015). Предпосылки и перспективы развития внешних стратегий Китая в новом веке. 23/11, Россия в глобальной политике.
6. Arrighi, Giovanni. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. Vol. 3. JSTOR, 2007. <http://www.jstor.org/stable/pdf/40645912.pdf>.
7. Ikeda, Satoshi. "The History of the Capitalist World-System vs. the History of East-Southeast Asia." Review (Fernand Braudel Center), 1996, 49–77.
8. Kissinger, Henry. World Order. Penguin, 2014.
9. Needham, Joseph, and others. "Science and Civilisation in." Cambridge Univ. Press, London 3 (1959): 877.
10. Weiwei, Zhang. "Eight Ideas Behind China's Success." The New York Times, September 30, 2009. <http://www.nytimes.com/2009/10/01/opinion/01iht-edzhang.html>.

А. ДЖ. ЕРИЦЯН

(Российско-Армянский университет)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РУБЕЖАХ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Аннотация

Индийский субконтинент является родиной одной из трех древнейших цивилизаций. Издревле Индия славилась своими богатствами и высокоразвитой культурой. Являясь центром важных торговых путей, всегда притягивала к себе особый интерес как соседей, так и «за океаном». Западные исследователи, вот уже много веков, пытаются разгадать феномен Индии. В связи с этим, американский социолог и философ-неомарксист Иммануил Валлерстайн вопрошает: «существует ли на самом деле Индия?». На первый взгляд – это абсурдный вопрос, однако, в своей работе под соответствующим названием, автор поднимает вопросы «границ» Индийской мир-системы. История этой богатой страны полна конфликтов на ее северных и восточных рубежах, однако эти конфликты являются не обычными «территориальными спорами», они носят глубинный и в некотором смысле системный характер.

Основной целью исследовательской работы является выявление особенностей этноконфессиональных конфликтов на цивилизационных рубежах Индии, экономическим отношениям в некоторых странах Южной Азии.

Ключевые слова: *цивилизация, этноконфессиональный конфликт, мир-системный анализ, периферия, эволюция, Южная Азия.*

Abstract

Indian subcontinent was the motherland of Indian civilization. India had rich culture and was one of the most prosperous trade centers, which attracted not only neighboring countries, but also remote ones. That is why American sociologist and neo-marxist thinker Immanuel Wallerstein's question «Does India really exist?» seems absurd. However, his fundamental work having the same name makes people think opposite. Being the richest country in periphery, India suffers from ethnic and religious conflicts, which are more than mere «ordinary territorial disputes».

The research is aimed to reveal peculiarities of the ethnic and religious conflicts taking place on the borders of Indian civilization.

Keywords: *civilization, ethnic and religious conflict, world-systems analysis, periphery, evolution, South Asia.*

Ամփոփում

Հնդկական ենթամայրցամաքը հին հնդկական քաղաքակրթության օրրանն է: Հնդկաստանը միշտ հարուստ մշակույթ է ունեցել և հանդիսացել է առևտրային կենտրոններից մեկը, ինչով գրավել է ոչ միայն հարևաններին, այլև օվկիանոսի հակառակ կողմում գտնվող երկրներին: Ամերիկացի սոցիոլոգ և նեոմարքսիստ Իմանուիլ Վալերսթայնի «Արդյոք Հնդկաստանը իսկապես գոյություն ունի» աշխատությունը կարդալով՝ գալիս ես այն եզրակացության, որ հեղինակը անտեղի հետաքրքրվում այդ հարցով: Ծայրամասի ամենահարուստ երկրի՝ Հնդկաստանի, պատմությունը հարուստ է հակամարտություններով, որոնք ավելին են, քան «սովորական տարածքային վեճերը»:

Հետազոտական աշխատանքի հիմնական նպատակն է Հնդկաստանի քաղաքակրթական սահմաններին էթնիկ և կրոնական հակամարտությունների առանձնահատկությունների բացահայտումը:

Հիմնարաներ. քաղաքակրթություն, էթնիկ և կրոնական հակամարտություն, ծայրամաս, էվոլյուցիա, Հարավային Ասիա:

«Существует ли Индия на самом деле?»

Американский социолог и философ-неомарксист Иммануил Валлерстайн еще в 80-е гг. прошлого столетия задался на первый взгляд абсурдным вопросом: существует ли на самом деле Индия? Будучи ведущим представителем современной левой мысли он поднял вопрос существования «исторической» Индии. Валлерстайн пишет: «Давайте на секунду вообразим, что произошло, если бы в период 1750-1850 гг. англичане колонизировали преимущественно территорию старой Империи Великих Моголов, назвав ее Хиндустаном, а французы одновременно заняли бы южные (преимущественно населенные дравидами) регионы нынешней Республики Индия, дав им наименование Дравидия. Считали бы мы сегодня после этого, что Мадрас являлся исконной «исторической» частью Индии?»¹. По сути, американский исследователь рассматривает Индию как конечную инстанцию мир-системы. Если посмотреть абстрагированно на теорию мир-системного анализа, то можно заметить, что она схожа с цивилизационной концепцией Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера, В. Мак-Нила, но, в отличие от цивилизационного подхода, рассматривает не только эволюцию социальных систем в рамках одной цивилизации, но и взаимосвязь между несколькими «или может даже всеми цивилизациями мира». Одним из ключевых моментов мир-системного подхода, предложенного Валлерстайном, стало понимание мир-системы, как некоего территориально-временного пространства, «которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то

же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам»². Кроме того, встает вопрос о том, что мы понимаем под понятием «система»: является ли она планетарной, имеющей отдельные подсистемы, с присущим автономным характером, который в принципе является «независимой системой глобальной системы», или все-таки она развивается как подсистема? Согласно Валлерстайну, современная мир-система зародилась в т. н. «длинном 16-м веке» (приблизительно 1450–1650 годы) и к началу 20 века поглотил весь мир, до этого времени в мире одновременно сосуществовало множество «исторических систем»³. Однако, согласно Валлерстайну, мир-система не обязательно подразумевает «мировую систему». Тем не менее, вопрос остается дискуссионным.

Являясь последователем идей французского историка Броделя, Валлерстайн убежден, что каждое время имеет свое пространство, ровно так же, как и каждое пространство имеет свое время. Определенное пространство и время развиваются во временной ленте одновременно, поэтому и время, и пространство являются одной категорией. Ученый назвал ее «временем- и -пространством», выделяя пять типов последнего: 1. событийно-геополитическое; 2. циклическо-идеологическое; 3. структурное; 4. бесконечное; 5. трансформационное «время-и-пространство»⁴. Говоря об Индии сегодня, можно предположить, что речь идет о трансформационном типе «время-и-пространство», ибо на сегодняшний день государственные границы Ин-

1 Валлерстайн 2006: 1

2 Валлерстайн 2006: 20.

3 Купряшкин 2015: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145261/>

4 Завалько: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm

дии не совпадают с ее историческими. И, конечно, можно было бы согласиться с концепцией «ориентализма» уже другого американского ученого арабского происхождения Эдварда Саида Вади, о том, что западное мышление превратно представляет Восток, и именно оправдывающая колониальная политика западноевропейских держав, сформировала искусственные границы нынешних государств на Востоке, которые стали очагами нестабильности в современных международных отношениях. Однако, мы убеждены, что корни проблем кроются глубже.

Валлерстайн утверждает, что настоящее определяет прошлое, а не наоборот. Действительно, в рамках бывших границ Индии, куда входили, несколько государств – Индия, Пакистан, Бангладеш, Мьянма, теперь существуют четыре «истории государства и права», где каждое государство определяет свое прошлое в рамках прошлых государственных границ. Так как ученый является ведущим представителем миросистемного анализа, разработанную теорию он применяет непосредственно к Индии, которая является порождением современной мир-системы, и которую можно определить как одну из богатейших исторических государств периферии. Сегодня Индия является одним из наиболее быстроразвивающихся и густонаселенных государств мира. Философ констатирует, что «функционирование капиталистической мир-экономики предполагает существование некой политической надстройки из суверенных государств, связанных и узаконенных межгосударственной системой, так как такой системы ранее не существовало, ее нужно было построить»⁵. Такого рода система впервые зародилась в Европе на рубеже 1497–1648 гг. «Индия как единое «суверенное государство» отчасти было творением самих англичан в период 1750–1850»⁶, но не только их одних, ведь «другие “великие державы»

(такие как Франция) также внесли в это свой вклад, по крайней мере, в той степени, в какой они признавали ее международно-правовую реальность, и были не в состоянии изменить сложившиеся линии территориальных разделений»⁷. Важно отметить, что «ядро» (т.е. Великобритания) начало функционировать здесь не с чистого листа, индийский субконтинент (как периферия) активно сотрудничал, и здесь имелись исторически сложившиеся социально-политические структуры.

Как уже отмечалось, Валлерстайн считает Индию продуктом мир-системы. С этим утверждением невозможно не согласиться, более того наглядным примером мир-системы является Британская Индия, а точнее ее отдельные части. Если посмотреть на период с момента утверждения и до падения британской короны на индийском субконтиненте, то экономические связи здесь были превыше всего, система функционировала полноценно. Кроме того, как таковых границ между нынешними Индией, Пакистаном, Бангладеш, Мьянмой не было; религиозные и национальные столкновения если и имели место, то незначительно. С уверенностью можно констатировать, что в нескольких цивилизационных пространствах функционировала одна мир-система. Согласно Ф. Броделю, мир-экономика подразумевает только экономическую интеграцию, минуя культурную; у политических теологов расходятся мнения и относительно понятия «мир-империя», Бродель вовсе отрицает его существование. Следует отметить, что Ф. Бродель четко разграничивает понятия культурный центр и экономический центр, т.к. экономический центр не обязательно подразумевает его культурное влияние. Экономическое объединение может существовать независимо от культурных, религиозных и национальных особенностей, в границах одной мир-экономики могут сосуществовать несколько цивилизаций. Яр-

5 Валлерстайн 2006: 2

6 Валлерстайн 2006: 3

7 Там же.

ким примером такого сосуществования является Британская Индия, где в одном экономическом организме существовали несколько цивилизаций. Таким образом, у Броделя цивилизационный подход отслеживается более четко, чем у Валлерстайна.

Будучи неомарксистом, Валлерстайн видит во всем мир-систему с присущим капитализмом, и практически не придает значения религиозно-цивилизационной составляющей общества. Именно поэтому автор утверждает, что в период между 1750-1850 гг. невозможно было предсказать, что политические границы колониальной Индии разделятся на два государства, а впоследствии – на три (речь идет о Бангладеш), этим и объясняются позиции оппонентов раздела Индии, утверждая его «нелегитимность», ибо процессы не были определены историческим развитием. По мере удаления во времени, истинность «прошлого» становится все более и более неоспоримой, пока ход событий однажды, внезапно и драматически, а, главное, успешно, не поставит ее под сомнение, что всегда рано или поздно происходит⁸.

И, наконец, в понимании автора, Индия нечто «переходное», ибо никто не мог предположить 200 лет назад, что с ней может произойти, и сегодня никто не может предсказать ее будущее. Возможно, она распалется еще на несколько государств, а, возможно, и объединится с Пакистаном и Бангладеш. Но важно понять, что Индия в сегодняшних международно-признанных границах – устойчивая цивилизация.

Валлерстайн не увидел цивилизационную составляющую в нынешней ситуации, происходящей вокруг Индии, хотя и представляет особый интерес его интерпретация национализма в Индии и в целом. Валлерстайн пишет, что «не вызывает сомнения то, что, по крайней мере в нынешнее время, национализм вообще, и в особенности в Индии, является удивительно мощной культурной

силой всемирного масштаба»⁹. Национализм сегодня выглядит привлекательнее любой коллективной ментальности и социального выражения, хотя в последнее время религиозная ментальность проявила себя в качестве конкурентноспособного соперника национализму. В отличие от религиозного самосознания, национализм является новой тенденцией в политике, поэтому можно сказать, что национализм является продуктом мир-системы (если рассмотреть тенденцию с экономической точки зрения, то проявился в качестве протекционизма). Если говорить о внутренней организации общества, то можно утверждать о присущем национализму и отсутствии религиозной ментальности, но если говорить о внешних границах Индии, то невозможно не учитывать факт цивилизационной составляющей. Индия имеет сухопутную границу с шестью государствами: Пакистаном, Бангладеш, Китаем, Непалом, Бутаном и Мьянмой. Интересно, что из шести государств с тремя Индия имеет конфликты: Пакистаном, Бангладеш и Китаем; с двумя исламскими государствами и конфуцианским Китаем. С индуистскими Бутаном и Непалом и буддистской Мьянмой имеет прекрасные взаимоотношения и развивает интеграционные процессы. Речь не идет о религиозном противостоянии Индии с соседями, а лишь о конфликтах на линиях разлома цивилизаций.

Конфликты на фронтах Индии

История пограничных конфликтов так же стара, как и история «фронтиров» (границ). Границы цивилизаций – линии постоянных этнонациональных, этноконфессиональных столкновений и войн. Проблема делимитации и демаркации особо остро стоит на цивилизационных рубежах. По мере усиления цивилизационного фактора в международных отношениях, усиливаются и подобные конфликты. Цивилизационные рубежи представляют постоянный пояс нестабиль-

8 Валлерстайн: 7.

9 Завалько: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm

ности. Важно отметить, что речь не идет о «столкновении цивилизаций», ибо цивилизации могут между собой устанавливать вполне-таки дружественные отношения, а именно о линии разлома между ними. Рассматривая фронтиры в целом, можно придти к выводу, что на этноконфессиональных границах в определенный промежуток истории совместно проживают гражданское население представителей двух цивилизаций, но, в конечном итоге, конфликт между ними неизбежен, ибо носит цивилизационный характер.

В течение XX в., в условиях войн, массовых переселений, депортаций, резко изменилась религиозно-демографическая картина индийского субконтинента. Ниже представлена таблица присутствия конфессиональных групп в каждой из стран на 2005 г.

Религиозный состав населения			
СТРАНА	МУСУЛЬМАНЕ	ИНДУСЫ, СИКХИ	ХРИСТИАНЕ
Индия	13,10 % (143 млн.)	80,5% (839 млн.)	2,3% (25 млн.)
Пакистан	98% (159 млн.)	1% (1,6 млн.)	1% (1,62 млн.)
Бангладеш	86% (124 млн.)	13% (18 млн.)	1% (1,44 млн.)

Табл. 1

1. Индийско-пакистанский фронт

Одним из поясов нестабильности по праву можно назвать индо-пакистанский фронт, который на сегодняшний день является самым взрывоопасным конфликтом, т.к. он происходит между двумя ядерными государствами. Когда-то Индия и Пакистан имели общие колониальные границы, в рамках которых действовала единая мир-система, но распад колониальной системы международных отношений стал одновременно и распадом общих границ. С момента получения независимости в 1947 г. оба государства ведут ожесточенное противостояние и постоянно находятся на грани войны. В ходе конфликта между государствами произошли военные столкновения: Первая индо-пакистанская война (Кашмирская война; 1947–1949 гг.),

Вторая индо-пакистанская война (Вторая кашмирская война; 1965 г.), Третья индо-пакистанская война (Война за независимость Бангладеш; 1971 г.), пограничный конфликт на леднике Сиачен (1984–2003 гг.), Каргильская война (1999 г.). Индия и Пакистан считают спорными территории штатов Джамму и Кашмира, однако корни конфликта уходят глубоко в историю, упираясь, по сути, в межрелигиозную и, отчасти, этническую разнь.

Ислам и индуизм – не только разные религии, но и чужеродные образы жизни¹⁰. Противоречия между ними кажутся непреодолимыми, да и история народов двух государств подтверждает это. Конфессиональным принципом руководствовалась и Британская империя в период колониального правления. Многие исследователи утверждают,

что именно данная политика Британии на протяжении двух веков позволила зародиться конфликту. Так, например, Саид Вади утверждает, что колониальная политика империй ставила перед собой цель «разделяй и властвуй». С другой стороны, сторонники европоцентризма, включая И. Валлерстайна, уверены, что европейские государства дали возможность странам Третьего мира построить государственность, разделяя с ними опыт европейских государств. Но, несмотря на это, единая мир-система, хоть и в разных цивилизационных началах, функционировала во главе с британской короной. Согласно Броделю, такое образование можно назвать «мир-экономикой», однако Валлерстайн считает «мир-экономикой» только то образование,

10 Белокреницкий, Москаленко, Шаумян 2003: 367.

где нет политической интеграции. В случае же с Британской Индией данная территория выступала в качестве единого периферийного пространства.

Сейчас сложно оценить след колониальной политики государств, если рассматривать конфликты с точки зрения цивилизационной составляющей, однако если и есть след, то он незначителен в свете множества исторических, религиозных и цивилизационных факторов. Кроме того, рассматривая индийский фронт, можно прийти к выводу, что на цивилизационных рубежах прослеживаются территории, где в массовом порядке проживают представители обеих цивилизаций, с незначительными перевесами. Эти территории и становятся «спорными» в конфликте. В случае с индо-пакистанским фронтом, это территория провинции Кашмир.

В ночь с 14 на 15 августа 1947 г., когда была предоставлена независимость от британской короны, начались ожесточенные столкновения между мусульманами и индусами, число погибших за пару недель достигло сотен тысяч, беженцев – более 15 миллионов. Согласно конфессиональному разделению, исламскому Пакистану отошли провинции Белуджистан, Синд, северо-западный Пенджаб, Северо-Западная провинция, а также разделенная ранее Бенгалия – Восточная Бенгалия и Восточный Пакистан. Последние провинции могли поддерживать связь с остальным Пакистаном лишь через территорию Индии, или же по морю, тогда расстояние между ними исчислялось бы несколькими тысячами километров. Кашмир, собственно из-за чего и разгорелся конфликт преимущественно населяли мусульмане, однако правящая верхушка была индуистской; с приобретением независимости индуистская элита выразила желание войти в состав Индии. В настоящее время граница между индийской и пакистанской частями Кашмира проходит по Линии контроля, зафиксированной сторонами в Симлском соглашении, однако столкновения на религиозной почве и в террито-

риальном плане происходят до сих пор¹¹. Кроме того, в конфликте появились много заинтересованных сторон – Афганистан, США, Китай, Россия.

Вдоль границы между двумя государствами на сегодняшний день существует постоянный пояс конфликта и нестабильности, который, если рассмотреть с точки зрения цивилизационной составляющей, никогда не исчерпает себя, а только с течением времени будет усиливаться и уменьшаться.

Как уже выше отмечалось, до периода распада колониальной системы в регионе прекрасно функционировала одна мир-система, хоть и действовала в нескольких цивилизационных началах. Но с распадом колониальной системы два государства, которые были поделены согласно цивилизационной составляющей, столкнулись. Общая многовековая история мир-системы выразилась в организацию СААРК, которая на деле оказалась недействительной из-за противоречий между Индией, Пакистаном и Бангладеш. Попытки реанимировать мир-экономику Британской Индии не увенчались успехом. Цивилизационное столкновение между пакистанцами и индийцами не дают функционировать мир-системе в настоящее время, ибо капиталистических отношений между ними нет. Доля товарооборота между странами составляет менее 1%. А сравнивая две позиции – несколько цивилизаций в одной мир-системе и несколько мир-систем в одной цивилизации, то можно констатировать, что вторая более действенна и связи разрываются с трудом, в отличие от первого подхода.

2. Индийско-бангладешский фронт

Бенгалия также в 1947 г. была разделена по конфессиональному признаку (рис. 1). Так, западная часть Бенгалии отошла к Индии, в то время как восточная – к Пакистану (провинция Восточный Бенгал, позже переименована в Восточный Пакистан).

11 Белокреницкий 2010: 183.

Рис.1

Западный и Восточный Пакистан резко отличались друг от друга в культурном, но не в цивилизационном плане, что и стало впоследствии определяющим фактором в современных отношениях между Пакистаном и Бангладеш. В войне за независимость Индия поддержала Восточный Пакистан, благодаря данной поддержке в 1971 г. страна приобрела независимость. Тогда Пакистан, будучи союзником Китая, обратился к нему с просьбой заблокировать вступление Бангладеш в ООН, а Индия, в свою очередь, на мировой арене делала всё возможное, дабы получить признание Бангладеш со стороны мирового сообщества. Тем не менее, в 1974 г. Бангладеш приняли в ООН.

Несмотря на то, что оба государства связывают культурные, исторические, экономические связи, а в войне за независимость они являлись союзниками, отношения между государствами не стали доверительными. Казалось бы, для Бангладеш наиболее оптимальный вариант для культурно-экономического роста – интеграционные процессы с Индией, с которой страна имеет сухопутную границу общей протяженностью в 4023 км. Появление нового соседа для Индии стало дополнительным поясом конфликта относительно границ, в ходе которых неоднократно происходили пограничные столкновения. Только в 2011 г. было достигнуто соглашение о демар-

кации границ. Индия предоставил Коридо Тин Бингха для беспрепятственного доступа гражданам Бангладеш, также соглашение включало в себя обмен анклавными, включая переселение 51 000 человек, более 111 индийских анклавов переданы в Бангладеш и 51 анклав Бангладеш передан Индии¹². Кроме того, Индия построила пограничный заградительный барьер для препятствия незаконному пересечению ее границ бенгальцами. В ответ на это Бангладеш заявляет о стрельбе на поражение индийских пограничников по гражданским лицам, в чем Индия впоследствии призналась.

Сравнивая отношения между Индией и Бангладеш и Бангладеш и Пакистаном, хоть и Бангладеш воевал в союзе с Индией против Пакистана, отношения последних двух наиболее дружественные. Исламские Пакистан и Бангладеш уже через два года после принятия Бангладеш в ООН установили дипломатические отношения. Отношения значительно улучшились при военных режимах Зиаура Рахмана и Хуссейна Мохаммада Эршада в Бангладеш, которые отдалились от традиционного союзника – Индии¹³. В 80-ых гг. были заключены многочисленные соглашения о торговле и культуре. С учетом новых реалий оба государства обеспокоились усилением Индии в регионе. Тогда Пакистан передал Бангладеш несколько эскадрилий ShenyangJ-6 (во время очередного циклона были уничтожены). На сегодняшний день товарооборот между двумя странами составляет 340 млн долл. в год, что по сравнению с населением двух стран является незначительным показателем¹⁴, однако стоит отметить, что у двух государств нет общих границ, что препятствует более тесной экономической и культурной интеграции, а два «связующих

12 Sougata Mukhopadhyay 2011: <http://www.ibnlive.com/videos/india/india-bangladesh-398490.html>

13 <http://countrystudies.us/bangladesh/21.htm>

14 <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/osnovnyie-napravleniya-vneshney-politiki.html>

звена» поддерживают торговые отношения через территорию Индии.

Итак, мы видим мир-систему, которая практически не функционирует между Индией и Бангладеш, а с другой стороны – функционирует между Пакистаном и Бангладеш. Стоит отметить, что Пакистан и Бангладеш являются представителями одной цивилизации, именно поэтому мир-система здесь не столкнулась с препятствиями после распада Британской Индии, несмотря на конфликт. Однако будет неправильно утверждать однозначно, что культурные особенности не дают функционировать мир-системе, они лишь создают трудности, которые нельзя назвать непреодолимыми. Как уже упоминалось, конфуцианский Китай, будучи союзником исламского Пакистана, начиная с 1956 г. поддерживает с ним дружеские отношения. Китай является вторым по значимости экономическим и первым политическим союзником Пакистана. Но в союзнических отношениях больше преобладает политика, нежели экономика. Китай рассматривает Пакистан, в первую очередь, как противовес НАТО и Индии в регионе, а не как рынок сбыта своих товаров и услуг (как, например, Юго-Восточную Азию); у двух государств общий враг, здесь и объединяются их политические интересы. Всё же невозможно исключительно политическое сотрудничество, всегда должна быть экономическая составляющая – Пакистан для Китая это еще и мост, связывающий с арабским миром, а товарооборот между двумя странами преимущественно в военных и технологических сферах. Тем не менее, в регионе пакистано-китайские отношения служат ярким примером функционирования одной мир-системы в разных цивилизационных пространствах.

3. Индийско-китайский фронт

Являясь представителями древнейших цивилизаций, Индия и Китай на протяжении более 2 тыс. лет постоянно взаимодействуют, поддерживают связь. Через территорию двух

государств проходил Великий шелковый путь, связывающий Восточную Азию со Средиземноморьем. Можно сказать, что зачатки системы появились еще в древности, а современное состояние начало зарождаться в Средние века. Согласно Валлерстайну, современная мир-система зародилась в т.н. «длинном XVI в.» (приблизительно 1450–1650 гг.). Данный временной промежуток сходится с интенсификацией экономических связей Индии и Китая. Современные же отношения между двумя государствами были установлены с 1950 г. Однако отношения не всегда были однозначны. С 1959 г. начинаются противоречия между двумя государствами, поводом для которых стало бегство Далай-ламы в Индию. У государств появились пограничные споры, которые привели к трем крупным военным столкновениям: в 1962 г., 1967 г., 1987 г.. В 2005 г. пограничная проблема отчасти разрешилась: КНР признала Сикким индийской территорией, а Нью-Дели назвал Тибет «Тибетским автономным районом»¹⁵. Оба государства до сих пор укрепляют военную инфраструктуру вдоль своих границ. Индия постоянно заявляет о незаконном пересечении ее границ китайцами.

В настоящее время Индия и Китай являются наиболее быстроразвивающимися странами, но по экономическим показателям Индия заметно уступает Китаю. Несмотря на военные конфликты, поддержку Китаем Пакистана, военное присутствие Индии в спорных участках Южно-Китайского моря, с 1990 г. оба государства начали интенсивно налаживать экономические связи. Так в 2008 г. Китай стал крупнейшим экономическим партнером Индии, а в 2013 г. товарооборот между ними превысил 65,5 млрд. долларов. От торговых отношений Китай имеет больше пользы, чем Индия, которая сталкивается с огромным дисбалансом в пользу Китая. В то время как Китай наращивает свою мощь, Индия с недоверием смотрит на модер-

15 Лунаев 2012: 126

низацию армии своего северного соседа. Некоторые политические круги Индии считают Китай более опасным соседом, нежели Пакистан. Стоит отметить, что для Китая Индия с населением более 1,252 млрд. (2013 г.) представляется заманчивым рынком сбыта товаров и услуг. Тем не менее, все противоречия, которые были указаны выше, не стали препятствием для налаживания экономических связей после серии военных конфликтов, которые имеют многовековую историю.

Итак, мы видим еще один наглядный пример прекрасного функционирования одной мир-системы в разных цивилизационных началах: индийской и китайской цивилизаций в рамках южно-азиатской подсистемы. С другой стороны, индийско-китайская граница подтверждает теорию фронтиров. На линии разлома цивилизаций, т.е. индийско-китайской границе, на протяжении полувека наблюдается напряженность, перерастающая в военные столкновения.

4. Индийско-мьянмский фронт

Наряду с Пакистаном и Индией Мьянма входила в состав Британской Индии, но вышла из нее еще в 1937 г. С Индией у страны прочные связи, которые уходят глубоко в историю. На протяжении многих лет индийско-мьянманские отношения были сильны благодаря тому, что Мьянма ранее была провинцией Индии, соответственно между этими странами есть наличие культурных связей, общих интересов в региональных делах и присутствие значительной индийской общины в Мьянме¹⁶. С геополитической точки зрения Мьянма представляет огромный интерес для Китая, порты и острова которых дают контроль над Малаккским проливом, через который в Китай транспортируется 80% нефти из Персидского залива и Африки. Китай прилагает всяческие усилия, чтобы стать связующим звеном в налаживании от-

ношений Мьянмы со стратегическим союзником Китая – Пакистаном. Например, китайские руководители явно приложили руку к тому, чтобы после военного переворота 1988 г. высшие руководители двух государств обменялись визитами – Кхин Ньют посетил Пакистан в 2000 г., а Мушарраф побывал в Мьянме в 2001 г.¹⁷ Здесь и сталкиваются интересы Индии и Китая в стране.

Индия является крупнейшим рынком сбыта для мьянманского экспорта, приобретая товаров на сумму около 220 млн долл. США (в 2000 г.), индийский экспорт в Мьянму составил 75,360,000 долларов США; Индия является 4-м крупнейшим торговым партнером Мьянмы после Таиланда, КНР и Сингапура и вторым по величине экспортным рынком после Таиланда, поглощая 25 процентов от общего объема экспорта Мьянмы¹⁸. Индию беспокоят инвестиции Китая в мьянманские порты, модернизации военно-морской базы. 13 февраля 2001 г. Индия и Мьянма открыли новое 160-километровое шоссе, которое стало важным стратегическим и торговым транспортным маршрутом, соединяющим северо-восток Индии с Юго-Восточной Азией¹⁹. Тем не менее, от соперничества двух государств Мьянма остается в выигрыше. Мьянма глубоко интегрирована в региональную систему Юго-Восточной Азии через Индию и в систему Восточной Азии через Китай. В цивилизационном плане также имеет тесные связи с Китаем и Индией.

Проведенный анализ работы И. Валлерстайна «Существует ли на самом деле Индия» позволяет сделать вывод, что Индия, являясь продуктом мир-системы, была втянута в конфликты с самого начала обретения независимости.

Подведенные итоги анализа взаимоотношений между бывшими странами Британской Индии, позволяют констатировать, что в раз-

16 Лебедева 2010: <http://cyberleninka.ru/article/n/treugolnik-indiya-myanmar-kitay-problemy-i-kompromissy-vzaimodeystviya>

17 Там же.

18 Шилин 2009: <http://world.eizvestia.com/full/4181381>

19 http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/about_vn/view_smi_vn/foreign_smi_vn/33/19755.html/31/01/2015.

ных цивилизационных началах может существовать одна мир-система. Будучи в различных цивилизационных границах Индия, Пакистан, Бангладеш прекрасно функционировали как единый экономический организм. Однако, вследствие территориальных конфликтов на религиозной почве, система перестала функционировать, а неэффективная экономическая организация СААРК не смогла реанимировать былые отношения. Кроме того, вдоль границ современной Индии наблюдается постоянный пояс нестабильности: пакистанский, бангладешский, китайский фронтиры. Пояс нестабильности объясняется линией разлома цивилизационных на-

чал. В противовес вышеуказанным фронтам, был рассмотрен индийско-мьянмский фронт, который характеризуется достаточно прочными взаимоотношениями. Особый интерес с точки зрения цивилизационного подхода представляют индийско-китайские отношения, где страны хоть и имеют территориальные конфликты, но система функционирует, опять-таки, в разных цивилизационных началах.

Исследовательская работа сделана на основе трудов неомарксистов И. Валлерстайна, А. Гундер Франка, а также других специалистов в области Юго-Восточной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. (2006). Существует ли Индия? Логос. № 5
2. Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: Введение / Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик. М.: Территория будущего.
3. Валлерстайн И. (2003). Сколько существует идеологий? // После либерализма. М.: Едиториал УРСС.
4. Белокреницкий В. Я.; Москаленко В. Н.; Шаумян Т. Л. (2003). Южная Азия в мировой политике: учеб. пособие. М.: Международные отношения.
5. Белокреницкий В. Я. (2009). Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии. М.: Наука.
6. Лунаев С. И. (2012). Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т.17, №17. Логос

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Купряшкин И. В. (2015). Мир-системный подход к всемирной истории: от мини-миров к мир-социуму: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145261/>
2. Мир-системная концепция цивилизационного процесса И. Валлерстайна: <http://sinp.com.ua/work/240071/Mir-sistemnaya-koncepciya-civilizacionnogo>
3. Завалько Г. (2005). Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm
4. India-Bangladesh sign pact on border demarcation: <http://www.ibnlive.com/videos/india/india-bangladesh-398490.html>
5. The Zia Regime and its Aftermath, 1977-82 // <http://countrystudies.us/bangladesh/21.htm>
6. Основные направления внешней политики Пакистана : <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/osnovnyie-napravleniya-vneshney-politiki.html>
7. Лебедева Н. (2010). Треугольник Индия-Мьянма-Китай. Проблемы и компромиссы взаимодействия // Журнал Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, №15: <http://cyberleninka.ru/article/n/treugolnik-indiya-myanma-kitay-problemy-i-kompromissy-vzaimodeystviya>
8. Шилин М. (2009). Индия подружилась с соседями: <http://world.eizvestia.com/full/4181381>
9. Обзор СМИ Вьетнама за март 2015 г.: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/about_vn/view_smi_vn/foreign_smi_vn/33/19755.html

В. М. ГОЗАЛЯН

(Central China Normal University)

ТИБЕТ – ЗОНА КОНФРОНТАЦИИ

Аннотация

В межэтнических отношениях Китайской народной республики важное место занимает «Тибетская проблема». При этом «Тибетский вопрос», осмысливается в нескольких парадигмах, и в зависимости от этого, трактовка данного вопроса меняется кардинально. В статье рассматриваются две основные парадигмы – Китайская и Тибетская.

Как именно будет решаться тибетская проблема в будущем? Этот вопрос не находит однозначного ответа. Однако становится очевидно, что его решение непременно будет протекать в пределах китайского государства.

Ключевые слова: Тибет, Китай, Тибетский вопрос, пограничье, сино-тибетские отношения.

Abstract

In the inter-ethnic relations of China an important role occupies the Tibetan problem. The “Tibet issue”, conceptualized in several paradigms, and depending on this, the treatment of this issue is changing dramatically. For example, in the article were two basic paradigms discussed – Chinese and Tibetan.

How will it be decided Tibetan problem in the future? This question is not unequivocal answer. However, it becomes obvious that his decision will certainly occur within the Chinese state.

Keywords: Tibet, China, Tibet issue, borderlands, the Sino-Tibetan relations.

Ամփոփում

Չինական ժողովրդական հանրապետության ազգամիջյան հարբերություններում կարևոր տեղ է զբաղեցնում «Տիբեթի հարցը»: Այն մեկնաբանվում է մի քանի հոլովոյթներում, և ըստ այդմ տվյալ հարցի ընկալումն արմատապես փոխվում է: Հոդվածում դիտարկվում են երկու հիմնական հարացույց՝ Չինական և Տիբեթյան:

Ինչպևն է լուծվելու Տիբեթի խնդիրն ապագայում: Այդ հարցը չունի միանշանակ պատասխան: Սակայն ակնհայտ է, որ վերջինիս լուծումը անապայմանորեն ընթանալու է Չինական պետության սահմաններում:

Հիմնաբառեր. Տիբեթ, Չինաստան, Տիբեթյան հարց, սահմանագիծ, չին-տիբեթյան հարաբերություններ:

«Тибетский вопрос» неизменно остается одной из важнейших проблем Центральной Азии. Как известно, Тибет не является «горячей точкой», и такого понятия как тибетский терроризм не существует, но, тем не менее, тибетский вопрос включает в себя огромное количество крайне противоречивых и, подчас, опасных вопросов военного, политического, этноконфессионального характера. Всесторонний анализ этнической пробле-

матики многонациональных государств (в частности, Китая и Индии) в связи с усилением во всем мире конфликтов на межэтнической и религиозной почве обуславливает необходимость исследования данного вопроса.

Как указывает в своей статье «На стыке древних мир-систем: пролегомены» Е.Г. Маргарян: «За последние два столетия историческая наука развивалась преимущест-

венно в двух плоскостях – эволюционной и цивилизационной. В основе эволюционного восприятия исторического процесса лежит прогрессистская идея линейного поступательного исторического времени. Цивилизационная картина мира зиждется на циклическом восприятии исторического времени... Сторонники цивилизационного подхода рассматривают цивилизации как основные единицы бытия, замкнутые на себе хронотопные монады, имеющие уникальный облик и неповторимую судьбу. Единственное, что объединяет все эти монады – ограниченность во времени и пространстве, и строго чередующиеся ментальные циклы... Каждый из упомянутых подходов, взятый по отдельности, на наш взгляд, недостаточен, но если попытаться объединить их по принципу взаимодополняемости, можно сложить объемную и цельную картину исторического процесса, дать более убедительные ответы на вопросы, стоящие перед современными общественными науками»¹. Мы поставили задачу построить наше исследование на основе данного подхода.

Тибетская проблема в КНР занимает особое место в межэтнических цивилизационных отношениях, и может рассматриваться в нескольких парадигмах, от чего меняется ее трактовка. Китайская парадигма считает вопрос некой выдумкой сепаратистско настроенной тибетской диаспоры, в тибетской же парадигме, проблемой считается исторический и политический статус Тибета².

В основе главных парадигм тибетского вопроса лежит конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю, выражающийся в разных формах, и наиболее ожесточенно – в борьбе за право представительства (*representation fight*) или, иначе говоря, идеологической борьбе за право представлять тибетскую историю³.

Главными соперниками в этой борьбе являются правительство КНР и тибетская диаспора в лице Его Святейшества Далай-ламы XIV и его правительство в изгнании. Некоторые ученые рассматривают «тибетский вопрос» как более глобальную международную проблему, другие видят его как внутренне дело Китая, однако, обе стороны игнорируют важную роль, которую играет запад в конструировании самого спора.

Запад как политическое действующее лицо является частью проблемы и главным действующим лицом в определении данного вопроса. Он по преимуществу создан на построениях тибетской диаспоры, приложившей огромные усилия в создании в западном мышлении своеобразного четкого образа Тибета, его оригинального народа и необычной религии⁴.

Практически 1500 лет насчитывает история сино-тибетских взаимоотношений. С тех пор в историографии Тибета сложилась некая тенденция — рассматривать историю этих отношений с точки зрения тибетского вопроса или выявления исторического статуса Тибета касательно Китая. Согласно Е. Г. Маргаряну: «Мир-система может включать в себя две или несколько цивилизаций, объединенных в рамках общей мир-экономики, т.е. едином экономическом пространстве, имеющим свой центр, с Мировым городом, периферию и периферию. При этом локальные, а в некоторых случаях и основные цивилизации, могут быть расколоты, так что одна их часть окажется в одной мир-системе, а вторая – в другой»⁵. Данное высказывание еще раз подтверждает наличие двух основных парадигм тибетской проблемы.

Китайская парадигма тибетского вопроса опирается на идею единого Китая, которым на протяжении многих тысячелетий правили сменяющие друг друга династии различных этносов. Касательно Тибета существуют два

1 Маргарян 2016.

2 Гарри 2013, 15 : 50.

3 Там же.

4 Гарри 2013: 10.

5 Маргарян 2016.

утверждения. Одно из них гласит, что начиная с династии Юань (1279–1368 гг.) Тибет всегда находился в некой формальной зависимости от основного правительства, которое правило Китаем. Другое – в построении некоего образа «китайского Тибета» (ZhongguoXizang), как и «независимого Тибета», – доказывает, что Тибет является частью Китая. Согласно официальной пропаганде китайской стороны, старый Тибет был воплощением жестокого режима крепостников, народно-освободительная армия Китая освободила Тибет и принесла тибетскому народу счастье и процветание⁶. Ну а с точки зрения Тибета, он на протяжении своей 2000-летней истории являлся автономным государством. Во времена династии Юань (1279–1368 гг.) (монголов) и Цин (1644–1911 гг.) (маньчжуров) между ламами – правителями Тибета, с одной стороны, и монгольскими ханами и маньчжурскими императорами – с другой, сложились уникальные и неповторимые взаимоотношения духовного наставника и светского покровителя, которые, тем не менее, целиком утратили свою значимость с падением династии Цин⁷. Но такие отношения были между тибетцами и монголами/маньчжурами, и поэтому китайское правительство не имеет никаких прав и оснований утверждать свою власть над Тибетом, основываясь только на этих отношениях. По мнению правительства Далай-ламы XIV, введение войск НОАК в Тибет в 1951 г. является незаконной оккупацией Тибета и актом агрессии.

Трактовка тибетского вопроса с точки зрения двух парадигм («китайского Тибета» или «независимого Тибета»), представляет собой особый вид «политического мифотворчества». Целью этого мифотворчества является попытка доказать и оправдать свои притязания на право представлять интересы Тибета на международном уровне.

6 http://www.rusngo.ru/index.php?catid=266:2012-12-21-09-28-27&id=3529:lr&Itemid=315&lang=ru&option=com_content&view=article 23.01.2016

7 <http://www.abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Dalay%20Lama/0003.pdf> 7.01.2016

Тибетский вопрос – это по большей мере западный конструкт, который возник во время распада Цинской империи в 1911 г. Но стоит отметить, что при этом Запад играет главную роль в формулировании конфликта и является важнейшим действующим лицом в формировании проблемы. Именно по этой причине выяснение исторического статуса Тибета с помощью современных западных правовых норм является более эффективным.

К середине XX столетия произошел основной сдвиг в сино-тибетских отношениях – именно тогда Тибет и был включен в состав КНР. Это произошло на основании письменного соглашения между правительствами Китая и Тибета. Благодаря этому соглашению впервые в истории определился статус Тибета. Таким образом, Тибет легально был включен в состав КНР. И законность данного Соглашения не вызывает сомнения, несмотря на то, что оно было подписано и утверждено против воли тибетской стороны и, скорее, в силу сложившихся обстоятельств.

Тибет в этом соглашении, кроме независимости, де-факто потерял право ведения внешнеполитических дел, в Тибет были введены войска и образовался военный округ. Вместе с тем, Соглашение в том виде, в каком оно было подписано, гарантировало сохранение традиционной системы власти, религии и культуры, что, несомненно, являлось его позитивным аспектом. Положительным был также сам факт подписания Соглашения – совершенно отличный от других районов нацменьшинств статус Тибета, как отдельного культурного, а также политического субъекта взаимоотношений. Однако, несмотря на позитивные стороны Соглашения, его подписание ознаменовало поражение тибетцев в своей борьбе за независимость, которую начал Далай-лама XIII и которая продолжалась на протяжении 40 лет⁸.

Соглашение было выгодно китайской стороне, желающей заложить легальную ос-

8 http://savetibet.ru/2010/03/10/print:page,1,tibet_3.html 23.01.2016

нову для интеграции Тибета внутри КНР. Однако Соглашение, а именно те пункты, в которых гарантировалась сохранность традиционной политической и религиозной системы Тибета, не устраивало и многих китайских руководителей, для которых был приемлем только жесткий сценарий, для достижения последней цели – социалистического преобразования Тибета⁹. Он казался властям КНР более благоприятным, чем то долгое ожидание того, когда верхи наконец созреют для проведения реформ.

С 1951 по 1959 гг. две стороны – теократический Тибет и социалистический Китай попытались мирно существовать в рамках Соглашения. В этот период китайские власти следовали политике единого фронта с властями Тибета. Возглавляемая лично Мао Дзэдуном группа «либеральных» реформаторов удерживала давление приверженцев жесткой линии внутри партии. До 1959 г. Соглашение из 17 пунктов осуществлялось формально, политическая и религиозная структура тибетского общества не были модифицированы, тибетское правительство продолжало пользоваться довольно широкими полномочиями. Тем не менее, несмотря на передовую, по меркам социалистического государства, религиозную и национальную политику, в Тибете центральные власти КНР все же не смогли осуществить все задуманные реформы. Ни Китай, ни Тибет не были расположены к спокойному сосуществованию в рамках единого государства.

В период 1951–1959 гг. в китайском руководстве преобладал некий подход к тибетской политике, который был полностью направлен на сближение с тибетской правящей элитой через сотрудничество. И именно с этого сотрудничества предполагалось интегрировать Тибет в состав многонационального Китая.

Так китайское правительство получило возможность осуществлять в Тибете рефор-

мы, а у Тибета, в свою очередь, появилась надежда: получить международную поддержку, надеясь впоследствии достичь решения тибетского вопроса на международном уровне.

После бегства Его Святейшества Далай-ламы и его окружения в Индию и разгрома тибетского восстания, начались так называемые «демократические» реформы (1959–1966 гг.), которые «опрокинули небо и перевернули землю»: Тибет всего за восемь лет, не проходя стадию капитализма, прыгнул из феодализма в социализм. Такой прыжок означал лишь абсолютное уничтожение сформировавшейся на протяжении целого тысячелетия социальной и политической структуры тибетского общества. На остатках этой древней структуры была выстроена новая социалистическая административная система в соответствии со взглядами местной автономии, принятыми в КНР. Все эти реформы проистекали в условиях зарождения культа личности Мао Цзэдуна в период политики «трех знамен», что сыграло огромную роль в методах, применяемых китайским правительством, и в характере преобразований. Как следствие этого, местная автономия стала неким прикрытием партийных органов власти, армии, а аграрная реформа разрушила традиционный способ производства. В ходе всех реформ, проводимых КНР, была уничтожена главенствующая роль буддийской церкви в Тибете, ее непосредственное участие в экономике и обществе. Во главе с Далай-ламой XIV тибетская эмиграция смогла решить некоторые существенные вопросы, которые касались интернационализации тибетского вопроса. В 1961 г. ООН принял две резолюции, осуждающие политику КНР по отношению национальных меньшинств. На год раньше международная комиссия юристов отметила, что «Тибет был во всех отношениях независимой страной и пользовался большой степенью суверенитета». После таких высказываний в США стали все чаще говорить о праве тибетцев на самоопределе-

9 <http://migha.ru/tibetskij-vopros-i-nacionalenaya-politika-knr-v-tibete-stranica-2.html> 23.01.2016

ние¹⁰. Однако, тибетские власти так и не смогли добиться поддержки держав. Следовавшая за реформациями в Тибете «культурная революция» в Китае была воспринята тибетцами как попытка уничтожения тибетского образа жизни, впоследствии это поспособствовало заострению конфликта на религиозной почве.

Руководство Китая признало, что «культурная революция» причинила колоссальный вред национальной политике, но, тем не менее, продолжало утверждать и утверждает поныне, что национальная политика партии и правительства в целом была и является правильной. Тибетская диаспора осудила национальную политику китайского правительства, целью которой была ассимиляция тибетского народа, а результатом – геноцид. С точки зрения тибетского правительства в изгнании, китайское правительство через войны, тюрьмы, казни и голод уничтожило 1 млн. 200 тыс. тибетцев. Китай оспаривал эти заявления, но его возражения не были рассмотрены международной общественностью. Тем не менее, в скором времени появились публикации, ставящие под серьезное сомнение заявления тибетской диаспоры. Некоторые авторитетные лица на Западе (демограф Б. Саутман, П. Френч – бывший руководитель кампании за Свободный Тибет в Великобритании), изучая тибетский вопрос, пришли к общему мнению, что те источники, на которые полагалась Центральная тибетская администрация, не надежны и «нет свидетельств о намеренном репрессировании тибетцев, не говоря уже о демографическом истреблении»¹¹. Отметим, что выводы, сделанные П. Френчем и Б. Саутманом, о том, что цифра в 1 млн. 200 тыс. погибших необоснованна, истинны. Однако нет сомнений, что число насильственных смертей в Тибете было колоссальным. «Десятилетие бедствий»

нанесло самый сокрушительный удар по тибетцам и их цивилизации. «Культурная революция», как отмечают многие китайские политологи и историки, стала «большим и пугающим бедствием» в истории Китая. Для национальных же меньшинств КНР, в частности для тибетцев, культурная революция стала бедствием вдвойне.

После смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) и проведения III пленума 11-го созыва КПК (1978 г.) и 1-го форума ЦК КПК по работе в Тибете (1980 г.) в Тибете начались реформы во всех сферах экономической, социальной, религиозной и культурной жизни тибетского народа. Политика КНР за прошедший период (с 1980 г.) во многом претерпела существенные изменения. Реформы начались с либерализации политики в области культуры и экономики Тибета, это положительно отразилось во всех сферах жизнедеятельности тибетского народа. В Тибет были брошены огромные инвестиции, которые привели к внушительному росту ВВП, в среднем по 12,8 % в год за период с 1993 по 1999 г., в результате чего ВВП Тибета к 2000 г. превысил средний по стране. Однако либеральная политика привела к неожиданным для Пекина последствиям – росту национализма и сепаратизма¹². Вспыхнули недовольства, которые впоследствии перетекли в серию волнений: власти в свою очередь ответили ужесточением политики в сфере проявления тибетской этничности – религии и культуры. Касательно Тибета Пекин определил двудединую задачу – поддержание стабильности и экономическое развитие.

Как писал Китайский литератор из Пекина Ван Лисюн: «При дальнейшем развитии Китая этнические проблемы станут, возможно, главной проблемой (вызовом)¹³». Трудно не согласиться с этим мнением. Выйти из замкнутого круга – проблема, которая стоит перед китайским правительством.

10 <http://russian.china.org.cn/russian/32907.htm>
23.01.2016

11 Там же

12 <http://ria.ru/spravka/20080710/113708708.html>
12.01.2016

13 <http://savetibet.ru/2015/06/04/tibet.html> 11.01.2016

Исследования показали, что, несмотря на заявления официального Пекина, задача «стабильности и развития» в Тибете по-прежнему не решена.

Либеральная политика в сфере религии и культуры привела к спонтанному возрождению всех форм функционирования религии, а вместе с тем, к таким нежелательным для Пекина последствиям, как антикитайские протесты, катализатором которых выступили буддийские монахи. Возрождение религии на прежнем (до 1959 г.) уровне не входит в намерения Пекина. Поэтому проблема стабильности, в основе которой лежит религиозный вопрос, по-прежнему остается одной из самых трудноразрешимых задач Китая¹⁴.

Безвыходная ситуация в сино-тибетских переговорах дополняет список этнических и цивилизационных проблем Китая. События 2008 г. доказали, что в сино-тибетских взаимоотношениях настал очередной кризис. Пекин и Дхарамсала снова заняли жесткую позицию. Давление на Пекин со стороны международного сообщества, непосредственно перед проведением Олимпийских игр, и волнения, в конечном итоге заставили пойти Пекин на смягчение политики, проводимой в отношении Тибета, однако все надежды, возлагаемые тибетскими властями на успех, так и не оправдались. Несмотря на поддержку, которую оказывает западный мир Тибету, на церемонии открытия Олимпийских игр присутствовали главы практически всех государств, что еще раз доказывает, что официальная позиция этих государств не претерпела каких-либо особых изменений, и такие изменения маловероятны в будущем. Китай успешно провел Олимпийские игры, и ничего не помешало ему вступить во Всемирную торговую организацию в 2001 г., он так же как и всегда продолжает получать иностранные инвестиции¹⁵. По оценкам экспертов, са-

мой стабильной в мире в условиях мирового кризиса все еще остается экономика Китая.

Давая оценку сино-тибетскому диалогу за последние три десятилетия, необходимо отметить две важные тенденции:

- Бесспорный успех тибетской стороны в обретении международной поддержки на всех уровнях, включая официальный. Давление на Китай со стороны мировой общественности не остается без внимания в Пекине, но тем не менее, не может помочь разрешить проблему, напротив, подрывает позиции приверженцев этнически направленной политики и подходит к сторонникам жесткой линии, которые под благовидным предлогом – обеспечения устойчивости и целостности государства – проводят политику «закручивания гаек».
- Несмотря на всю поддержку, оказываемую западом, у него нет никаких политических и экономических интересов в Тибете. Надо так же учитывать, что КНР является одним из союзников США во многих существенных вопросах международной политики, а также ее экономическим партнером. Отметим также, что тибетский вопрос начал терять свою актуальность для многих западных стран, после того как они столкнулись с новыми проблемами XXI столетия.

Изучение проблемы тибетской автономии показало незавершенность процесса национального строительства в КНР и необходимость регулирования межэтнических взаимоотношений. Надо отметить, что нынешняя китайская модель немногим отличается от обыкновенной административной автономии. В Китае нацменьшинствам предоставляют широкий спектр прав, но при этом, нет никаких выработанных и четко действующих механизмов, которые воплощали бы их в жизнь. По этой причине с точки зрения либеральных концепций автономия в КНР не соблюдается. Чтобы выйти из сложив-

14 Там же.

15 Там же.

шегося положения, Далай-лама предложил «срединный путь». В этом предложении Тибет должен оставаться в составе Китая, но он будет использовать демократическую систему, обеспечивающую полнзначную автономию Тибета.

Далай-лама назвал свой план «срединным», имея в виду то, что он находится между достижением независимости, с одной стороны, и национальным угнетением в рамках тоталитарного строя – с другой, с третьей же стороны – на стыке двух цивилизаций: Китая и Индии. Но план, предложенный его святейшеством Далай-ламой, не устраивает Китай. КНР считает, что та система, которая была предложена Далай-ламой, в сущности, является завуалированной формой независимости, как можно было увидеть из сценария внезапной демократизации.

Как именно будет решаться тибетская проблема в будущем? Этот вопрос не находит однозначного ответа. Однако очевидно, что

решение тибетского вопроса будет протекать в пределах китайского государства.

Дэн Сяопин говорил о необходимости «переходить реку, извлекая камни со дна». Далай-лама XIV в течение всей своей жизни модифицировал свое видение свободного Тибета.

Основным источником для разрешения данной проблемы остается Его Святейшество Далай-лама. Его вес в самом Тибете, так же как и за его пределами, очень высок. Как и прежде надежды на самоопределение, возрождение своей религии и культуры всего тибетского общества возлагаются на Далай-ламу. Он является высшим авторитетом во всем. Однако, находясь в Индии, он лишен возможности оказывать непосредственное влияние на жизнь тибетцев. Время не на стороне Далай-ламы, и это придает тибетскому вопросу еще большую остроту.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарри И. Р. (2013). КНР может распасться, как Советский Союз // Газета.Ру, 26.06.2013,
2. Гарри И. Р. (2009). Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX - начало XXI в.). Улан-Удэ: изд-во БНЦ СОРАН, с. 10.
3. Маргарян Е. Г. Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории «переОРИЕНТация» или «ориентализация» исторического сознания? // Диалог со временем. 55. Москва: ИВИ, 2016. — 400 с. С. 173-194.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. http://www.rusngo.ru/index.php?catid=266:2012-12-21-09-28-27&id=3529:l-----r&Itemid=315&lang=ru&option=com_content&view=article 23.01.2016
2. <http://www.abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Dalay%20Lama/0003.pdf> 7.01.2016
3. http://savetibet.ru/2010/03/10/print:page,1,tibet_3.html 23.01.2016
4. <http://migha.ru/tibetskij-vopros-i-nacionalenaya-politika- knr-v-tibete-stranica-2.html>
5. 23.01.2016 <http://russian.china.org.cn/russian/32907.htm> 23.01.2016
6. <http://ria.ru/spravka/20080710/113708708.html> 12.01.2016
7. <http://savetibet.ru/2015/06/04/tibet.html> 11.01.2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Маргарян Ерванд Грантович –

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой Всемирной истории и
зарубежного регионоведения Российско-
Армянского университета,
ведущий научн. сотр. Института
истории НАН РА.

Адрес: 123 Иосифа Эмина, Ереван 0051,
Армения

e-mail: vsemist@mail.ru;
ervand.margare@gmail.com

Margaryan Yervand –

Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History
and Area Studies abroad of the Institute
for Human Sciences Russian-Armenian University,
Leading Researcher of Institute of History National
Academy of Science of Republic of Armenia.

Address of organization: 123 Hovsep Emin St,
Yerevan 0051, Armenia

e-mail: vsemist@mail.ru;
ervand.margare@gmail.com

Երվանդ Մարգարյան

պատմական գիտությունների դոկտոր,
Հայ-Ռուսական համալսարանի
Համաշխարհային պատմության և
արտասահմանյան տարածաշրջանա-
գիտության ամբիոնի վարիչ, ՀԱԳԱ
Պատմության ինստիտուտի առաջատար
գիտաշխատող

e-mail: vsemist@mail.ru;
ervand.margare@gmail.com

Аветисян Павел Сетракович –

доктор исторических наук, член-корреспондент
Национальной академии наук Армении,
директор Института археологии и этнографии
Национальной академии наук Армении

Адрес: Республика Армения,
г. Ереван, 0025, ул.Чаренца, 15

Телефон: (+374 10) 556896

Факс: (+374 10) 556896

Эл. почта: info@iae.am

URL: <http://iae.am/>

Avetisyan Pavel –

Doctor of Historical Sciences, corresponding
member of National Academy of Sciences, Director
of the Institute of Archeology and Ethnography of
the National Academy of Sciences of Armenia.

Address: Armenia, Yerevan, 0025, Charents st. 15.

Tel: (+374 10) 556896

e-mail: info@iae.am

URL: <http://iae.am/>

Պավել Ավետիսյան

պատմական գիտությունների դոկտոր,
Հայաստանի Հանրապետության
գիտությունների ազգային ակադեմիայի
թղթակից անդամ,
ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության
ինստիտուտի տնօրեն

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, 0025, Չարենցի 15

Հեռ: (+374 10) 556896

e-mail: info@iae.am

URL: <http://iae.am/>

Կոսյան Արամ Բագրաշակովիչ –

доктор исторических наук, профессор,
Заведующий отделом Древнего Востока
Института востоковедения НАН РА.

Адрес: просп. Маршала Баграмяна 24/4,
Ереван 0019, Армения

e-mail: aramkosyan@yahoo.com

Kosyan Aram –

Doctor of Historical sciences, Professor,
Head of the Department of Ancient Orient,
Institute of Oriental Studies, NAS RA

Address: Marshal Baghramyan 24/4,
0019 Yerevan, Armenia

e-mail: aramkosyan@yahoo.com

Քոսյան Արամ Վաղարշակի

Պատմական գիտությունների դոկտոր,
պրոֆեսոր, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության
ինստիտուտի Հին Արևելքի բաժնի վարիչ

Հասցե: Երևան 0019, Մարշալ Բագրամյան 24/4

e-mail: aramkosyan@yahoo.com

Маилян Бениамин Викторович –

кандидат исторических наук
доцент кафедры Всемирной истории и
зарубежного регионоведения Российско-
Армянского университета

Адрес: ул. Овсепя Эмина, 123, Ереван,
Армения, 0051,

Старший научный сотрудник отдела
Христианский Восток Института
Востоковедения НАН РА

Адрес: пр. Маршала Баграмяна, 24/4, Ереван,
Армения, 0019

e-mail: vsemist@mail.ru; mailyan1968@gmail.com

Mailyan Beniamin –

PhD in Historical Sciences

Associate professor of the Department of World
History and Area Studies abroad of the Institute for
Human Sciences Russian-Armenian University

Address: 123 Hovsep Emin St, Yerevan 0051,
Armenia,

Senior Research Fellow at the Department of
Christian East at the Institute of Oriental Studies
NAS RA

Address: 24/4 Marshal Baghramian Ave., Yerevan
0019, Armenia)

e-mail: vsemist@mail.ru; mailyan1968@gmail.com

Մաիլյան Բենիամին

պատմական գիտությունների թեկնածու
Հայ-Ռուսական համալսարանի
Համաշխարհային պատմության և
արտասահմանյան տարածաշրջանա-
գիտության ամբիոնի դոցենտ,

ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտի
Քրիստոնյա Արևելք բաժնի ավագ
գիտաշխատող

e-mail: vsemist@mail.ru; mailyan1968@gmail.com

Ерицян Айкуи Джаниковна –

Выпускница магистратуры Российско-Армянского университета по направлению Мировая политика и международные отношения, аспирант международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: haykuhiyeritsyan@gmail.com

Yeritsyan Haykuhi –

A graduate Master of Russian-Armenian University of Department of World Politics and International Relations. Postgraduate of International Relations, St. Petersburg State University.
e-mail: haykuhiyeritsyan@gmail.com

Երիցյան Հայկուհի

Հայ-Ռուսական համալսարանի Համաշխարհային քաղաքականության և միջազգային հարաբերությունների մագիստրայի շրջանավարտ:
Ս. Պետերբուրգի Միջազգային հարաբերությունների ֆակուլտետի ասպիրանտ:
e-mail: haykuhiyeritsyan@gmail.com

Аветисян Лиана Григорьевна –

Выпускница магистратуры Российско-Армянского университета по направлению Мировая политика и международные отношения, Административный ассистент, Институт Кавказа
Адрес: Ул. Чаренца 31/4, Ереван 0051, Армения
e-mail: avetisyanliana@gmail.com

Liana Avetisyan –

MA in Political Science and International Affairs, Administrative Assistant, Caucasus Institute
Address of organization: Charents st. 31/4
e-mail: avetisyanliana@gmail.com

Լիանա Ավետիսյան

Քաղաքագիտության և միջազգային հարաբերությունների մագիստրոս,
Հայ-ռուսական համալսարան,
Հայաստանի ամերիկյան համալսարան,
Ադմինիստրատիվ օգնական,
Կովկասի ինստիտուտ
Հասցեն՝ Չարենց 31/4
e-mail: avetisyanliana@gmail.com

Гозальян Виктория Мкртычевна –

Выпускница магистратуры Российско-Армянского университета по направлению Зарубежное регионоведение. Аспирант Классического университета Центрального Китая (Central China Normal University - 华中师范大学)
e-mail: vsemist@mail.ru;

Gozalyan Victoria –

A graduate student of Russian-Armenian University in Foreign Regional Studies. Postgraduate in Central China Normal University (华中师范大学)
e-mail: vsemist@mail.ru;

Գոզալյան Վիկտորիա

Հայ-Ռուսական համալսարանի Արտասահմանյան տարածաշրջանագիտություն ոլորտի շրջանավարտ,
Կենտրոնական Չինաստանի Դասական համալսարանի ասպիրանտ
(华中师范大学):
e-mail: vsemist@mail.ru;

**НА СТЫКЕ МИР-СИСТЕМ:
ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТНЫХ ЗОН ДРЕВНОСТИ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

МОНОГРАФИЯ

ТОМ I

Макет и верстка:
Артур Арутюнян

Տպագրված է «Հայկարիի ՄՊԸ» տպարանում
Հեռ. 091 206 115

Չափսը՝ 60x84 1/8: Թուղթ՝ օֆսեթ:
9 տպագիր մամուլ: Տպաքանակը՝ 300 օրինակ:

